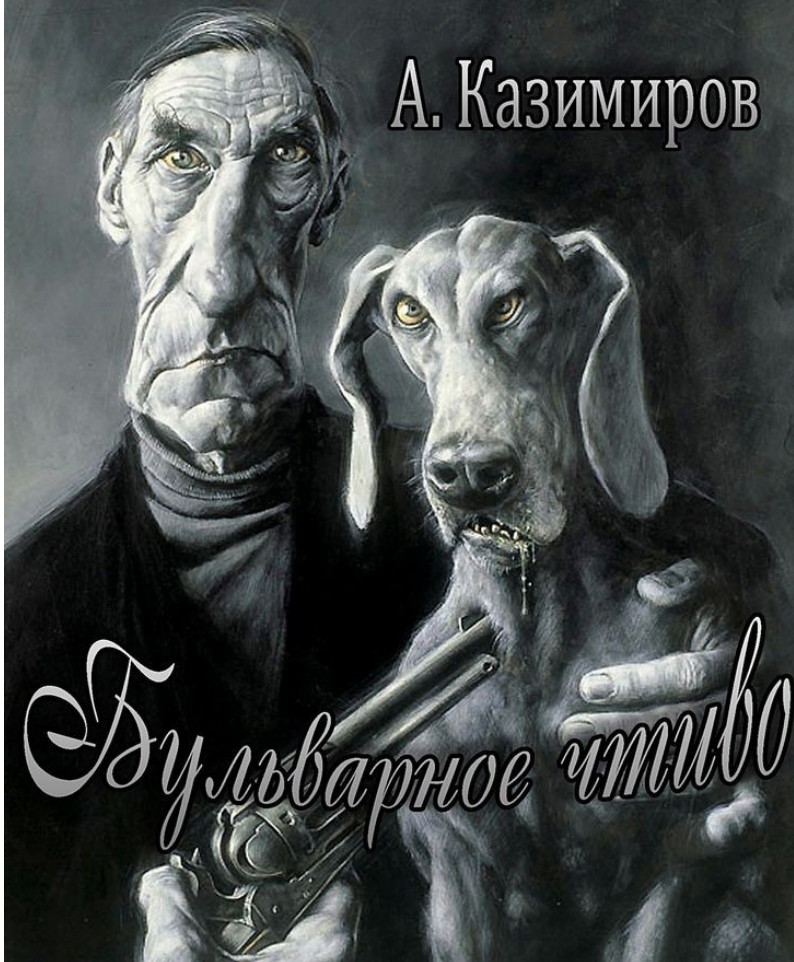

18+

А. Казимиров

Бульварное чтение

Александр Казимиров

Бульварное чтиво.

Повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432156

ISBN 9785448531941

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Дорогой читатель, вы окунетесь в мир простых людей с их мелочными и пустяковыми неурядицами. Захватывающие сюжеты, стилистически яркие, интригуют с первых же страниц. Комизм ситуаций настолько гармонично вплетен в сюжеты, что становится неразрывной его частью. Автор не делает никаких выводов, он веселится, грустит и умирает со своими героями. В книге «Бульварное чтиво» есть и прекрасный воплощенный замысел и изюминка для истинных ценителей художественного слова. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Наледь, снятая с мозга	7
Душ	7
I	7
II	13
III	15
IV	17
Клиника	22
I	22
II	24
III	29
IV	31
Эпилог	35
Вирази эволюции	37
I	37
II	54
III	62
IV	68
V	68
VI	73
VII	74
VIII	75
Лоскотуха	94
I	94

II	99
III	103
IV	108
V	109
VI	110
Гудвин	112
I	112
II	116
III	118
IV	124
V	127
Аптекарь	132
I	132
II	136
III	139
IV	142
V	146
Вечный жид	150
Пролог	150
I	153
II	158
III	162
IV	165
V	168
Эпилог	171
Дорога в Пустоту	174

I	174
II	188
III	190
IV	195
Ангелы из «Гильдии добра»	198
I	198
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Бульварное чтение Повести и рассказы

Александр Казимиров

При изготовлении обложки использована иллюстрация
Sebastian Kruger

© Александр Казимиров, 2018

ISBN 978-5-4485-3194-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наледь, снятая с мозга

Душ

I

В стороне от ослепленных светом реклам и оглохших от шума метро городов, встречаются места, где время замерло. На первый взгляд кажется, будто бы прогресс туда забыл дорогу, бытие течет вялой рекой, в которой нет водоворотов, а тихие омуты с чертями давно затянуло ряской. Однако если прислушаться к разговорам на скамейках, то с удивлением узнаешь дикие истории о многочисленных трупах на дне живописного озера, об убийствах на сонных улочках или загадочной смерти в доме напротив. Журналисты популярных изданий здесь редчайшие гости, поэтому сплетни и пересуды не покидают медвежьего угла. Они рождаются и умирают здесь, оставляя в памяти жителей кошмары, которые терзают их в полнолуние. Впрочем, не стоит забегать вперед и торопить события, от которых стынет кровь. Начнем по порядку. Итак...

Елизавета Ивановна Лейка при росте метр с кепкой тянула килограммов на сто или даже чуть больше. Чтобы казать-

ся выше, она делала начесы и цементировала их косметическим лаком. Если бы на нее упал кирпич, то существенного вреда он бы не причинил – подушка безопасности была надежной.

– Уф, уф... – голубкой ворковала она, подставляя налетевшему ветру рыхлое лицо.

Вавилонская башня на голове плавно покачивалась. Для оригинальности башню можно было бы украсить бантом, но Лейка и так выглядела неотразимо. Мало кто из горожан мог пройти мимо, не оценив ее по достоинству. Бесформенной картофелиной она перекатывалась по тротуару, и тот болезненно потрескивал. Надо признать, потрескивал тихо, так, что никто не слышал. О его страданиях можно было догадаться, глядя на изломанные молнии, бегущие из-под ног Елизаветы Ивановны в разные стороны. При ее появлении воробьи прекращали чирикать; бродячие псы поджимали хвосты и уступали дорогу. Ничему не удивлялись только витрины магазинов, куда она захаживала. Надраенными до блеска стеклами они пожирали ее, отражая в своей прозрачной утробе.

Магазины Лейка посещала с таким же любопытством, с каким культурные люди ходят по музеям. Она подолгу стояла у прилавков, что-то высматривала, удивлялась. Иногда доставала пухлый кошель и с некоторым сожалением расставалась с деньгами. Спрятав покупку в сумочку, Лейка теряла потребительский аппетит.

Елизавета Ивановна в свои тридцать с хвостиком лет не имела никакой профессии и жила за счет мужа, председателя городского общества инвалидов. Тонкий, гибкий во всех отношениях Анатолий Лукич славился дипломатичностью, политкорректностью и еще бес его знает какими положительными характеристиками. Это был вполне здоровый мужчина, если не брать во внимание отсутствие одной ноги. Инвалидность не являлась следствием какой-то трагедии, — он таким родился. Что поделаться, природа иногда дает сбои, выпуская на свет божий некондиционную продукцию. Муж Лейки не страдал от врожденной убогости. У него имелся замечательный протез, беззаботно поскрипывающий при ходьбе.

Лукичу неизменно уступали место в общественном транспорте и всюду пропускали без очереди. Все, благодаря неполноценности. Председатель боготворил деревянную ногу не меньше, чем жену. На ночь он отстегивал ее, гладил и прятал под кровать. Затем плющом оббивал Елизавету Ивановну.

— Мышка моя, — с придыханием бормотал он, — ты у меня самая красивая! Был бы я царем, я бы тебя на монетах увековечил или на марках почтовых выпустил! Был бы богомазом — на иконах запечатлел...

Лукич не был ни тем, ни другим. Перед сном он с жаром дарил Елизавете Ивановне порцию золотых слов. На этом его супружеский долг заканчивался. Лукич отворачивался

и сладко засыпал. По данной причине детей в семье не водилось. Оно, может, и к лучшему: ни соплей, ни визга, ни других проблем. Товарищ Лейка чувствовал себя великолепно и для всех служил эталоном образцово-показательного человека. Вот только пуританские отношения не устраивали его супругу. Обделенная лаской женщина провожала мужа на работу и набирала номер домоуправления.

– Здравствуйте! У меня унитаз засорился!

Работники ЖЭУ догадывались о проблемах Елизаветы Ивановны и с пониманием относились к ней. На вызов приходил один и тот же, исполняющий роль мужа на час, невыбритый гражданин. Он бросал вантуз в прихожей, скидывал штилеты и обнимал разомлевшую в предвкушении ласки женщину.

– Соскучилась, голуба моя? – одеколоном дышал сантехник.

– Истосковалась... – Лейка тащила его в спальню.

«Прочистив унитаз», награжденный за труды бутылкой водки слесарь уходил. Елизавета Ивановна запирала дверь и принимала ванну. Она смывала грехи, а потом долго сидела в горячей воде – вспоминала до мелочей все, что происходило в кровати. Однажды на вызов явился незнакомый мужик.

– А где тот, который до вас приходил?

– Заболел! – словно по живому резанул сантехник. – Ну, что тут у вас стряслось?

Он проверил смывной бачок. Все работало исправно.

– Дергаете по пустякам, а у меня еще пять вызовов!

Елизавета Ивановна пришла в бешенство, сочла себя обманутой самым гнусным образом, осмеянной и униженной. Она заб-ралась в ванну и так крутанула барашек крана, что сорвала резьбу.

Анатолию Лукичу пришлось покупать новый смеситель и собственноручно его устанавливать. Насвистывая под нос незатейли-вый мотивчик, председатель общества инвалидов вернулся с работы, поставил в угол трость и повертелся перед зеркалом.

– Лиза, Лизонька! – привычно крикнул он из прихожей.

Ему никто не ответил. «Странно, неужели в магазин ушла?» – он заглянул в комнату. Халат жены небрежно валялся на диване, из ванной доносился шум воды. «Ага, вот ты где!» – Лукич на цыпочках подкрался и потянул дверь на себя.

– Плаваешь, рыбонька моя?

Посиневшее лицо «рыбоньки» искажала гримаса ужаса; пальцы вцепились в душевой шланг, обмотанный вокруг шеи. Лукич оторопел. Не зная, чем помочь жене, он выско-чил в подъезд и начал барабанить во все двери.

История загадочной смерти Елизаветы Ивановны вызвала интерес не только у правоохранительных органов, но и у соседей, хорошо знавших семью председателя. Никаких следов пребывания в квартире посторонних лиц не обнаружили,

и подозрения пали на супруга убиенной. Лукич впал в уныние и был абсолютно разбит. Сидя возле гроба, он глотал слезы, не реагируя на происходящее вокруг. Вдовец не задумывался над тем, что надо готовиться к похоронам, заказывать поминки и выполнить еще кучу необходимых дел. Все эти заботы взвалило на себя возглавляемое им общество. Поглаживая остывшие кисти жены, Лукич пребывал в полной прострации. Единственное, что можно было от него услышать:

– Лизонька, а как же я?

Лукич всхлипывал и безотрывно глядел на покойную супругу. Будто чувствуя состояние мужа, она приоткрыла один глаз, игриво улыбнулась и тут же вернула лицу безучастное выражение. Председатель городского общества инвалидов едва сдержался, чтобы не вскрикнуть; отшатнулся, глянул на стоящих вокруг людей – все были торжественно печальны, и ничего особенного в их поведении не наблюдалось. «Померещилось!» – Лукич промокнул платочком глаза. Плаксиво завывли трубы. В унисон им минорным звоном рассыпались медные тарелки. Траурная процессия направилась к катафалку. Возглавляла ее соседка, посыпающая дорогу цветами.

Лукич плохо помнил, как прошли похороны. Очнулся он дома за столом. Из рамки, опоясанной черной лентой, на него смотрела покойная супруга. Невыносимая тоска щемила душу, не выпускала ее из цепких объятий. До самой

ночи Лукич просидел возле фотографии. Огарок пустил дымок и с треском погас. Сумрак размазал образ ненаглядной Елизаветы Ивановны. Лукич завалился на кровать и сразу провалился в глубокую, темную яму. Его разбудил настырный стук в дверь. Подволакивая деревянную ногу, вдовец захромал в прихожую.

– Анатолий Лукич, может быть, по дому что сделать? – сочувственно поинтересовалась соседка, в руках она теребила листок бумаги. – Вот, повестка вам пришла!

Женщина протянула бланк. Лукич глянул на исписанное корявым почерком уведомление и запихнул его в карман. Одиночество угнетало. Выхолощенный им, он вернулся в комнату.

– Лиза, Лиза! Милая моя, ненаглядная девочка!

Слезы покатались по щекам председателя общества инвалидов.

II

Следователь прокуратуры Лаврентьев, активный, слегка взвинченный человек, задавал не имеющие отношения к смерти супруги Анатолия Лукича вопросы. Повторял их, то в одной, то в другой последовательности. Лукич отвечал не думая – жизнь без Лизы утратила для него интерес.

– Распишитесь, вот здесь. Нет, не здесь, а под фразой: «С моих слов записано верно». Все, можете быть свободны,

пока.

Остаток дня прошел без каких-либо событий. Лукич лежал на кровати с закрытыми глазами. Незаметно он погрузился в дрему, очнулся же оттого, что кто-то гладил его по руке. Лукич открыл глаза и вздрогнул. Перед ним сидела супруга. Виновато улыбаясь, она теребила пальцами поясок на платье.

– Прости, Толя! Это была глупая шутка. Я хотела проверить, насколько сильно ты меня любишь. Не сердись, умоляю тебя! – сказала она и прильнула к его груди. – Обними меня, дорогой!

Лукич, не веря в чудо, прикоснулся к жене. Провел рукой по ее начесанным волосам и облегченно вздохнул. Сердце радостно заколотилось. «Господи, как хорошо, что это был розыгрыш! Пусть страшный, пусть глупый, но розыгрыш!» Он обнял Лизу и принялся целовать.

– Прими душ! – попросила она. – Я так соскучилась по ласковым словам! В гробу ужасно одиноко, и лежать неудобно!

Лукич скинул одежду и отстегнул протез. На одной ноге он запрыгал в ванную. Упругие струи воды приятно пощипывали тело, возвращали бодрость. Председатель общества инвалидов намылился и собрался ополоснуться, но не тут-то было! Душевая лейка выскользнула из рук, удавкой сдавив его горло. Лукич сопротивлялся, но силенок не хватало. В пылу борьбы он видел, как вошла жена. Начес на ее голо-

ве съехал набок, из-под слипшихся ресниц смотрели мертвые глаза. Вздвнувшееся, безобразное тело покрывали струпья. Елизавета Ивановна протянула к Лукичу руки с отросшими грязными ногтями.

– Мойся скорее, я жду тебя!

III

Озерная гладь нежилась под навесью тумана; свежий ветерок колыхал ковер из травы. Незаметно горизонт покраснел и выплюнул огненный диск. Косыми лучами тот растопил предрассветные сумерки. Следовательно Лаврентьев глядел на застывший поплавок. «От чего оттолкнуться, за какую ниточку потянуть, чтобы распутать два странных убийства в одной квартире? Опрошены соседи, сняты отпечатки пальцев и проверены владельцы телефонов, которым убиенные звонили – никаких зацепок! Надо бы еще разок туда сходить, все досконально осмотреть. Не может быть, чтобы не осталось никаких улик!» Поплавок скрылся под водой. Лаврентьев дернул удилище, бросил в садок маленького окунька и смотал удочки.

Дома следователь переоделся и долго рылся в письменном столе. «Хорошо, ключ от злосчастной квартиры не оставил в сейфе, а то пришлось бы тащиться в прокуратуру, объяснять, что тебе там понадобилось», – он запер дверь и отправился на место запутанного преступления.

Осиротевшее жилище встретило следователя скрипом половиц. Слой пыли на журнальном столике уверял, что в квартире давно не прибирали. Лаврентьев рыскал, как пес, искал ниточку, за которую можно было бы потянуть и распутать таинственный клубок. Он обшарил все углы, но ничего интересного не обнаружил. Портрет покойной Елизаветы Ивановны внимательно наблюдал за его действиями. Напоследок следователь решил осмотреть санузел.

Чугунная ванна с пожелтевшей, местами отколовшейся эмалью выглядела нищенски по сравнению с новым блестящим смесителем. Некстати моргнула и погасла лампочка. Лаврентьев чиркнул спичкой. Та угрожающе зашипела и вспыхнула. На дне ванны петлей свернулся душевой шланг. Следователь наклонился и взял его.

– Д-у-ушно... Открой кран! – жалобно булькнула лейка.

Лаврентьев с ужасом отшвырнул ее от себя и рванул из квартиры. Прыгая через ступеньки, он выскочил во двор.

Старенький врач направил в глаза следователя луч фонарика и сокрушенно покачал головой.

– Сделайте ему укольчик! Никогда не думал, что в милиции сумасшедшие работают, – обратился он к медсестре.

Крепко спутанный по рукам и ногам Лаврентьев извивался на кушетке. Как заезженная пластинка, он повторял:

– Душно, откройте кран! Душно...

IV

Сантехник Криворучко сидел на скамеечке около родного ЖЭУ и вдыхал аромат давно нестиранных носков. К счастью, собственные запахи не вызывают такого отвращения, как чужие, иначе бы слесарь задохнулся. Тупо глядя на сандалеты, Криворучко мечтал раздобыть немного денег и подлечиться.

– Василич, заканчивай посиделки! – Марья Ильинична, начальник ЖЭУ, обмахивала себя газетой. – Вот ключи от жилища твоей бывшей пассии. Сходи, посмотри, что там? Соседей затопило, жалуются!

Криворучко схватился за голову. Опасаясь, что она расколется, он нехотя поднялся. Перед глазами кружились черные хлопья. Они расплывались, исчезали и появлялись снова.

– Опять с бодуна? Ну-ка, дыхни! – Марья Ильинична шумно втянула воздух угреватými ноздрями.

Ядреный запах носков пропитал воздух и заглушал все остальные. Женщина непонимающе посмотрела на слесаря.

– Ты что пил?

– А-а-а!!! – обреченно махнул рукой Криворучко.

Сумка с инструментами повисла на плече, сантехник протянул трясущуюся руку.

– Давай ключи от квартиры, где трупы лежат!

– Осторожнее будь, шутник! Люди болтают: маньяк ору-

дует! Не хватало еще на твои похороны деньги собирать. У меня кредит не погашен, каждая копейка на счету! – Марья Ильинична перекрестила удаляющегося сантехника.

Криворучко в задумчивости остановился перед хорошо знакомой квартирой и вставил ключ в замочную скважину. «Будь ты неладна!» – чертыхнулся он, обращаясь неизвестно к кому.

Дверь без скрипа отворилась и пригласила слесаря войти в темную прихожую. Криворучко включил свет в ванной. Кафельный пол заливала вода. Мочить ноги желания не было, слесарь разулся и стянул носки. Микроскопический свищ на трубе фонтанировал еле заметным веером. Криворучко уже хотел удалиться за сварщиком, как его внимание привлек смеситель, небрежно свисавший с ванны. «Вот она, панацея от похмелья!» – сантехник вытащил гаечный ключ и с потрясающей скоростью отвернул приглянувшуюся штуковину. Осталось на ее место прикрутить старенький смеситель, завалившийся в каморке, а этот обменять на водку.

Криворучко шел и рассматривал неожиданную добычу. В приподнятом настроении он запихал указательный палец в отверстие крана и тут же пожалел – палец засосало с дьявольской силой. Слесарь остановился и попытался освободиться от капкана. Душевая лейка стала возмущенно шипеть. Намотанный на руку шланг сдавил запястье, да так сильно, что Криворучко вскрикнул.

– Товарищи, караул! Рабочему человеку конечности ло-

мают!

Вокруг собралась толпа зевак.

– Белая горячка! – старичок с лицом алкоголика поправил на голове панаму и поспешил к телефонной будке.

Участь Криворучко выглядела уныло и он побежал. Гигантские прыжки удаляли его от смеющихся горожан. Пробегаая мимо канавы с омерзительными испарениями, он почувствовал, что шланг ослаб. Палец с глухим хлопком выскочил из отверстия. Криворучко с ненавистью швырнул смеситель в жижу.

– Живой? – Марья Ильинична грызла семечки, поглядывая на слесаря. – Ничего потустороннего не наблюдал?

Криворучко хотел рассказать о нападении смесителя, но промолчал: не дай боже, припишут кражу и сумасбродство.

– Живой, матушка пресвятая богородица! Фу ты черт! У тебя опохмелиться нечем? Дурно мне!

– Совсем спиваешься! – фыркнула Марья Ильинична, одернула прилипшее к потным ляжкам платье. – Айда, подлечу!

На этом можно было бы поставить точку, если бы не дальнейшие, полные трагизма события, произошедшие с Лаврентьевым. Продержав в психиатрическом диспансере почти год, его отпустили. Бывший следователь быстро подыскал занятие по душе. Сутки напролет он слонялся по городу, высматривал одинокую женщину и бочком приближался к ней.

– Душно мне! – таинственно говорил Лаврентьев, указывая глазами куда-то ниже пояса. – Открой кран!

Удовлетворенный видом растерявшейся дамы, он был счастлив в своем безумии. Однажды Лаврентьев подкрался к довольно полной гражданке и узнал в ней усопшую Лейку, чей портрет видел в странной квартире. Ужас овладел бывшим следователем. Лаврентьев сдвинул голову руками и бросился наутек. Он не соображал, куда несут его ноги. Шаткий мостик, по которому сумасшедший бежал, раскачался. Лаврентьев не удержал равновесия. Перила с треском сломались и опрокинули его в зловонную жижу. Предвкушая забаву, та радостно хлопнула.

Несчастный звал на помощь, однако поблизости никого не оказалось. Чем активнее он барахтался, тем быстрее кончались силы. Быть может, Лаврентьев бы и спасся, но нечто холодное и гибкое обвило его шею. В ушах зазвенело, язык распух и не помещался во рту. Лаврентьев прекратил сопротивление. Его нашли случайно, очищая сточную канаву. Шею разложившегося трупа обматывал никелированный шланг смесителя. Уголовное дело по факту убийства закрыли, списав все на суицид.

Работник прокуратуры вытащил из сейфа смертоносную улику, та торжественно сверкнула в лучах электрической лампы.

– Почти новый, послужит еще! Мой-то давно менять пора!

Смеситель переключал в его портфель.

Клиника

I

Сергей Геннадьевич Басаргин, мужчина глянцевого наружностью, в коллективе театра имел неплохую репутацию. Не сказать, чтобы он был ангел: как всякий порядочный россиянин, Басаргин любил залить за воротник. Но пил не очень часто, игнорируя мелкие поводы и выходные дни. Зато, когда вожжа попадала под хвост, он срывался в крутое пике и мог гульнуть недели две. Впрочем, это несколько не отражалось на его положении. Как-то после запоя он решил вступить в партию. Басаргин заперся в гримерной, заполнил анкету, а потом ее перечитал.

«Батюшка мой родился в семье известного государственного деятеля. Детство и юность провел в Англии, где дед исполнял обязанности российского посла. Возвратившись на родину, поступил в чине поручика на службу в гвардию. По собственному желанию перевелся на Кавказ для боевых действий против горцев. Вскоре отличился при штурме и был награжден. Участвовал в боях на реке Алазани.

Матушка родилась в 1830 году, но рано лишилась родителей и воспитывалась дядей. Она получила блестящее образование, включавшее не только языки, изящную словес-

ность, музыку и танцы, но и основательное знакомство с историей, географией, литературой. Больше всего мама обожала заниматься математикой. Кроме того, интересовалась политикой, философией, экономикой... – Господи, что за окоlesiцу я написал? Какие государственные деятели, дворяне?! В своем ли я уме?» – Басаргин поднялся, желая утолить жажду. Мельком глянул на календарь и пришел в замешательство – на нем витиеватыми цифрами значился 1899 год!

Из-за окон доносились несвойственные современному городу звуки. Сергей Геннадьевич одернул штору. По улице разъезжали конные экипажи. Внешним видом поражал народ: мужчины – в костюмах английского покроя, женщины – в платьях с завышенной талией... Шляпки, рафинированная элегантность серебряного века. «Кино, наверное, снимают историческое. Декорации – на загляденье!» – восхитился Басаргин и поспешил на театральное крыльцо. Вдоль украшенного скульптурной группой театрального фасада крутились торговцы-разносчики с лотками.

– «Вестник Европы», покупайте «Вестник Европы»! – зывал прохожих мальчишка с сумкой наперевес.

Ни камер, ни режиссера, говорящего о съемках – ничего! «Что за дьявол?» – недоумевал Басаргин и решил выяснить, в чем дело. Не успел он сделать и пару шагов, как лошадиный храп плетью резанул по ушам. Сильный удар свалил кандидата в партию на мостовую. Неожиданно шум и крики стихли, наступила ночь.

– Видите, друзья, сколько интересного способен рассказать обыкновенный алкоголик, подобранный на улице! – Профессор Ребиндер отцепил присоски с головы обездвиженного человека. – Погружение разума в канувшую эпоху прошло успешно.

– Яков Петрович, а вернуть товарища к нормальной жизни можно? – Ассистент приподнял пальцем веко театрального актера, ставшего жертвой любви к горячительным напиткам.

– Можно, но на это потребуется много времени и очень дорогие препараты. Проще сделать эвтаназию! – Ребиндер задумчиво посмотрел на подопытного. – Знаете что, давайте оттяпаем ему голову и присоединим ее к системе искусственного жизнеобеспечения. Очень интересно понаблюдать, как она поведет себя без тела. Но это завтра, а сейчас мне надо домой – рыбок покормить!

II

Желания человека бывают так высоки, что в попытке достичь их многие свернули себе шею. Никодим Рюмин боготворил группу ZZ TOP. Ублажая каприз души, он игнорировал заповедь: «Не сотвори себе кумира» и стремился во всем походить на заокеанских богов. Первым делом он отпустил бороду, холил и лелеял ее, ежедневно вычесывая тополиный пух и всякую гадость, занесенную ветром. Бородка была дей-

ствительно уникальна – не очень густая, скорее жиденькая, но весьма длинная. Поговаривали, будто Рюмин использовал какие-то мази для ее роста.

Гуляя по улице, он привлекал взгляды прохожих неординарной внешностью. Ребяшня считала Никодима джином, выскочившим из бутылки портвейна. Старушки, заведев его, сторонились. Девицы, наоборот, проявляли повышенное внимание. Они выдергивали из бороды волосок и произносили: «Трах-тарарах!», мечтая о восстановлении целомудрия. Иностранная делегация, прибывшая в город с дружественным визитом, приняла Никодима за монаха-отшельника и сфотографировалась с ним.

Работал поклонник рок-музыки в банно-прачечном комплексе оператором котельного оборудования. Довольствуясь сравнительно небольшой зарплатой, он грезил о мотоцикле известной марки «Harley Davidson». Никодим откладывал деньги и становился прагматичным жлобом, или просто жлобом. Он скрупулезно пересчитывал сдачу и петушком насканивал на продавщиц с претензиями. Вследствие этого, обслуживать его не торопились. Подолгу стоя у прилавка, он терпеливо ждал – когда его вновь обсчитают и... – закатывал скандал.

Под Новый год Рюмин плюнул на выходные дни и трудился в поте лица: экстравагантный Дед Мороз с черной бородой обслуживал утренники и банкеты. По вечерам, пересчитав дневной заработок, Никодим видел себя в кожаной жи-

летке, очках «каплях», с развивающейся на ветру волосатой красотой. Его мотоцикл летит по улицам города. Захлебываясь от восторга, за ним гонятся дворовые псы. Умирая от зависти, они пытаются тяпнуть Рюмина за ногу. Но куда там...

Весной солнце так припекло голову Никодима, что он приобрел на автомобильном рынке старенький «Восход» – на «Harley» денег не хватило. Сутки напролет Рюмин возился с мотоциклетом: перебирал движок, до блеска полировал никелированные выхлопные трубы и замысловато выгнутый руль. Надо отдать должное – «Восход» засиял! Выразительно урча, подобие «Harley Davidson» рвалось в дорогу.

Страна отмечала праздник труда и ликовала в пьяной эйфории. Воздушные шарики уносились в небо, пролетариат горланил песни и бил друг другу морды, а во дворе банно-прачечного комплекса, игнорируя всеобщее веселье, появился человек в черном. Его борода не оставляла сомнений, что это участник легендарной группы ZZ TOP. Он выкатил из сарая железного коня. Рывкнул движок, колеса с истошным визгом оставили на асфальте след жженой резины. Многие горожане стали очевидцами потрясающего шоу: по улице мчался обезумевший мотоциклист. За ним, задыхаясь от погони, – свора облезлых собак.

Минута славы длилась недолго – на повороте бороду седока замотало в колесо, голову дернуло так, что очки, сверкая тонированными стеклами, слетели. В стремлении их поймать, железный конь завалился на бок. Полсотни метров он

волок седока по асфальту. Наконец мотор чихнул на прощание и заглох, приглашая зевак полюбоваться потрясающим зрелищем. Очевидцы трагедии отогнали дворняг и хотели оттащить Никодима с проезжей части, но запутавшаяся в спицах борода крепко удерживала его. Эскулапы из скорой не церемонились, взяли да и оттяпали волосатую гордость. После экзекуции Никодим выглядел как боярин, побывавший на приеме у Петра I. Переломанного байкера загрузили в машину и доставили на операционный стол.

Традиционная медицина оказалась бессильна – шейные позвонки раскрошились. С конечностями дела обстояли не лучше. Ничего другого не оставалось, как отправить безнадёжного пациента в экспериментальную секретную клинику, где фокусы врачей не имели предела.

Никодим открыл глаза. Стерильный до безобразия окружающий мир благоухал лекарствами. Похожая на бациллу медсестра светилась от счастья и всплескивала руками.

– Батюшки, очнулся! Крепкий, доходяга!

Она выскочила из палаты и тут же явилась с бородатым старикашкой. Тот, не скрывая любопытства, коснулся лба Рюмина.

– Тридцать семь с половиной, не меньше! – на ощупь определил доктор. – Ничего страшного. Главное, что в себя пришел! О вас, молодой человек, весь ученый мир говорит!

Никодим понял, что прославился. Хотелось пожать врачу руку, но сделать это было нечем. От беспомощности или

от сострадания к себе он застонал. Профессор со скрипом разогнулся.

– Вот, Караваева, присобачим ему руки, ноги и получится киборг! Я заказал в Германии механические протезы. От настоящих конечностей не отличишь! Глядишь, еще и женится.

– Да кто ж за него выйдет, за конструктор этот? – Караваева ехидно усмехнулась.

– Да хотя бы и ты, ради эксперимента! А уж клиника возьмет вас на полное содержание. – Доктор раздел медсестру глазами и представил брачную ночь.

– За что вы мне жизнь сломать хотите, Яков Петрович?

Из девичьих глаз выступили слезы.

– Глупая, не понимаешь своего счастья! Вон Глафира Мамакина с головой живет и рада до смерти. Погладит ее, послушает умные речи и – пошла налево. А сколько денег государство выделяет на ее содержание! – Яков Петрович Ребиндер сунул руки в карманы и ударился в словоблудие: – На фоне толпы отдельно взятая личность незаметна, как песчинка на склоне бархана. С таким мужем, радость моя, самая пестрая толпа на вашем фоне будет смотреться бледно, ажурно выражаясь – кучкой экскрементов.

Караваева в душе надеялась на чудо, верила: доктор войдет в ее положение и скажет: «Ну ладно, ладно... Пошутил я! Найдем другую кандидатуру на роль невесты». Но доктор молчал.

– Так то – голова! Она совершенно безобидная. Кулаков у нее нет, в морду треснуть нечем. Стоит себе на тумбочке, как радио, по ночам не домогается! А мне с этим-то спать придется! – всхлипывая, Караваева прокляла свою незавидную участь.

– Переспишь разок, ради диссертации. Потом мы его оскопим!

Приговор лишил сознания воскресшего было Никодима.

III

Жужжа многочисленными моторчиками, Рюмин сдал стакан. Тот лопнул, превратившись в осколки. Врач сморщился.

– Аккуратнее, аккуратнее! Не стоит применять максимальное напряжение. Ты таким образом жене груди отдавишь. Нежнее надо, нежнее. – Яков Петрович подал новый стакан. – Давай-ка еще разок! Караваева уже сгорает от нетерпения, но немного боится. И я ее понимаю!

В больнице Рюмина звали терминатором. Он ходил приходя и амортизируя. При появлении чуда прогресса, совмещающего в себе живой организм и последние разработки секретных ведомств, медперсонал шарахался в стороны. Вокруг Никодима крутились журналисты из всевозможных изданий. Телевизионные новости начинались с доклада о его здоровье и приобретенных за прошедшие сутки навыках.

Как-то в палату терминатора вошел министр обороны и растегнул кобуру.

– Скажите, а вы ногой можете пистолет держать?

Никодим выхватил ступней оружие и направил его на министра. Генерал ликовал от восхищения, как дитя, впервые увидавшее заводную игрушку.

– Вы – идеальный солдат! – Министр прикрепил на пижаму Рюмина орден «За небывалые возможности». – На такое способны лишь сказочные герои!

Слава, пришедшая необычным путем, вызывала раздражение. Всем видом показывая радужное настроение, Рюмин ощущал себя совершенно по-другому. Тренируясь в управлении механическими конечностями, он все больше осознавал никчемность такой жизни. Стоит ли ради чужой диссертации переспать с Караваевой, стать кастратом и пребывать до конца дней своих в образе подопытного кролика?!

– Просыпайся лежебока, пора упражняться! – Яков Петрович искал взглядом предметы, с которыми предстояло заниматься. – А где же...

Договорить он не успел. Телескопическая конечность Рюмина схватила доктора за горло. Оторванная, с выпученными глазами голова полетела в угол, фонтан крови забрызгал потолок. Судорожно дергаясь, Ребиндер повалился на пол. Секунд тридцать он цеплялся пальцами за паркет, словно хотел отползти подальше.

Рюмин по достоинству оценил творение своих рук. За-

прыгнув на подоконник, он выдавил стекло спиной и полетел вниз.

IV

Глафира Макакина вразвалочку подошла к палате. Опустив на пол ведро с дистиллированной водой, обмакнула в него белоснежную марлю. Жуткая картина произошедшей трагедии заставила ее действовать молниеносно. Сунув голову Ребиндера под халат, она выскочила в коридор и прошмыгнула в подсобку, выделенную для ее проживания. С тумбочки на запыхавшуюся Макакину взирала голова бывшего театрального деятеля.

– Все, Басаргин! Отговорила роща золотая!

Глафира отключила подачу искусственного жизнеобеспечения и выдернула из специальной подставки башку мужа. Не теряя времени, пристроила на его место черепок профессора. Забулькала кровь, наполнила вены и капилляры. Светлые мозги Якова Петровича вернулись к жизни. Сладко зевнув, доктор сморщил восковый лоб и стал удивленно моргать.

– Макакина, где я?

– У меня, профессор! Будете гениальные мысли нашептывать. Хватит мне полы драить и горшки с дерьмом таскать! В противном случае... – Она раскрыла пакет, в котором упокоилась голова Басаргина. – А чтоб не вздумали шу-

меть и безобразничать, я вам кислород перекрою!

Ребиндер плюнул в обнаглевшую санитарку, но вышло неудачно. Слюна вязким ручейком скатилась по профессорской бородке.

– Ой, пустили нюни, как дитя малое! – Санитарка носовым платком утерла ему лицо. – Все, побежала. Время не ждет!

По пути Макакина колошматила пакетом об стену и довела Басаргина до неузнаваемости. В палате она бросила изуродованную голову мужа в угол, повалилась на пол и заголосила:

– Господи, да что же это на белом свете деется!

Послышались торопливые шаги, дверь в палату распахнулась. Караваева бросилась поднимать барахтающуюся в кровавой луже санитарку. Та закатывала глаза, вырывалась и снова падала, размазывая по полу следы произошедшей трагедии.

Подобной драмы в клинике не разыгрывалось отродясь. Мало того, что многообещающий пациент кончил жизнь самоубийством, так он еще угробил ведущего специалиста. Пресса во всей красе расписала смерть Ребиндера, смаковала и додумывала то, чего не было и в помине. Ходил слух, будто бы оторванная голова профессора умоляла замуровать ее в кремлевской стене.

Макакина ущипнула Ребиндера за щеку и вывела из дремы.

– Давай, Гиппократ, делись заветными тайнами! Хочу стать ведущим специалистом в области медицины! В качестве поощрения – будешь любоваться обнаженным телом. – Она распахнула халат, под которым притаились две дыни с огромными сосками. – В наказание – подзатыльники и черная повязка на глаза!

Профессор, вернее то, что от него осталось, молча выслушал предложенные условия. Его ресницы дрогнули и опустились.

– Глафира, уясни – медицина – наука сложная, требует специальных знаний. Ты знакома с анатомией человеческого тела, с тем, как работают внутренние органы?

– Это лишнее, ты идеями делись. Рассказывай, как из человека монстра слепить? Кстати, – санитарка разложила перед Ребиндером фотографии, – полюбуйся на свою могилку! Уясни, – ты полностью принадлежишь мне! Пол-нос-тью! – Она с гордостью посмотрела на притихшего профессора.

Утром Глафира подошла к новому заведующему – Бенедикту Семеновичу Шпаку и осторожно взяла его за рукав.

– Мне кажется, товарищ Шпак, если человеку пришить вместо рук два хобота или щупальца осьминога, то он приобретет незаурядные возможности!

– Макакина, откуда в вашей голове этот бред?

– Не перебивайте будущего Нобелевского лауреата, я еще не поведала о главном! У меня есть мечта: приляпать человеческую голову к телу удава! Вот где будет сенсация! На-

до лишь изобрести сыворотку, после введения которой организм не будет отторгать чужеродные органы. В ближайшее время я уделю внимание этому вопросу! – Макакина закинула швабру на плечо и удалилась.

– Совсем рехнулась! – пробормотал Шпак, взглядом провожая санитарку.

Ребиндер любовался обнаженной Глафирой и делился с ней потрясающей информацией. За короткое время были подготовлены химические формулы сыворотки, а также план проведения операции по пересадке человеческой головы анаконде. В благодарность, Макакина прижимала Якова Петровича к груди и разрешала ее целовать. Возбужденный мозг профессора выложил все грандиозные задумки, разрабатываемые им на протяжении многих лет.

Макакина все больше и больше заинтересовывала профессора. Оригинальный ход ее суждений приводил Шпака в восторг. Глафира перестала мыть полы, более того, стала его замом. Вскоре в стенах клиники закипела подготовка к сложнейшей, засекреченной работе. Планы операции держались в тайне, даже ведущих специалистов не посвящали в них – боялись утечки информации. Назревала революция в области нейрохирургии.

Бенедикт Семенович одернул занавеску. Полученная им шифрограмма сообщала: «Заказной груз с берегов Амазонки прибыл. Просим срочно забрать его с терминала аэропорта». Шпак спешил поставить Макакину в известность.

Он приблизился к дверям, за которыми жила Глафира. Дабы не тревожить ее внезапным появлением, профессор прислушался к происходящему в комнате. Каково же было его изумление, когда он услышал до боли знакомый голос Ребиндера. Бенедикт Семенович прильнул к замочной скважине. Секрет гениальной санитарки был раскрыт! На следующий день Шпак отправил Глафиру получать груз, а сам проник в ее комнату. Он бережно снял накидку с головы Ребиндера и чмокнул коллегу в лоб.

– Яков Петрович, здравствуйте! – сказал Шпак; его глаза затянулись пеленой слез.

Ребиндер ожил, румянец вспыхнул на его щеках.

Эпилог

Перевозка анаконды вымотала Глафиру. Женщина, отдуваясь, вошла в кабинет, развалилась в кресле и вытянула одутловатые, с вздувшимися узлами вен ноги.

– Шпак, включите вентилятор – жара, дышать нечем!

Профессор щелкнул тумблером и направил на заместителя воздушную струю. На всякий случай измерил у Макакиной давление.

– Ничего страшного, сейчас все поправим! – Он достал ампулу и шприц. – Вам, Глаша, нужно отдохнуть перед операцией. Представляю, какой фурор она произведет в научных кругах!

На ярко освещенном операционном столе лежала змея размером с телеграфный столб. Наркоз не лишил ее глаза гипнотических свойств, приписываемых удавам.

— Караваева, не спи! — Бенедикт Семенович бросил в ведро ампутированную голову анаконды и бережно взял из рук медсестры голову человека. Началась кропотливая работа. Сшивая сосуды и капилляры, Ребиндер все-таки сомневался в успехе.

Докушливый храп разбудил Глафиру. Она зевнула и хотела потянуться, да не тут-то было — у нее отсутствовали руки! Мало того, не было и ног! Любуясь своим закрученным в спираль телом, Макакина зашипела и окинула взглядом реанимационное помещение. На стуле дремала медсестра. Стараясь ее не разбудить, жертва врачебного произвола выползла из палаты. Больше Глафиру никто не видел. Бенедикт Семенович знал о ее коварстве не понаслышке и клинику не покидал. При себе он носил парабеллум, заряженный ядовитыми пулями. Голова Ребиндера переехала в его кабинет.

Вечерами коллеги беседовали о новейших медицинских разработках и подыскивали для Якова Петровича донорское тело.

Вирази эволюции

I

Тишина стояла в доме банкира Мотыльковского. Было слышно, как колотилась об потолок шальная бабочка, залетевшая откуда. Роняя с ажурных крыльев пыльцу, она постепенно выбивалась из сил. Если не смотреть вверх, то по звуку казалось, будто на пол капает вода. Плотные зашторенные окна не пропускали в комнату солнечный свет, и спальня нежилась в сумраке.

Ближе к полудню Анастасия Филипповна проснулась. Не открывая глаз, прислушалась к агонии насекомого, затем – к процессам внутри своего организма. Распирало живот и тошнило.

«Неужели отравилась? Или простыла, купаясь в пруду? Интересно, может ли мутить от простуды?» – не найдя ответа, барыня позвонила в колокольчик, висевший над кроватью, и изобразила предсмертные муки.

– Аглашка, сбегай за доктором, худо мне! Да поторапливайся, не ровен час, помру!

Губастая девка приподняла подол сарафана и кинулась исполнять указание. В ожидании доктора барыня пробовала отвлечься чтением «Картин супружеской любви» Венетта,

но омерзительный комок подкатывал к горлу и не позволял сосредоточиться на сюжете. Мысли перескакивали с описания литературных персонажей на бурю в животе.

Послышались торопливые шаги. Дверь в спальню распахнулась, и на пороге появилась запыхавшаяся служанка. Она утерла нос и доложила:

– Лекарь прибыл! Изволите пригласить?

– Приглашай, дура! Могла бы и не спрашивать! – Мотыльковская картинно развалилась на кровати, по шелковой подушке рассыпалась копна соломенных волос.

Взору Лукьяна Спиридоновича Говядина, известного всей округе медицинского светила, предстала изможденная страданиями женщина. Она прерывисто дышала, прикрыв глаза рукой. Из золоченой клетки ей сострадала канарейка. Говядин уселся на кровать и достал из саквояжа стетоскоп.

– Надобно мне вас послушать. Сердце, легкие...

– Извольте! – сказала барыня и откинула одеяло.

Обнаженное тело с двумя упругими, колыхающимися от дыхания холмами привело доктора в состояние экстаза. Приоткрыв рот, он заворожено смотрел на грудь молодой женщины. В его плешивой голове бегали сумбурно-похотливые мысли, выбивающие из профессиональной колеи. Руки Говядина дрожали, будто накануне он изрядно выпил, а опохмелиться не успел. Не справившись с волнением, он приставил деревянный раструб чуть выше соска и напряг слух. Подозрительных шумов не наблюдалось.

– Разрешите, я животик потрогаю. Возможно, это подскажет причину недуга.

– Трогайте, доктор! Я вам полностью доверяю. – Мотыльковская опустила одеяло ниже, оголив пупок.

Говядин еле сдержался, чтобы не крикнуть: «Еще!»; коснулся тела захворавшей женщины и с воодушевлением предložил:

– Голубушка, давайте клизму сделаем!

– Как вам не стыдно?! Я замужем! Что люди подумают?! – Барыня натянула одеяло до подбородка. – Кровь пустите, должно помочь. Это всем помогает!

– Сдается мне, что вы... – договорить он не успел.

Влетел растрепанный супруг и чуть не свалил Говядина с ног. Мотыльковский театрально опустился перед умирающей женой на колено и стал целовать ее руку. Холеный, в отлично пошитом костюме любимец судьбы, для которого не имелось преград, вызывал искреннюю жалость.

– Милая, что с тобой? Доктор, можно ли ее спасти? Ах, я этого не переживу... – в его голосе слышалось что-то бабское.

Петр Иванович с трудом сдерживал рыдания и кусал губы.

– Успокойтесь, не все так страшно. Позвольте вас на пару минут! – Лукьян Спиридонович вывел его в гостиную. – Кажется, вы скоро станете папашей!

Глаза банкира округлились и полезли на лоб, на смену душевным мукам пришла агрессия. Он схватил Говядина

за грудки.

– Это исключено! Я... – Мотыльковский опомнился и отпустил лацканы докторского сюртука.

Смущение изменило его лицо: подбородок дрогнул, глаза стыдливо утаились в пол. Скомкано объяснив невозможность этого, обманутый супруг достал из кармана пухлое портмоне.

– Прошу вас, чтобы об этом никто не знал! И еще, проследите, как будет протекать беременность. Я в долгу не останусь!

Говядин поселился в доме банкира. Он внимательно наблюдал за самочувствием будущей матери, давал какие-то советы и иногда, дабы не терять профессиональные навыки, выбирался в город к постоянным клиентам. К всеобщему удивлению, Анастасия Филипповна очень быстро округлилась. В дождливый вечер, когда домочадцы меньше всего ожидали сюрпризов, она схватилась за живот и повалилась на кровать.

– Сейчас рожу! Не могу больше! А-а-а!

Говядин выпроводил побледневшего Мотыльковского в другую комнату и по-хозяйски распорядился:

– Аглашка, нагрей воды! Захвати кувшин, таз и полотенце. Шевелись, дурында. Чего рот раззявила?!

Беспардонно задрав на роженице платье, он приказал согнуть в коленях ноги. То, что Говядин увидел, ввергло его в шок – из жены банкира пошла икра! Доктор еле успел под-

ставить таз, который наполнился зернистой кашей.

– Уф, полегчало! – прошептала барыня. – Ну, кто там: мальчик или девочка?

Доктор вытер лоб полотенцем и опустился в кресло. Безумными глазами он неотрывно смотрели на тазик с икрой. В комнату ворвался банкир и остановился в замешательстве.

– Вот, любуйтесь! Можете засолить, можете в пруд вылить. На ваше усмотрение, а я умываю руки! – Говядин снял халат и стал запихивать его в саквояж.

– Господи, какой случится конфуз, если обо всем узнает общественность! Объясните же мне, черт побери, что все это значит? И, пожалуйста, никому ни слова! – Петр Иванович протянул Говядину несколько купюр.

– Не волнуйтесь. Разглашение врачебной тайны карается законом! Все останется между нами! – Доктор спрятал деньги в карман. – Видимо, когда ваша благоверная купалась в пруду, то какой-нибудь карась или окунь пустил молоки. Чудесным образом они попали в ее организм, и произошло оплодотворение! Других объяснений я не нахожу.

Петр Иванович проводил доктора и долго ходил из угла в угол, что-то бубнил под нос, а затем, не сдерживая эмоций, обратился к портретам давно почивших родственников:

– Вы только посмотрите, люди добрые! – Его ноздри раздувались, как у загнанной лошади. – Она мне с карасем изменила и в подоле принесла! Нет, чтобы от благородной ры-

бины зачать, от осетра, например. Было бы не так обидно! Что мне теперь с ее выводком делать? Аглашка, корова неповоротливая, засоли икру, – гостям скормим. Не пропадать же добру!

Непредсказуемой для Мотыльковского была реакция супруги. Не видя за собой вины, она пала на колени и забилась в истерику.

– Ах, Петр, побойся Бога, это же дети мои! Неужели ты их уморишь ради чревоугодия? Не позволю, Ирод, не позволю! – обхватив его за ноги, она голосила: – И меня засоли вместе с ними! Засоли и скорми друзьям ненасытным!

Вид ошалевшей жены взбесил банкира. Он плюнул на пол.

– Черт с ними, пусть живут! Аглашка, возьми бричку, отвези икру в усадьбу и вывали в пруд. Барыня будет ребятню свою на удочку в следующем годе отлавливать! Да язык свой прикуси.

Ночью Мотыльковский долго не мог уснуть. Мысли о том, что в пруду будут плавать выблядки, зачатые от карася, приводили в бешенство: «Вдруг они научатся говорить? Поймает какой-нибудь крестьянин рыбешку, а она заявит: „Отпусти, сукин сын, я барское дитя!“ – стыда не оберешься! Представляю, какие разговоры пойдут! Хоть на край света беги!» Втайне от жены он посетил усадьбу и приказал мужикам выловить из пруда всю рыбу.

Синим, пропитанным влагой утром в город вкатилась громыхающая повозка. С нее свисал громадный рыбий хвост.

Он волокся по мостовой и оставлял широкую склизкую полосу. Редкие прохожие с удивлением смотрели на рыбину. Какой-то оборотливый трактирщик подбирал чешуйки размером с блюдце, рассчитывая использовать их в качестве тарелок. Телега медленно вкатилась во двор Мотыльковских. Разбуженный шумом банкир нехотя поднялся с кровати и вышел на крыльцо. Гигантский карась нагло взирал на него стекленеющим глазом. Мотыльковский вернулся в дом и сдернул со стены шпагу. Ярость переполняла его.

– Попался, кобелина! – сказал он и ткнул рыбину в брюхо.

Удовлетворенный возмездием Петр Иванович свысока посмотрел на умирающего любовника жены. Тот раскрыл беззубый рот, глотнул воздуха и околел.

– Как я его, а?! – обратился Мотыльковский к кучеру.

Мужик сдернул картуз и трижды перекрестился.

– Вывези это чудовище за город и скорми собакам, – распорядился банкир. – Надеюсь, все выловили?

– Кажись, все. Может, какой малек и остался, трудно сказать!

В дождях и листопаде промелькнула осень, ее сменила морозная, снежная зима. Мотыльковский с головой погрузился в работу и совсем забыл об инциденте. Он по-прежнему баловал супругу вниманием и регулярно выводил в свет. Никто в городе не догадывался, какой грех взял на душу банкир, избавляясь от наследников.

Весной Петр Иванович вывез жену в родовое имение. По-

ка он осматривал комнаты, ощупывал мебель и давал указания прислуге, Анастасия Филипповна бродила по двору, с любопытством заглядывая в сараюшки. Во время обеда Мотыльковский задумался, отложил в сторону нож и вилку и строго посмотрел на жену.

– Чтобы к пруду и близко не подходила! Играй на фортепьяно или книги читай! Я постараюсь регулярно тебя навещать. Сама понимаешь – дела. Может, гостей пригласить? Будете коротать время в беседах, играх...

– Не стоит, милый. Хочу отдохнуть от всех! – Барыня поднялась из-за стола. – Пойду, прилягу – утомилась в дороге.

Груженный гостинцами и всякой ерундой Петр Иванович приехал в усадьбу. Он представлял, как соскучившаяся жена бросится на грудь, будет целовать его в глаза и губы. А он, скрывая радость встречи, скажет: «Ну, будет, будет, солнышко!» – и нежно потреплет ее по щеке.

Чистые фантазии банкира разрушила Аглашка.

– Барыне дурно. Дохтура надо из города везти!

– Что опять приключилось? – Бросив коробки, Мотыльковский влетел на крыльцо. – Снова в пруду купалась?

– Нет! Барыня в курятник заглянула, а там петух, – опустив ресницы, девка залилась румянцем.

Холодный пот выступил на челе банкира. По-мужицки утерев его рукавом, он зашел в дом и сурово глянул на вышедшую к нему супругу. Ее бледное лицо обрамляли рюшки белоснежного чепчика. Петр Иванович хотел как можно

спокойнее спросить: «Доколе, сударыня, будет продолжаться грехопадение?» – но вышло иначе. Сжав кулаки, он запыхтел, задыхаясь от гнева.

– Анастасия Филипповна, у меня нет ни малейшего желания продолжать с вами совместное проживание. Вы мою репутацию с грязью смешиваете! Скоро не останется твари, с которой бы вы не согрешили! – Петр Иванович вскинул подбородок. – Я сниму вам квартиру, оставлю прислугу и обязуюсь выделять сумму, в пределах разумного. Но с одним условием – чтобы вашей ноги не было в моем доме.

Мотыльковский развернулся и покинул усадьбу. Тем же вечером беременную навестил Говядин.

– Хорошо, что не в Африке живем, – как бы невзначай обронил он. – Там страусы бегают. А у них яйца – не разродишься!

Доктор осмотрел барыню и сделал аборт.

Будучи человеком обязательным, слово Мотыльковский сдержал. Ближе к осени взбудораженная и униженная своим новым положением Анастасия Филипповна вернулась в город и поселилась в небольшой квартире с видом на центральную улицу. В свет она выходить перестала, вела замкнутый образ жизни и целыми днями читала бульварные романы. Когда чтение утомляло, она «грызла» Аглашку, находя в ней массу недостатков.

Сентябрь начался с дождей. Они не просто моросили, а шли сплошным потоком, предрекая очередной всемирный

потоп. Дома-ковчегИ готовились в любую минуту сорваться с фундамента и пуститься в плавание по залитой водой брусчатке. К середине месяца небо прояснилось, а остывающие солнечные лучи подарили чудесное бабье лето. Шелковая тенета парила в кристально-чистом воздухе и беспардонно липла к физиономиям прохожих. Эскадры мертвой листвы бороздили многочисленные лужи. Вступив в неравную схватку с ветром, они обреченно шли ко дну. Ночи стали тише и холоднее. Забыв тепло человеческих тел, одинокие парковые скамейки жались к плешивым почерневшим кустам. По утрам неведомая сила выдавливала из земли красновато-бурых червей. Сонно ползая по тротуару, они утоляли жажду выпавшей росой. Ближе к октябрю вновь пошли дожди. Они загнали земляных гусениц в покинутые ими могилы и оборвали остатки листвы. Небо помрачнело и затянулось свинцовой фольгой.

Неизбежная пора увядания вызывала у Анастасии Филипповны меланхолию. Она подпирала ладошками лицо, безразлично наблюдая в окно за проезжающими внизу экипажами. Невинно пострадавшая из-за капризов судьбы, она старалась все забыть и частенько представляла будущую, наполненную счастьем жизнь, но в последнее время фантазии иссякли. Пытаясь отогреть озябшее воображение, барыня куталась в шаль и разглядывала околевшую между оконными рамами бабочку. «Господи, вот так же уйду, и никто добрым словом не помянет!» – она утирала выступившую слезинку,

садилась на диван и начинала вязать.

Мотыльковская, словно одержимая безумной идеей, прекращала рукоделие только для того, чтобы перекусить.

В середине декабря в ее квартире появился мужчина. Не совсем обычный, но очень любимый и дорогой. Кавалер, в которого она вложила всю душу, важно сидел в старинном кресле, положив на подлокотники руки в лайковых перчатках. Его голову украшал гусарский кивер, торс был затянут в доломан, а ноги плотно облегали чикчиры. Форму Анастасия Филипповна позаимствовала из гардероба покойного деда.

«Здравия желаю, ваше высокоблагородие!» – приветствовала гусара Мотыльковская, вернувшись домой с вечернего променада, целовала его в бесчувственные губы и садилась напротив. В компании молчаливого офицера было не так грустно. Барыня делилась с ним мыслями, рассказывала о прочитанных книгах, жаловалась на погоду и бывших знакомых. Как подобает воспитанному человеку, полковник не перебивал даму и никогда не задавал вопросов. Он, не моргая, смотрел на нее и внимательно слушал. Можно сказать: это был идеальный собеседник!

Стеклянная поземка наскоками атаковала окоченевший город. Она напоминала вражескую конницу, оккупирующую один район за другим. Воинствующие снежинки яростно кружились в зимнем воздухе, заставляли прикрывать лицо воротником. Анастасия Филипповна забежала в парадную.

– Вечер добрый! – поздоровалась она с усатым консьержем в темно-зеленом сюртуке с воротником, обшитым золотым галуном. Тот взял под козырек и поклонился. Барыня взбежала по ступеням и непослушными от холода пальцами крутанула барашек звонка. Дверь открыла служанка в воскресном платье с подсвечником в руке.

– Здравия желаю, господин хороший! – из прихожей крикнула румяная от мороза Мотыльковская.

Скинув шубу, она прошла в комнату.

– Сидите?! Могли бы и встретить! Праздник нынче!

Полковник не шелохнулся. Высокомерный и немногословный он игнорировал любые замечания. Барыня чмокнула его в щеку.

– Аглашка, накрывай стол!

Служанка спокойно относилась к господской придури, считая: чем бы хозяйка ни тешилась, лишь бы на нее не орала. Аглашка сервировала стол на две персоны и перетаскала бравого офицера в гостиную. Усадив его, она удалилась в свою каморку.

Украшенная конфетами и яблоками колючая красавица наполняла комнату душистым запахом хвои; таинственно потрескивали свечи, выхватывая из полумрака маловыразительное лицо офицера. Анастасия Филипповна с нескрываемой нежностью глядела на молчаливого ухажера, подливая себе шампанского.

– Пригласите барышню на танец! – Она подняла со стула

вязаную куклу и прижала к себе.

Напевая мотив вальса, Мотыльковская кружилась по комнате. Пузырьки шипучего вина взрывались в голове, туманили рассудок; ноги заплетались. Быстро устав, она прилегла на обитый кожей диван. Продолжать застолье не было желания. Положив с собой «настоящего полковника», женщина задремала.

Новогодняя ночь подарила барыне умопомрачительные ласки. Чьи-то руки касались груди, вынуждали стонать и изгибаться; горячие губы целовали щеки, полуоткрытый рот... Мертвая бабочка ожила. Вырвавшись из плена застекленных рам, она непостижимым образом залетела в живот Мотыльковской и исполнила танец любви. Спазмы один за другим бежали по телу разомлевшей женщины. Так хорошо ей не было никогда. Анастасия Филипповна парила в облаках блаженства и не думала возвращаться в осточертевший мир.

Среди ночи она проснулась от духоты и поразилась своей наготе: «Может, это был вовсе не сон, а что-то другое, не имеющее объяснения?» Под боком лежал прижатый ею кавалер. Его вечно открытые глаза из перламутровых пуговиц светились счастьем. «Надо же, как опьянела! Ничего не помню!» – она поднялась, перешагнула через валявшееся на полу платье, открыла форточку и снова легла.

После праздников в душе Мотыльковской произошел переворот. Она уже не проявляла симпатий к равнодушному кавалеру. Более того, он стал вызывать у нее раздражение.

Женщина стянула с его рук перчатки, сдернула с головы кивер и запихала куклу в шкаф. «Настоящий полковник» исчез из ее жизни, оставив после себя приступы мигрени, тошноту и отвращение к нормальной пище. Мотыльковская винила во всем капризную погоду.

Кулинарные пристрастия барыни резко изменились, приобретая оттенок сумасбродства. Ей нравилось выдергивать из шали волоски шерсти и смаковать их. Сначала она скатывала их языком в небольшие шарики, а затем глотала и наслаждалась неповторимым вкусом. Скоро от шали остались одни воспоминания, организм же требовал добавки. Незаметно Мотыльковская съела все шерстяные вещи в доме. Ее не останавливал ни запах нафталина, ни ценность лакомого блюда, ни его внешний вид. Когда вязанные изделия закончились, она вспомнила о молчаливом кавалере.

Анастасия Филипповна извлекла его из шкафа и аппетитно облизнулась. Вскоре от бывшей любви не осталось и следа. Аглашка полагала, что барыня тронулась умом, но виду не подавала и беспрекословно исполняла ее капризы. Петр Иванович, собравшийся простить супругу, узнал о новой беременности, перестал привозить деньги лично и передавал их с посыльным.

Пьяный пономарь покосившегося храма вскарабкался на звонницу. Окинув окрестности рассеянным взглядом, он поплевал на мозолистые ладони. Взялся за привязанную к колокольному языку веревку, потянул ее на себя. Потом

резче и сильнее. Вязкий и густой, как мед, звон тяжелым потоком обрушился вниз, покатился по булыжным мостовым. Отражаясь от стен домов, вспугнул ворчливых галок, облепивших распятые на небе кресты.

Попрошайки неистово закрестились и стали во весь голос требовать подаяния. То ли день был такой никудышный, то ли убогие не вызывали сострадания, но милостыню подавали неохотно. Нищие негодовали. От такой несправедливости солнце закатилось за тучку и бросило тень на цитадель истины.

Говядин готовился принять очередные роды. Он закатал рукава и уложил беременную женщину на диван.

– Тужьтесь, голубушка, тужьтесь! – давал он указания, подкрепляя их витиеватым матом.

Ругательства из его уст звучали безобидно, скорее – ласково, как молитва, как заговор против всего нехорошего. Анастасия Филипповна напряглась, судорожно вцепилась пальцами в обшивку дивана. Grimаса боли стерла с ее лица привлекательность.

Стон роженицы походил на что-то прощальное, как крик журавлей, покидающих облюбованные места. Говядин склонился над будущей мамашей и собрался принять ребенка, но вдруг побелел и отпрянул. Не в силах справиться с потрясением, доктор упал в обморок. Старая акушерка, его помощница, машинально подхватила плод, смахивающий на гигантский кокон, охнула и выронила его из рук. От уда-

ра об пол тот треснул. Из образовавшейся щели показались длинные шевелящиеся усики. Размахивая руками, будто желала взлететь, старуха бросилась наутек. Косынка слетела с ее головы и пару секунд парила в воздухе, надеясь, что за ней вернутся. Однако старухе было не до этого.

Анастасия Филипповна смекнула, что снова родила нечто особенное. Попытка присесть не увенчалась успехом. Барыня с удивлением смотрела на многочисленных бабочек, взмывших к потолку и облепивших стены.

Аглашка слышала, как хлопнула входная дверь. Предчувствуя недоброе, она бросилась к хозяйской спальне. Оттуда доносились шорохи и мольбы о помощи. Хотелось узнать, что происходит, но страх оказался сильнее. Девка прижалась к косяку и не решалась войти внутрь. Когда все стихло, любопытство взяло вверх. Аглашка заглянула в покои Мотыльковской. Ее взору предстала ужасная картина. Тысячи бабочек пожирали тело хозяйки. На полу лежал Говядин. Плотоядные насекомые не проявляли к нему никакого интереса. По всей вероятности, имел место наследственный каннибализм: самка пожирает самца, после чего ее пожирают только что рожденные дети. Сквозняк потревожил копошащуюся массу.

Бабочки устремились в дверной проем, Аглашка – в бегство. Громко визжа и прикрывая ладонями поседевшие волосы, она выскочила на улицу. Вслед за ней, шурша крыльями: «Прах к праху! Прах к праху...» – неслась темная туча.

Кровожадные бестии вырвались наружу и спешили занять места между оконными рамами в соседних домах.

Разговоры о случившемся не стихали довольно долго. Ажиотаж к ним подогревал доктор Говядин, бродивший по городу в пенсне без стекол и внимательно разглядывающий беременных женщин. В каждой из них он видел жертву извращенной любви, к каждой из них он относился с презрением и опаской. Как-то он подошел к бабе на сносях и долго пялился на нее.

– Поросенка родит! Никак, с кабаном согрешила! – уверенно заявил он окружившим его ротозеям и тут же получил в ухо от будущего отца ребенка.

После этого инцидента, дабы не тревожить горожан, Говядина поместили в приют для душевнобольных. Там он занялся углубленным изучением теории Дарвина и пришел к заключению, что в скором будущем, благодаря научным экспериментам, в эволюции человека возможны метаморфозы. Доктора не уделяли его прогнозам внимания, принимая все за бред умалишенного.

Аглашка вышла замуж за дворника и наплодила кучу детишек. Семейные заботы так утомили бывшую горничную, что она почувствовала непреодолимую тягу к путешествиям и сбежала с цыганским табором.

II

Асфальтовая река втекала в сложенную из массивных булыжников арку. Гонимые ветром фантики-корабли устраивали по ней парусные регаты. Они то замирали, вставая на якорь, то срывались с места, подпрыгивали и кувыркали в воздушных потоках. За их хаотичным движением наблюдала шеренга рябых берез. Остекленевшие глазницы развалившихся вдоль мостовой зданий манили к себе тишину. Она бесстыже заглядывала в окна, оставляя на них влажную пленку испарины. Да и о каком стыде может идти речь? Любопытство не знает границ, и жажда познаний способна оправдать всякий безнравственный поступок.

В полуподвальном помещении некогда доходного дома, за разохшимися, облупленными рамами на матрасе ворочался человек. Он всхрапывал и посвистывал во сне, жевал потрескавшиеся губы. Спящего гражданина звали Нестор Кумов.

Имя великого анархиста Нестор получил благодаря ответственному недугу отца, который всерьез считал, что оно, это самое имя, поможет отпрыску стать большим человеком.

Когда-то давным-давно вместе с Нестором и его папашей под прокуренными сводами проживали: Клеопатра – сестра, покрытая россыпью прыщей вульгарная девица, и два старших брата – Кирилл и Мефодий. В отличие от реформаторов

славянской азбуки, чьи имена они носили, читать и писать близнецы не могли, общались посредством нечленораздельного мычания и тумаков. Никто не интересовался ими до тех пор, пока юноши не достигли призывного возраста.

Медицинская комиссия с пристрастием осмотрела братьев, желая уличить в симуляции. Кирилл и Мефодий на уловки врачей не поддались и интеллектуальных способностей не проявили. Вместо службы в армии их оформили в психоневрологический диспансер, где они влились в ряды подобных себе эрудитов. Следом за братьями из-под отцовского крыла упорхнула и Клеопатра. Лет в четырнадцать она испытала безудержное влечение к плотским утехам. Не в силах противостоять соблазну, сестрица пошла по рукам. Куда увела ее греховная страсть, осталось тайной за семью печатями. В доме Клеопатра больше не появлялась.

– Такая же шалава, как и мамаша! Гены! Куда от них денешься? – Кумов-старший многозначительно грозил кому-то пальцем и больше о дочери не вспоминал.

Мать свою Нестор не помнил, но ее лик на засиженной мухами фотографии, прибитой над столом сапожными гвоздиками, не вызывал у мальчишки симпатий.

– Гляди, стерва, как я дитя рошу, – зачастую обращался к ней подвыпивший отец. – Всю душу в него вкладываю!

Эмоции папаша не контролировал и часто отрывался на сыне.

– Любуйся на мать свою, паршивец этакий. Наплодила

уродов, потаскуха! Чтоб ее вши заели!

Нестор выслушивал историю о гулящей родительнице, получал порцию оплеух и мечтал стать сиротой. С младых ногтей он не проявлял ни к чему интереса, на личном примере доказав обоснованность теории Дарвина, гласившей, что *homo sapiens* произошел от обезьяны. Тяга к знаниям некоторых людей лишает рассудка, Кумов же мог похвастаться слабоумием и без этой тяги. Для освоения общеобразовательных предметов ему требовалось времени в два раза больше, чем обычному ученику.

Кое-как он дотянул до пятого класса, бросил учебу и пустился в свободное плавание по океану жизни. Походило оно на сумбурное движение фантиков в подворотне. Днем недоросль собирал бутылки, вечером слушал бред отца, ночью мечтал о всякой чепухе. Однажды солнечным утром папаша в состоянии сильнейшего похмелья принял скользивший по рельсам трамвай за цыганскую кибитку, из которой слышался ехидный смех жены.

– Веселишься, матрешка!

Ненависть затмила разум дворника. Он бросился с кулаками на трамвай и... подарил сыну жилплощадь и шанс начать самостоятельную жизнь. Нестор уложил похожее на отбивную котлету тело родителя в корыто и захоронил в ближайшей лесопосадке, после чего переосмыслил свою жизнь. Он решил стать светским львом, но, как известно, благим намерениям всегда что-то мешает.

Сын горничной и дворника чурался изысканных манер, ставил под сомнение необходимость соблюдения этикета. Более того, он на дух не переносил разговоров об искусстве. Болтовня о культурных ценностях утомляла и ввергала в уныние. По совокупности этих причин, Нестор влился в ряды пролетариата. Но и здесь имелись подводные камни, основным из которых являлся труд. Долго на одном месте Нестор не задерживался – менял профессии с такой же частотой, с какой молодые мамыши меняют подгузники грудничкам.

Юный пролетарий копал могилы до тех пор, пока не сообразил, что счастья здесь не нароешь. Бросив грязное дело, он устроился санитаром в больницу. Таская за доходагами урильники, Нестор осознал ошибку и переквалифицировался в ученики ассенизатора. Сколько бы длился карнавал труда – сказать трудно, но как-то ночью внутренний голос подсказал, что неплохо бы продолжить династию дворников. Ослушаться Кумов не решился.

Тем временем утро набирало обороты: шуршали метлами коллеги Нестора, хрипло причитало воронье. Потревоженная звуками просыпающегося города тишина оторвалась от окон и воспарила к небу – туда, где бледный полумесяц таял от прикосновения солнечных лучей. Уволенный за пьянство Кумов открыл опухшие от регулярных возлияний веки. Стоило ему зевнуть, как огромная муха, с жужжанием самолета нарезавшая по каморке круги, залетела в рот и про-

ворно отложила личинки в дупло гнилого зуба.

Нестор щелкнул челюстями, покатав добычу языком и выплюнул на пол. В довершение он с ненавистью раздавил ее пяткой, по цвету и форме не отличимой от сапожного каблука.

– Черт бы тебя побрал! Нет, чтобы жареная курица залетела!

Поддерживая мысль о жратве, мелодично заурчало брюхо. Нестор взял со стола закопченную кастрюльку и отхлебнул баланду. После завтрака он стал смотреть в расположенное на уровне тротуара окошко. Из него открывался шикарный вид на помойку.

Если Нестор замечал, что соседи выбрасывают барахло, то незамедлительно выбегал во двор и забирал отслужившие срок вещи. Из-за пристрастия к коллекционированию его жилище напоминало мусорный бак, только гораздо большего размера.

После истории с мухой у Нестора появилось странное шевеление в кишках. Казалось, что внутри ползают шустрые червячки. Движение в кишках сопровождалось тошнотой. Кумов понятия не имел, что такое токсикоз, и списывал все на некачественную водку. К концу месяца его живот раздуло. Пупок вынырнул наружу и походил на кнопку звонка.

Вместе с тем изменились требования к пище: хотелось съесть горсть песка, кусок мела или еще какой-нибудь гадости. Кумов боролся с дикими желаниями, но его сила во-

ли была слаба. Он отколупывал от стены кусок штукатурки и смаковал его, как гурман смакует селедку под сахаром. Все это изнуряло.

Женщина-терапевт выслушала жалобы Кумова.

– Не нравитесь вы мне! – сказала она, осмотрев пациента.

– Да и вы – не Василиса Прекрасная! – обиделся он.

Молоденькая медсестра постучала в дверь и вошла в кабинет.

– К нам мужчину доставили. Необычный случай! – прислуна от смеха девушка и отвела глаза.

– В природе много странного, милочка. Что там такое?

– В кишке гражданина образовалось замкнутое пространство, вроде сумки. Кажется, в нем развивается эмбрион. Представляете себе – беременный мужчина?!

– Хм, интересно! Пойдемте, глянем!

Пациента уложили на кушетку.

– Приспусти-ка трусы, гулена! – приказал доктор и осмотрел пузатого гражданина. – Кесарить придется!

Беременность Кумова протекала стремительно. Вскоре его доставили в родильное заведение и приступили к операции. Стоило разрезать живот, как из него выглянул младенец устрашающей внешности. Почесав лапками пучеглазую голову, он вылез полностью и пополз к обезумевшему акушеру.

– Чего зенки пялишь? Заштопай человека, а то ноги протянет!

Странное существо, замысловато вращая прозрачными крыльями, поднялось в воздух, сделало круг над столом с распоротым родителем и вылетело из операционной.

Организм новорожденного быстро выдохся, требуя передышки. Юное создание вцепилось задними конечностями в плафон фонаря, передними же ловко поймало зазевавшуюся стрекозу. Двигая челюстями, оно выплюнуло переломанные крылья насекомого.

История необычных родов широко освещалась в прессе. Газеты уверяли, будто Кумов родил ангела. Следовательно, стал Богом! Движимый честолюбием Нестор сфотографировался, отодрал приросшую к стене фотокарточку мамы и повесил на ее место свою. Кумов находил в своем портрете нечто таинственное, внушающее страх и трепет. «Надо в церковь отнести, пусть прихожане молятся!» – самовлюбленно думал он.

Продрогшие липы ежились в рваных, продуваемых ветром сарафанах. Природа хирела. Струи ритуально-поминального дыма из куч сжигаемой листвы возносились к небу.

Кумов не любил это время года и без нужды из дома не выходил. Ведя жизнь затворника, он очень удивился стуку в дверь.

– Кто там? – спросил он, поддерживая спадающие штаны. Послышался кашель. Осипший голос нахально заявил: – Открывай! Блудный сын явился под крышу дома своего! За дверью на корточках сидела дурно пахнущая тварь, по-

крытая редкой шерстью. Из-за ее спины виднелись слюдяные крылья.

– Осень на дворе, а я не перелетная птица. Перезимовать надобно! – Отстранив Нестора, родная душа вползла в комнату.

Забравшись на обеденный стол, она осмотрелась.

– Накрывай на стол! Я помои обожаю, с душком!

В глазах Нестора потемнело. Зашатался и выскользнул из-под ног пол. Ударившись головой, Кумов потерял сознание.

– Какие мы изнеженные! – Существо спрыгнуло со стола.

Всю зиму в жилище Кумова стояла тишина. С появлением первых проталин прохожие стали очевидцами необычного зрелища – из подвального помещения выползло жуткое создание. Жмурясь от яркого дневного света, оно потерло лапками выпуклые глазищи и посмотрело вдаль. Крестообразно сложенные на спине крылья зашевелились. Издав звук, отдаленно похожий на жужжание, чудище унеслось в весеннее небо.

Вызванный очевидцами наряд милиции проник в каморку, из которой появилась тварь. На куче грязного тряпья валялся обглоданный человеческий скелет. Со стены на блюстителей порядка взирал портрет самодовольного мужчины. Загадочно улыбаясь, он намекал, что останки принадлежат ему. Никаких вещей, принадлежащих странному существу, в помещении обнаружено не было. Милиционеры составили протокол, опечатали дверь и больше к этому делу не возвра-

щались.

III

Тьма принесла долгожданную прохладу, накрыла проспекты и сморенные зноем подворотни. Разомлевший город дремал, изредка вздрагивая от песен загулявшей молодежи. В распахнутое окно квартиры гробовщика Евлампия Успенского залетал ветерок.

Венки, украшавшие стены, ласково шелестели бумажной листвой. Мебель в комнате отсутствовала, если не считать за оную два гроба. Один использовался в качестве кровати, другой – в роли обеденного стола. «Скоро умру, а передать навыки некому! – скорбел Евлампий. – Наследника бы. Да откуда его взять?»

Гробовщик открыто презирал слабый пол за меркантильность, за предвзятое отношение к жизни. «Этим бабам постоянно чего-то не хватает. То денег мало, то внимания, а то цивилизованное общество подавай! Видите ли, им нужно блеснуть новой „чешуей“ и продемонстрировать свою тупость!» – рассуждал он, лежа в гробу. Но это была отговорка. На самом деле познакомиться с женщиной Евлампию мешала стеснительность: он заикался.

Прежде чем вырваться наружу, слова долго висели на кончике языка, затем срывались, застревали между зубов или скатывались в глотку. Евлампий тужился и отхаркивал их.

Лицо его багровело. Гробовщик тушевался, махал рукой и прекращал не начавшийся разговор. Логопед посоветовал ему говорить нараспев. Успенский внял рекомендации и общался с клиентами, как дьяк на отпевании. Выходило очень трогательно, число заказов резко возросло.

– Ка-а-кой гробик будем за-а-казывать? Про-о-стенский, или с модными рю-ю-щечками? – Он ощупывал глазами комплекцию заказчика и прикидывал в уме, сколько уйдет древесины на изготовление траурной упаковки.

Однако стоило ему заговорить на темы, не связанные с профессиональной деятельностью, как вокальные данные давали сбой, и он снова комкал и глотал слова. Благодаря закомплексованности, Евлампий жил один. Зато никто не мешал думать, не доставал пустой болтовней и не кланчил деньги!

«Нет ничего неосуществимого! Нужно всего-навсего блеснуть интеллектом, и мечта станет явью», – гробовщик тщательно изучил труды Парацельса и принял решение – самостоятельно, без услуг слабого пола обзавестись ребенком. Он закрылся в туалете с иллюстрациями обнаженных женщин и, вспотев от усердия, добыл нужный для продолжения рода материал. Привыкшие к труду руки великолепно справились с поставленной задачей. Основа была заложена, но возникли другие сложности. Прославленный алхимик рекомендовал держать колбу с семенем в тепле, лучше всего в свежем навозе. Гробовщик не стал выкручивать извилины

и решил, что ничего ужасного не произойдет, если необходимое тепло дитя получит из пропитанных отцовской любовью экскрементов.

Строго по минутам Евлампий подкармливал наследника бычьей кровью, которую брал на рынке у красномордого, похожего на бандита мясника. На тринадцатой неделе кусок плоти обрел человеческие формы. Спустя полгода – стал капризничать и рваться на свободу.

– Тесно, сынок?! Ничего, придумаем что-нибудь!

Гробовщик переселил наследника в ведро и назвал Гошей.

Гомункул рос стремительно. В годовщину своего появления он кубарем носился по квартире, скакал по гробам и с удовольствием жрал сырое мясо, предварительно высосав из него сукровицу. Однажды Гоша подбежал к Евлампию и попросился на ручки.

– Иди ко мне, м-м-моя лапочка! – пролепетал растроганный отец и прижал сына к груди и тут же раскаялся.

Гоша нащупал губами вену на дряблой шее родителя и вонзил в нее зубы. Гробовщик пытался оторвать присосавшегося гаденыша, но тот оказался удивительно силен. Юный вурдалак высасывал из папаши кровь не хуже мощной помпы. Жизнь бурным потоком перетекала из Евлампия в продолжателя рода. Утолив голод, гомункул сполз с бездыханного тела.

– Даже святые угодники иногда показывают зубы! –

оправдался он перед собственной совестью.

Ростом с полено, противоестественно созданный человек начал самостоятельную жизнь. Никто из соседей понятия не имел о его существовании – во время прощания с Евлампием Гоша прятался в кладовке.

На девятый день после загадочной смерти гробовщика у мусоропровода нашли мертвую старушку. Характерные следы на шее не оставляли сомнений, что несчастная погибла так же, как и гробовщик. От страшной новости дом лихорадило. Жильцы уезжали на дачи или к родственникам. Те, кто не смог переехать, ходили группами, вооружившись осиновыми кольями, оберегами и вычитанными в древних книгах заклинаниями. У кого имелись ружья, те отливали из серебряных украшений пули.

Пока соседи тряслись от страха, быстро возмужавший Гоша подумывал о браке. В доме напротив жила лилипутка, как нельзя лучше подходившая на роль супруги. Успенский-младший наблюдал за ней в окно, предавался мечтам и вынашивал грандиозные планы. Капли дождя шрапнелью стучали по асфальту, надували на лужах пузыри и тут же их уничтожали.

– Паршивая погода! – Гомункул слез с подоконника.

Загодя купленный папашей костюмчик как влитой облегал фигуру Гоши. Никем не замеченный женишок прошмыгнул в подъезд соседнего дома, прижался к замочной скважине ухом и стал слушать, что делается в квартире полюбив-

шейся особы. Убедившись в безопасности, он постучал.

Стартовым выстрелом щелкнул замок. Наследник гробовщика вихрем вломился в прихожую и без вступительной речи повалил хозяйку на пол. Непристойные слова, выуженные из отцовского лексикона, бурным потоком хлынули из его глотки. Женщина от такого внимания к себе была морально парализована и сопротивления не оказала. Через три дня ее схоронили. Скончалась она не от экстаза, – предлагая руку и сердце, обольститель не справился с голодом!

Усиленные наряды милиции патрулировали опасный район, но безрезультатно. Люди боялись ходить поодиночке, улицы вымерли и поражали пустотой. На детских площадках прописалась тишина, со скамеек исчезли болтливые старухи. В ходе операции «Вурдалак» задержали массу бродяг. Эксперты тщательно их осмотрели и выяснили, что у всех давно сгнили зубы. Сняв на всякий случай отпечатки пальцев, бездомных вывезли за сто первый километр.

Приукрашенные жуткими подробностями слухи сеяли панику. Каждый час из громкоговорителей на телеграфных столбах передавалась информация о том, что в городе орудует не изученный наукой зверь, случайно завезенный из-за рубежа с партией говядины. Прекратили работу детские сады, школы и спортивные секции.

Следуя мерам безопасности, в городе объявили комендантский час. Еще вчера цветущий и жизнерадостный мегаполис напоминал погост с надгробиями в виде многоэтаж-

ных застекленных коробок и широкими, заасфальтированными тропинками.

Каждую ночь Гоша устраивал сафари, подкарауливал неосмотрительных граждан и снабжал морги обескровленными трупами. Однажды во время охоты он ящерицей проскользнул вдоль фасада и притаился за кустами. Из-за мусорного бака за ним следило крылатое существо, но Гоша его заметил слишком поздно.

Леденящий душу визг сотряс окрестности. В безжизненных окнах вспыхнул свет, за шторами заматались тени. Наряд милиции с фонариками обследовал каждый метр подозрительной территории и обнаружил около помойки два сцепившихся трупа. Один из них очень хорошо подходил на роль упыря. Пучеглазый, с сетчатыми крыльями монстр вызывал ужас и отвращение. Другой был гражданином маленького роста, возможно, инвалидом с детства.

Ни имя, ни фамилию погибшего в схватке с вурдалаком мужчины выяснить не удалось. Никто из горожан не признал в нем родственника или знакомого. В милиции решили, что это командировочный или отставший от поезда пассажир.

В храме отслужили молебен и похоронили Гошу как героя, ценой собственной жизни избавившего город от напасти. Крылатое чудовище скрупулезно изучили и пришли к выводу, что это плод зоофилии. Кумова-младшего сожгли в котельной, списав на него все нераскрытые преступления.

IV

– Знаете, вчера перед сном я долго анализировал последние события, поставившие жирный крест на библейской версии происхождения человека. Читая мифы древней Греции, я наткнулся на историю про Минотавра и подумал: а почему бы нам под присмотром научных светил не скрестить человека с животным и не создать универсального бойца? Как вы на это смотрите, товарищ министр? – глава государства прохаживался по кабинету.

– Дельное предложение! Солдат должен быть сильным, шустрым, выносливым! – Министр обороны встал по стойке смирно.

– Собственно, я все уже сказал. Начинайте работать. Привлеките специалистов из Министерства здравоохранения, Академии наук. Пусть проводят эксперименты, скрещивают. Ваша задача – контроль. О результатах доложите лично.

– А если не выйдет? – Министр одернул новенький френч.

– А если не выйдет, то придется отправить вас на пенсию! Смех главы государства вызвал у маршала озноб.

V

Солнце, исполняя ежедневный ритуал, обреченно опустилось в колхозный пруд. Ни всплеска, ни шипения от сопри-

косновения огненного диска с водой не было слышно, лишь пурпурная накипь плыла над полями, растворяясь в фиолетовых сумерках. Силантий Зырянов, скотник колхоза «Большевик», водил по газете пальцем. То и дело спотыкаясь, он вслух читал призыв профессора Павлова к учащейся молодежи:

– «Изучите азы науки, прежде чем попытаетесь взойти на ее вершины. Не беритесь за последующее, не усвоив предыдущего. Не пытайтесь прикрыть недостаток знаний хотя бы и самыми смелыми догадками и гипотезами...»

Несмазанные петли сладко пропели: «Аллилуйя!»

– Кого там несет?! – Клеопатра Зырянова, в девичестве Кумова, перестала лузгать семечки, взяла керосинку и вышла в сени.

Зыбкий свет лампы выхватил из тьмы странный силуэт. Перед Клеопатрой стоял полуконь-получеловек. Женщина охнула и попятилась. Ее муж понятия не имел о культуре Эллады, не слышал ни о Гомере, ни о Гесиоде. Даже в похмельных снах он не видел циклопов, грифонов и кентавров. Появление в доме мифического существа вызвало у Силантия сердечные колики. Он схватился за грудь и рухнул с лавки.

– Ну, чего струхнули? – сказала чудовище и подошло к развалившемуся на полу хозяину. – Вставай, поди не благородных кровей, чтобы в обмороки падать.

Звонкая пощечина привела Силантия в чувство. Он поднялся и спрятался за спину жены.

– Т-т-ты кто такой? – запинаясь поинтересовался скотник.

– Кто, кто... Конь в пальто! Универсальный солдат, красноармеец Владимир Меринов. Удрал из секретной части. Схорониться мне надо, товарищи. Одолели опытами профессора и вояки, изнурили тренировками.

– Выходит, дезертир?! – Силантий осмелел. – Я вот сообщу, куда следует, тогда посмотрим, кто перепугался!

– Только попробуй. Я дураком прикинусь. Скажу, ты меня в лесу поймал и силком к себе заволок. Так что, в одной упряжке на Колыму поскачем! – считая тему закрытой, «конь в пальто» обратился к хозяйке: – Ну что, голуба, накрывай на стол!

– Господи, у меня и овса-то нет! – запричитала Клеопатра.

– Я же русский по крови, а не английский лорд, чтобы овсом питаться. Давайте картошку с салом и водку, если есть!

Зырянов решил не обходить овраг, отделявший сельпо от дома, а преодолеть его самым бесхитростным способом. Спуск не представлял сложности – колхозник съехал на заднице по сырому глинистому склону. На дне он вытер о рубашку испачканные руки и свернул «козью ножку». Перекурив, начал восхождение.

С полной сумкой продуктов выбраться на поверхность оказалось затруднительно. Башмаки с лысой подошвой совершенно не подходили для подъема по откосу: скользили, не находя опоры. Зырянов быстро выбился из сил, сел на дно оврага и заплакал. Для слез имелись веские основания: мало

того что постоялец объедал их, так он, как всякое животное, ходил по избе нагишом. Клеопатра не сводила с него восхищенных глаз.

– Не пристало замужней бабе пялиться на постороннего мужика. Тем более, он и мужик-то не совсем нормальный.

Вытирая о передник руки, Клеопатра ехидно ответила мужу:

– Он хоть и необычный с виду, зато на нем верхом ездить можно. Да и по остальным параметрам он тебя превосходит. Одно слово – жеребец!

Взвинченный воспоминаниями скотник выкарабкался из оврага. Придерживая штаны, он что есть мочи бросился к дому, но было поздно – чудо-красноармеец воспользовался его долгим отсутствием и подбил Клеопатру на грех.

– Да будет тебе, – успокаивала она Силантия, – Лиля Брик с двумя мужиками крутилась и ничего аморального в этом не находила! Представь, что Володя не Меринов, а Маяковский! Ты же не против того, чтобы спать с любовницей поэта?! – Клеопатра игриво толкнула приунывшего мужа в бок.

Силантий покался, что отпускал жену в избучитальню. До него дошло, какую угрозу в себе таит просвещение. С тех пор в доме Зыряновых балом правила любовь. Семейные отношения настолько запутались, что стало непонятно, кто является хозяином, кто – квартирантом. Меринов без утайки сожительствовал с Клеопатрой. Силантий вынужденно перебрался в сени. Обнаглевший до неприличия красноармеец

распоряжался хозяйством на свое усмотрение, чем приумножал в законном супруге ненависть. В гости Зыряновы ходить перестали, да и к себе никого не пускали, ссылаясь на нужду и хвори. По ночам Меринов выходил на променады. Опасаясь, как бы он не ускакал налево, Клеопатра гуляла с ним. Иногда компанию им составлял пьяный Силантий.

Клеопатра скинула башмаки. Ее поразила нездоровая тишина в доме. Допрос мужа, куда делся Меринов, не прояснил ситуацию.

– Гон у него сейчас, вот и убежал кобыл обхаживать! Приелась ты ему, разнообразия захотел. А может, цыгане увели! Когда я пришел, его уже не было. Даже записки не оставил, паразит! – Силантий ловко изобразил негодование.

Убитая горем женщина притихла на сундуке. Вспоминая яркие эпизоды из жизни с красноармейцем Мериновым, она роняла из глаз крупные слезинки. Утром на улице запиликала гармошка. Послышались веселые песнопения. Клеопатра выбежала из дома и увидела подвыпивших жителей соседнего села.

– С праздником, хозяйюшка! Сабантуй у нас! – пояснили татары, наливая в кружку самогон. – Выпей с нами и мужа своего позови. Хороший он у тебя человек, не жадный!

Клеопатра одним махом опустошила стакан и закусила куском ярко-красного мяса.

– Что за мясо? Ни на свинину, ни на говядину не похоже. – Она облизнула жирные пальцы.

– Коняшка это! Нам ее уже освежеванную Силантий продал!

– Володенька! – охнула баба и схватилась за живот.

VI

– Что скажете, товарищ министр? Когда универсальный боец покажет свои недюжинные способности? – осведомился глава государства и бросил взгляд на побледневшего маршала.

– Единственный экземпляр воспользовался феноменальными способностями, перемахнул через ограду и скрылся в неизвестном направлении. Работники внутренних органов ведут его поиски.

Выдержав паузу и не слыша разноса, он продолжил:

– Меня озарила славная идея. Зачем нам кентавр? Думаю, что эффективность кавалерии не соответствует современным требованиям боевого искусства. Попробуем скрестить человека с кротом! Представляете, как запаникует враг, когда перед его носом из-под земли появятся наши гвардейцы?!

– Представляю, у меня хорошее воображение. Еще я представляю, как за провал секретной операции, имеющей отношение к обороноспособности страны, вы сядете лет на десять-пятнадцать.

VII

Минул год с того дня, как татары сожрали любовника Клеопатры. Силантий копошился на огороде, его рехнувшаяся супруга сидела на завалинке. Она подурнела и выглядела инфантильной старухой с запутавшимся в редких волосах костяным гребешком. Гофрированное лицо с перекошенным ртом походило на резиновую маску. Равнодушно наблюдая за мужем, Клеопатра достала из выреза платья лепешку груди с растекшимся как сургучная печать соском. Запихала ее в рот голосящего младенца и стала его укачивать.

– Но от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее, – колыбельная прерывалась зевотой, Клеопатра засыпала.

Земля на грядке пришла в движение и вскрылась подобно нарыву. Из норы на Зырянова смотрело нечто устрашающее.

– Слышишь, дядя, до Германии далеко? Кажется, я сбился с маршрута! – Существо перевело внимание на Клеопатру. – Экий у тебя бутуз розовощекий, хозяйюшка!

Комплимент вызвал у жены Силантия смех, похожий на трель сверчка. Глаза ее вспыхнули, в помутившемся сознании проскакал образ Володи Меринова.

– Ты кто? – Силантий прикрыл руками намокшую мотню.

– Рядовой Кротов. У тебя перекусить не найдется?

Колхозник утратил над собой контроль и вилами заколол универсального солдата.

VIII

Давно скончались старики Зыряновы. Их сын, зачатый то ли от Силантия, то ли от разухабистого Володи Меринова, не испытывал тяги к сельскому хозяйству и перебрался в город.

Новый, високосный год в провинциальной, далекой от сенсаций и потрясений Самаре начался не совсем обычно. Дело в том, что в ночь на Крещение в Безымянном переулке произошло событие, породившее много всевозможных слухов и домыслов.

Из подъезда многоквартирного дома вышел босой гражданин в семейных трусах. Он нес ведро, до краев наполненное водой. Как выяснилось позже, гражданином этим был некто Зырянов Гаврила Силантьевич. Он брел по снежному насту, не проваливаясь, точно Спаситель — по морской глади.

Вьюжило. Колючие снежинки атаковали нагое тело, забивались в уши, норовили выколоть глаза. Порывы ветра раскачивали фонарь, отчего тот стонал, как умирающий грешник. Свет под ним метался из стороны в сторону.

Зырянов остановился около воткнутой в сугроб елки с пожелтевшей осыпающейся хвоей. Поставил ведро и потер руки, будто собирался обстрипать какое-то дельце. Его прямо-

угольная фигура с острыми плечами напоминала бурку джигита; организм дышал богатырским здоровьем, о котором невозможно было догадаться ни с первого, ни со второго раза. Зырянов выдохнул и окатил себя водой. Фонарь моргнул, саркастически скрипнул и погас.

Ранним воскресным утром физкультурник из соседнего дома решил сделать зарядку на свежем воздухе. Накинув легкую курточку, он выскочил во двор. Высоко задирая колени, приверженец здорового образа жизни хлопал по ним похожими на сковородки ладонями.

– Раз, два! Раз, два! – на ходу выкрикивал он.

Предрассветные сумерки преподнесли его взору любопытное зрелище: среди сугробов, недалеко от помойки, стоял обледенелый человек. Рядом с ним валялось пустое ведро – орудие суицида. Физкультурник обмер, но все же собрался с духом и приблизился к околевавшему телу. Еле различимые струйки пара вырывались из посиневшего носа.

– Живучий, паразит! – Физкультурник сдернул с себя кепку и натянул ее на голову самоубийцы. – Грейся, я мигом!

Увязая в снегу, он бросился к дому. Вскоре из подъезда выскочили женщины, руководимые им. Каждая тащила по два чайника. Бабы окружили застывшего гражданина и стали поливать горячей водой. Будто издеваясь над их усилиями, лед не таял, а становился толще. Бабы уже собрались бежать за новой порцией кипятка, как из пустого ведра, на которое никто не обращал внимания, послышался сиплый

ГОЛОС:

– Перестаньте маяться дурью! Новая эра грядет! – прокашляло ведро и торжественно затянуло акафист: – Ледяного Духа прославим рождение! Излился на землю поток воды животворящей, и радость стучится в сердца ваши! Откройте глаза и узрите чудо. Передайте благую весть всем, кого встретите на пути.

В открытые от удивления рты женщин залетал снег. Чувствуя неладное, бабы, как мыши, бросились наутек. Впереди всех легко и непринужденно бежал физкультурник. Со стороны могло показаться, будто группа спортсменов совершает марш-бросок.

Весть о чуде молниеносно облетела город. Подтвердить или опровергнуть байки о поющем молитвы ведре не представлялось возможным – неведомым образом оно исчезло. Поговаривали, что его якобы прихватила проходившая мимо старуха. Под впечатлением от услышанного она духовно прозрела, основала секту и сделала ведро символом новой веры.

Замурованный в лед Зырянов притягивал толпы любопытных. Даже бродячие псы не остались равнодушными: подбегая к полупрозрачной глыбе, они приветственно задирали заднюю ногу. Чтобы оградить святыню от их повышенного внимания, пришлось обнести ее невысоким забором.

Ясным морозным днем оградку перемахнула разухабистая девица в вязаной шапочке. Распахнув пальто, под ко-

торым ничего не оказалось, она прижалась к блистающему в солнечных лучах изваянию и начала биться в конвульсиях.

– Божья льдина, помоги ребеночком обзавестись! – приговаривала блудница, закатывая от удовольствия глаза.

Члены общества по защите памятников культуры приложили серьезные усилия, чтобы отодрать ее от замурованного в лед человека. Молодуха, задыхаясь от восторга, истерично кричала:

– Свершилось! Благодатное семя вошло в меня!

Ночами возле околевшего Зырянова собирались представители нетрадиционных религиозных течений. В серебристом свете луны они водили хороводы, ползали на четвереньках и молились на мерцающие звезды в надежде увидеть ту единственную, которая даст знак о воскресении мессии.

Жители окрестных домов, утомленные шумными сборищами, потребовали установить около ледяной глыбы милицейский пост. Администрация города пошла дальше и распорядилась выкорчевать мистифицированный объект. Но произошла оказия: во время операции обвивший громадную сосульку трос лопнул, а с колес бульдозера, словно змеиные шкуры, сползли гусеницы.

Божья благодать сошла на тракториста и вытолкнула его из кабины. «Потолок ледяной, дверь скрипучая...» – тараторил он, пробираясь сквозь толпу зевак. На работе его больше не видели, в семье – тоже. Впоследствии в компетентные органы просочились сведения, что он стал юродивым и оти-

рается в районе Оврага подпольщиков.

– Народ с ума сошел! Вы посмотрите, что творится! – сказал патологоанатом Добролюбов и нервно заходил из угла в угол.

Его знобило. Перед ним в клеенчатом фартуке поверх халата стоял санитар Тропинин. Из приоткрытой двери тянуло формалином и запахом тления.

– Вот вы, Тропинин, видели чудо, о котором денно и нощно трубят газетчики?

Санитар отрицательно покачал головой – он редко открывал рот без особой надобности. Речь его кишела орфографическими, грамматическими и прочими ошибками. Поэтому Тропинин больше слушал, чем говорил.

– И не увидите! Его деревянным саркофагом накрыли, обмотали проводами и пустили электрический ток. Опасаются, что выкрадут фанатики, – Добролюбов потеревил вытянутый, как у Сальвадора Дали, ус. – Я еще могу поверить в то, что от резкого перепада температуры организм дал сбой и впал в состояние анабиоза. Нечто подобное случалось ранее. В марте 1960 года в степи замерз пьяный тракторист совхоза «Ярославский». Вывалился из кабины и пролежал в снегу более трех часов. Его потом реанимировали в больнице. А в поселке Копорье Ленинградской области жила старушка, которая во время войны вернула с того света двух соседских ребятишек. Они превратились в ледяные бревнышки, когда немцы раздели их на морозе. Но верить в говоря-

щее ведро и непорочное зачатие сумасшедшей бабы... Надо выкрасть этого гражданина, разморозить и положить конец вакханалии безумства!

Тропинин вздохнул. К профессиональным запахам из коридора добавился приторный аромат перегара.

– Как же мы его выкрадем? Он же под напряжением! Поймают – статью пришьют – к бабке не ходи! Да и оживим ли?

Патологоанатом вытащил из стола замусоленную книжечку.

– Вот! – торжественно произнес он. – «Полный простонародный лечебник». Он мне от отца достался. Вчера просмотрел его и нашел целую главу, посвященную этой проблеме. Слушайте и запоминайте, Тропинин. Может, пригодится когда.

«Если кто совершенно замерзнет так, что не только руки и ноги окостенеют, но и все тело, то надобно сразу же по обнаружении замерзшего везти домой, но вносить не в теплую горницу, а в самую холодную. Раздеть догола, положить в глубокое корыто так, чтобы голова была повыше. Потом влить в корыто сильно холодной воды, чтобы все тело, кроме рта и носа, было покрыто ею. Когда на поверхности тела станет появляться лед, его счищать и выбрасывать. Время от времени воду следует заменять свежей и поступать по-прежнему. Между тем нос, рот и лицо тереть снегом. Когда на теле перестанет появляться лед, то вынуть его из корыта. Положить на тюфяк или войлок и растирать руки и ноги су-

конкой от окончания перстов до самых плеч, также живот и грудь. Когда тело станет совершенно парное, то зажать человеку нос и вдуть воздух через уста. И не отчаиваться... ибо целитель Тиссот уверяет о приведенных в чувство таким образом и возвращенных к жизни двухдневных, а порою даже четырехдневных замороженных.

После сих неутомимых попечений, когда тело сделается мягким, как у живого, то натирать голову, грудь, живот, а чаще руки и ноги хлебным вином, смешанным пополам с уксусом; потом накрыть тело чем-нибудь легким, а натирание вином и пускание в рот воздуха продолжить.

Когда появятся признаки жизни, а несчастный станет повизгивать, влить ему в рот немного хлебного вина пополам с теплым чаем из ромашковых цветков, богородской травы или душицы. После подкреплять его мясной кашницей и внести в горницу, которая потеплее, но не жаркая». – Добролюбов закрыл книгу.

– А вот как выкрасть, это задача сложнее! – Он жестом пригласил Тропинина следовать за ним. – Надо все хорошенько обмозговать. А пока пойдемте, вскрыем дедушку. Со вчерашнего дня ждет аудиенции.

Февральские снегопады почти полностью скрыли от людских глаз саркофаг с гражданином Зыряновым. Идолопоклонники очищать его не решались и обходились тем, что бросали в сугроб свежие цветы и ставили по периметру зажженные свечи. Страсти потихоньку стихли. Лишь иногда

Безымянный переулочек навещали паломники из близлежащих деревень. Местные жители с нетерпением ждали прихода весны, рассчитывая на то, что произойдет очередное чудо: Зырянов оттаит, провозгласит себя мессией и объявит территорию области Святой землей. На худой конец, победит на губернаторских выборах и сделает Самару анклавом.

Пока народ жил смутными надеждами, патологоанатом Добролюбов не сидел сложа руки. Он много думал и пришел к мысли, что губернский центр – это огромный живой организм с подземными лабиринтами вен и капилляров, по которым течет невидимая глазу жизнь. Если не удастся вылечить болячку прижиганием, то есть возможность с помощью инъекции добраться до нее изнутри. Все свободное время Добролюбов тратил на изучение схемы городской канализационной сети, ходил на место происшествия и что-то замерял рулеткой.

– Знаете, Тропинин, я выяснил, что интересующий нас объект примерз к чугунной крышке, закрывающей отверстие колодца. – Добролюбов окинул взглядом мертвую старуху, безропотно ожидавшую экзекуции. – Надо найти ассенизаторов или слесарей, которые согласятся пробраться к интересующему нас объекту по подземным коллекторам. Вот только где их найти?

Он воткнул в грудь бабки скальпель и повернулся к санитару.

– Не считайте меня за идиота, Тропинин! Я все учел! Гиб-

кость стали зависит от массовой доли углерода в ней. Чем его больше, тем более хрупкая сталь. В чугуна доля углерода очень велика. Следовательно, можно без особого труда расколоть люк и незаметно доставить замороженного товарища к нам. А уж тут-то мы его приведем в чувство, поверьте на слово! Если не получится – не велика беда. Вывезем в лес и закопаем.

Работать расхотелось. Патологоанатом стянул перчатки и бросил их в корзину для отходов.

– Пойдемте, чаю с бутербродами откушаем!

Добролюбов слыл везунчиком. Все, что он задумывал, сбывалось. После празднования 23 февраля в морг привезли труп слесаря-сантехника, отравившегося денатуратом. Сопровождали его коллеги: угрюмые личности с опухшими лицами.

Радости патологоанатома не было предела.

– Надо же, как все удачно складывается! – ворковал он, оформляя похожего на баклажан слесаря. – Просто милость божья сошла, услышав молитвы мои!

В чем заключалась удача, товарищи покойного не понимали. Всех волновали предстоящие расходы. Усопший был холостяком, и проблемы захоронения сильно били по их кошелькам. Добролюбов пригласил мужиков в кабинет и прикрыл за собой двери.

– Ребята, мытье покойника, бальзамирование и прочие услуги стоят приличных денег. Но вам повезло! Если вы по-

можете мне, то я безвозмездно поколдую над вашим приятелем. Поколдую так, что от живого не отличите! – Он обнадеживающе подмигнул и посвятил слесарей в свои планы. – Сверху ставлю трехлитровую банку медицинского спирта!

Последний аргумент решил исход переговоров.

– Да, чуть не забыл! Ни при каких обстоятельствах не заносите обледеневшее тело в теплое помещение. Иначе – никакого спирта! – предупредил Добролюбов и пожал компаниям руки.

Малочисленная группа фанатиков уже собиралась разойтись по домам, как внутри саркофага раздался резкий хлопок. Занавешенные сумерками окна вздрогнули, с окоченевших лип и тополей посыпалась снежная пудра. Из деревянной темницы слышались непонятные звуки. Казалось, будто обледеневший затворник скребет по доскам ногтями, требуя немедленного освобождения.

– Свершилось! Свершилось! – слетало с перекошенных от страха или радости губ свидетелей воскресения.

Мгла захлестнула мир чернильной волной, похерила еще один день и родила новые слухи. Весть о том, что околевший Зырянов ожил и подал об этом знак, в одночасье облетела Самару. Атеисты-материалисты вышли на главную площадь с транспарантами «Долой мракобесие!» Фанатики, ослепленные верой в чудо, предали атеистов анафеме и закидали бутылками из-под пива.

Город разделился на два лагеря. Особую позицию заняла

Церковь. Она осуждала и тех, и других, но в уличных баталиях не участвовала. Батюшка Эммануил, настоятель Вознесенского храма, по решению епархии и городской администрации обратился к народу. Поглаживая густую бороду, он благодушно вещал с телевизионных экранов:

– Братья и сестры, без веры истинной начинает царствовать дух беззакония, принося с собой смятение и неразбериху. Святое Писание говорит о том, что Христос – Глава Церкви, и никто не может посягать на Его главенство. Дабы прекратить провокационные кривотолки, Церковь Божья вместе с депутатами Губернской Думы приняли решение: в день Святой Пасхи снять с гражданина Зырянова деревянную обшивку, дабы овцы заблудшие самолично убедились в тленности его тела. А коли так, то ни о каком мессианстве и речи быть не может.

В то, что Зырянов потеряет к светлому воскресенью свежесть и будет выглядеть мерзко, светские и духовные власти не сомневались. За неделю до сделанного батюшкой заявления к моргу под-катил автомобиль с надписью «Аварийная служба». Из него вытащили тело, обернутое мешковиной.

– Вот, привезли! – сказал небритый мужик встретившему их Добролюбову. – Гони спирт, начальник!

Патологоанатом не скрывал радости. Голос его гудел иерихонской трубой, глаза неестественно блестели, а руки то ныряли в карманы брюк, то поправляли воротничок халата.

– Как же вам удалось все проверить? – Он вытащил

из сейфа обещанную банку спирта.

– Все гениальное просто! – не спрашивая разрешения, мужик закурил. – Взяли мы патрон для ракетницы и вместо сигнальной «звездочки» вставили подходящий по размеру шарик от подшипника. Вот и все! Чугунная крышка разлетелась вдребезги после первого же выстрела. Еле поймать успели вашего доходягу. Он же, как хрустальный фужер, разбиться мог. Больше намаялись, пока его по коллектору тащили. Дюже неудобно. Да, а когда можно будет нашего приятеля забрать?

Добролюбов потянул мужика за рукав. Следом увязался напарник стрелка-ракетчика. В покойницкой на каталке их поджидал смазливый гражданин в цивильном костюме, очень похожий на известного киноактера. Грустная, слегка ироничная улыбка застыла на его припудренном лице.

– Вот пижон! – восхитился мужик и чуть не выронил банку с драгоценным содержимым. – Жених, а не покойник! А меня можете так облагородить?

– Коньки отбросите, облагородим! – отшутился Добролюбов.

Ему не терпелось приступить к реанимации Зырянова. Сантехники завернули похорошевший труп приятеля в мешковину и вынесли вперед ногами.

Гаврилу Силантьевича Зырянова поместили в ванну, залили водой и обложили сосульками, сбитыми с карниза. На всякий случай слегка приоткрыли окно. В тот день было

как никогда много покойников. Их везли одного за другим, будто желая помешать Добролюбову приступить к реанимации особенного пациента. Патологоанатом сбился с ног и не успевал оформлять утративших интерес к жизни граждан. Впору было повесить на дверь табличку «У нас учет» и заняться более важным делом.

Ближе к вечеру поток мертвецов иссяк. Добролюбов включил свет. Разминая уставшие пальцы, он подошел к ванне. Из-под тонкой ледяной коросты на него смотрели бесцветные глаза. На их фоне контрастно выделялись заросшие волосами щеки и подбородок Зырянова. Это убеждало Добролюбова в том, что жизненные процессы в организме не прекратились.

– Тропинин! – кликнул он помощника. – Пойдем товарища в чувство приводить!

В морге закипела несвойственная для этого учреждения работа.

Строго по инструкции коллеги возились с замороженным человеком, оттирали его лицо и счищали появляющуюся на коже наледь. Труды не прошли даром. Ближе к полуночи желтоватое тело с неимоверно отросшими ногтями на ногах и руках сдалось на милость победителей.

Веки Зырянова дрогнули, стряхнув с ресниц остатки затянувшегося сна. Он скрипнул зубами и моргнул. Курчавая борода и длинные волосы придавали ему сходство с иконописным ликом. Привыкший возиться с мертвецами Доб-

Добролюбов отпрянул от ванны. Тропинин почувствовал себя скверно, опустился на табуретку и схватился за грудь.

– Жарко! – пробормотал Зырянов. – Включите вентилятор!

Добролюбов бросился к нему, окунул в воду руку.

– Бог с вами, какой вентилятор?! Вы в ледяной воде лежите!

Зырянов с трудом ополоснул лицо.

– Что-то совсем сил нет. Где я?

– Вы у нас в гостях, в морге! – как можно приветливее ответил Добролюбов. – Не волнуйтесь! Вам нельзя. Чаю не желаете? Быть может, коньячку врежете, приведете ослабший организм в надлежащий тонус.

От коньяка Зырянов отказался – сослался на жар, пожирающий изнутри. Пришлось снова таскать с улицы лед. Вымотанный до предела Добролюбов достал из шкафа шприц.

– Надо взять кровь на анализ. Возможно, придется поколоть антибиотики, – объяснил он оттаявшему пациенту.

Весь следующий день патологоанатом и санитар ползали, как

сонные мухи, автоматически вскрывали и зашивали покойников. Так было до той минуты, пока не позвонили из лаборатории. Глаза Добролюбова округлились. Он положил трубку и, нервно потирая руки, заходил по кабинету.

– Не может быть! Такого просто не может быть!

Добролюбов поделился новостью с санитаром:

– За время обледенения в организме Зырянова произошли необратимые процессы, другими словами – мутация. В его крови обнаружены белки, играющие роль антифриза. Говоря доступным языком, появилась новая группа крови. Она не замерзает при низких температурах! Теперь я понимаю, почему Зырянов жаловался на жар внутри организма.

Тропинин был далек от революций в медицине и всевозможных сенсаций. Его интересовало другое.

– Когда деньгами поделитесь? Мне за квартиру платить надо.

Добролюбов открыл сейф. Заработанные на покойниках деньги он делил на три части: две – себе, одну – санитару. На этот раз он поступил наоборот.

– Держите, Тропинин. Здесь зарплата и премия! Пойду, гляну на подопечного. Надо ему массаж сделать и проверить температуру в морозильной камере.

Месяц Гаврила Силантьевич Зырянов жил в холодильнике морга. Это доставляло ему массу неудобств. Но на улице журчали ручьи, а солнце припекало так, что горожане ходили нараспашку и без головных уборов. Подобная погода для Зырянова представляла смертельную опасность. Что с ним делать дальше, Добролюбов не знал. «Будь что будет!» – подумал он и дал срочную телеграмму министру здравоохранения.

За Добролюбовым приехали ночью. Ничего не объясняя, люди в штатском попросили показать, в каких условиях со-

держится заинтересовавший их объект. Убедившись в достоверности фактов, изложенных в телеграмме, они взяли с Добролюбова подписку о неразглашении тайны, подогнали к моргу рефрижератор и увезли Зырянова. О дальнейшей судьбе реанимированного им пациента патологоанатом ничего не знал.

Опьяненный весною город томился в ожидании зрелища. Всюду пестрели плакаты «Не уппусти свой шанс, стань свидетелем воскрешения!» Под надписью сверкала огромная со-сулька, из которой выглядывала улыбающаяся голова с нимбом из снежинок.

Приближался судный день. По сути говоря, он не сулил ничего хорошего. Если Зырянова обнаружат мертвым, то атеисты поднимут шум из-за того, что его не похоронили сразу, а глумились целую зиму, сея религиозный бред. Если же... Даже трудно представить, что случилось бы, если!..

Безымянный переулок, измотанный бесконечными митингами и драками оппонентов, надеялся на скорое разрешение ситуации.

Многие горожане стремились заработать на зрелище. Недалеко от саркофага предприимчивые кавказцы открыли уличное кафе «Святые мощи», поставили столики под тентами и рассчитывали озолотиться за один день. Со стороны помойки аппетитно пахло шашлыками и чебуреками. Местные жители тоже не ударили в грязь лицом и продавали всем желающим места на балконах. Жильцы первых этажей сда-

вали в аренду крышу, предварительно поделив ее на секторы. Такой деловой активности в Самаре не было сроду.

Наконец, долгожданный день настал! С раннего утра вереницы людей потянулись в Безымянный переулок. Среди них были журналисты, фотографы и не знающие, чем себя развлечь, граждане.

В десятом часу приехал подъемный кран, из кабины которого выкатился отец Эммануил с оплывшим за время Великого поста волнообразным затылком.

– Христос воскрес, братья и сестры! – нараспев произнес он и окропил собравшихся святой водой.

Двое рабочих в оранжевых жилетках копошились с тропами. словно пауки, они ползали по скрывающему великую тайну ящику, цепляя к нему стальные тросы.

– Вира! – крикнул один из них.

Тысячи глаз с ожиданием уставились на саркофаг. Многие из присутствующих воспользовались биноклями. Деревянный короб дернулся, затрещал и поплыл вверх. Толпа ахнула. Сминая друг друга, люди бросились туда, где должен был находиться Зырянов. Ни трупа, ни воскресшего мессии – ничего, кроме зияющей пасти канализационного колодца, там не оказалось. Возглас разочарования повис в воздухе.

Отец Эммануил пробрался к отверстию в асфальтовой лепешке и стал теревить бороду. Стоявшая рядом с ним старушка пропела:

– И в ад спустившись, вознесся в царствие небесное!

Голос ее дрожал, усиливая торжественность происходящего.

Шею старухи украшало миниатюрное серебряное ведерко. Оно висело на тонкой веревочке и, кажется, светилось!

Об этом случае долго говорили, спорили, выдвигали различные версии исчезновения Зырянова. На стене дома, в котором он жил, хотели повесить мраморную доску, но передумали, не зная, какие заслуги ему приписать. Церковь объявила Зырянова великомучеником и тут же о нем забыла. Секта ведроносцев построила на окраине Самары молельный дом, открестилась от христианства и пошла своим путем.

В Антарктиде поселился необычный человек. В лютые морозы он ходил в одной футболке, плавал с пингвинами и следил за показаниями метеорологических приборов. Компанию ему составляла женщина, в свое время согрешившая с ледяным изваянием. Раньше, будучи еще непорочной, как и многие девушки, она мечтала о семейной жизни, о ласковом и непьющем муже, о детях, которые будут учиться на пятерки, а потом устроятся на интересную, высокооплачиваемую работу. Мечтала о домике с видом на вишневый сад и колокольню, и о прочем, о чем принято мечтать обыкновенной женщине. Похоронив грезы о тихом провинциальном счастье, она рожала полярнику детей, с тоской смотрела на вечные снега и засохшую бабочку, неизвестно каким образом очутившуюся между оконных рам. Стоит добавить, что рожденные на самом южном материке детишки не ре-

агировали на холод и представляли огромный интерес для оборонного ведомства.

Лоскотуха

I

Клава Рыбина долго любовалась отражением в зеркале, поворачивалась то одним боком, то другим. Выглядела она безупречно: нижняя губа замерла в пренебрежительном изгибе, из-за чего казалось, будто Клава высокомерно относится ко всему окружающему. Зеленые глаза утопали в зарослях ресниц и дерзко искрились. Не лицо, а портрет кокетки эпохи ренессанса! Под стать лицу была и фигура. Чего стоили одни груди! Похожие на пудовые гири, они производили неизгладимое впечатление. Про остальные женские прелести и говорить не имеет смысла. Трудилась Клава на ферме, где выжимала из коров все до последней капли. Однажды она надоила столько, что руководство всерьез перепугалось за скотину. Рыбиной дали путевку в пансионат, а коровам – передышку.

Клава готовилась в дорогу, потрошила шкаф и принимала заказы от односельчан. Вокруг нее крутился пожилой забойщик скота.

– Ракушки не забудь для аквариума. Запиши куда-нибудь! – напутствовал он, переводя взгляд с чемодана на бутылку самогона.

– Почерк у меня хреновый, могу не прочесть. Так запомню! – ответила Рыбина, утрамбовывая шерстяную кофту. – Вот думаю, шаль брать или не надо? Вдруг там прохладно?

Подобно старому мерину, конюх заржал.

– Это ж юг! Там жара, как в Африке! Ты еще валенки с калошами возьми, деревня!

Под ногами путалась соседская девочка. Тербя крысиные хвостики с вплетенными бантами, она канючила тонким голоском:

– Теть Клав, привези моему братику медузу в банке. Он хочет в Персея поиграть и отрубить ей голову!

Просьбы измотали Рыбину.

– Нет у нее головы! Она, как лепешка, только склизкая!

– Все равно привези! Мы ее потрогаем и в пруд отпустим! – не унималась любительница зоологии и истории.

Братик сидел в углу на сундуке и старательно выковыривал из носа материал для лепки шариков.

– Ладно, привезу! – Клава задумалась, вытянула губы трубочкой; еще раз проверила содержимое чемодана. – Вроде ничего не забыла. Плесни-ка самогонки, живодер, – умори-лась!

Торопясь за ускользающим солнцем, стучал босыми колесами паровоз. Беседа между спутниками не клеилась, в купе царило уныние. Доярка развалилась на верхней полке, шуршала газетой и грызла карандаш.

– Вот гад! – злилась она на составителя кроссворда.

Пустое занятие утомило, и Клава достала пакет с едой.

– Вопросы такие, что не всякий академик ответит! – сетовала доярка, обгладывая куриную ногу. – Город с падающей башней?! Это в любом населенном пункте что-нибудь да падает. У нас в селе, год назад, элеватор обвалился. Так что же теперь людям голову морочить?

– Пиза! – буркнул мужчина в годах и в полосатых брюках.

Клава поперхнулась. Неблагозвучное слово возмутило ее.

– Как вам не стыдно? Вроде порядочный человек, с тросточкой ходите! – отвернулась она, выставив на всеобщее обозрение здоровенный как у лошади зад.

– Это город такой, в Италии! – смутился попутчик.

Клава развернулась, сверху посмотрела на соседа по купе.

– Похабники в этой Италии живут. Другого названия не могли придумать?! – благородно простила она посрамленного эрудита.

Бледная звезда за окном становилась все ярче и ярче. От скуки Клава задремала. Ей снился покосившийся элеватор, вокруг которого бродили иностранные фотографии.

Автобус в изнеможении ворчал и петлял по горному серпантину. От сказочного вида за окном рот Клавы не закрывался до конца поездки. Наконец драндулет устало вздохнул и затормозил около широкой гранитной лестницы, ведущей к пансионату.

– Красотища-то какая! – Рыбина сошла на землю, потянулась и побежала в кусты.

– Девушка, вон там уборная! – неслось ей в спину.

– Ничего, я по-простому!

Лазурная гладь шипела, облизывала гальку пенными бурунами. В пропахшем гнилыми водорослями воздухе резвились чайки. Они ныряли в море, выхватывали из него серебристую мелюзгу и заходили на очередной вираж.

– Благодать! Как на колхозном пруду, только камышей нет, и лягушки не квакают! – Клава накрыла лицо журналом и приняла позу морской звезды.

– Лягушек нет, а Иван-царевичей – хоть отбавляй. Того и гляди, стрелу между ног воткнут! Ух, самцы похотливые, так зенками и стреляют! – ответила женщина, загорающая по соседству.

Будто услышав ее слова, из воздуха возник небритый джигит с фотокамерой и вертлявой обезьянкой на поводке. Абориген без стеснения паялся на разомлевшую Клаву.

– Дэвушка, шелкнуться нэ жэлаете? – каркнул он с южным акцентом.

– Я сейчас так шелкну, костей не соберешь, бандерлог курносый! – Рыбина показала кулак размером с помойную бадью.

Фотографа вместе с мартышкой сдуло налетевшим бризом.

– Пойду, окунусь. Сопрела вся! – Клава, как бегемот, забежала в воду.

Неосмотрительно подплывшие к берегу дельфины судо-

рожно задвигали хвостами и пустились наутек.

– Всех акул распугала! – с гордостью крикнула доярка вслед удаляющимся плавникам.

Пансионат готовился с размахом отметить День Нептуна. Клаве досталась роль Нереиды. Ее купальник украсили гирляндами из морской травы. Эти же водоросли вплели в распущенные волосы. Клава походила на утопленницу. По сценарию она подыгрывала такому же неопрятному царю морей. От Нептуна за километр несло перегаром и скабрёзными шутками. Что-то родное, колхозное слышалось в его речи. Под занавес гуляний Клава выпила с ним на брудершafft и пожелала стать владычицей морскою. В ту же ночь она отдалась Нептуну. Владычицей Рыбина, конечно, не стала, но долю удовольствия получила. К сожалению, отпуск заканчивался. Клава попрощалась с морем и увезла с собой ворох воспоминаний, сувениры и кое-что еще, о чем и не догадывалась.

Встречали Рыбину всем селом, как космонавта, вернувшегося с орбиты. Забойщик скота получил заказанные ракушки и еле ворочал языком от восторга или от домашнего вина, которого Клава привезла целую канистру. Соседские оболтусы рассмотрели дохлую медузу, потыкали в нее пальцами и выбросили в заросший ряской пруд, где ее долго клевали караси.

Перед тем как выйти на работу, курортница прошла медосмотр. К своему стыду она узнала, что больна редким в их

хлебородных местах заболеванием. Ходили разговоры, будто Рыбина подцепила морскую болезнь – гонорею. К скотине ее не подпустили и заставили проколоть курс антибиотиков. Ударница коммунистического труда проклинала инфицированного Нептуна и тот день, когда ее наградили путевкой. Рыбина понимала, что насмешки односельчан переживут ее. Недолго думая, она перебралась в районный центр и устроилась в ресторан мойщицей посуды. Потом переквалифицировалась в официантки. Окончательно адаптировавшись на новом месте, Рыбина мечтала о создании семьи.

II

Изнывая от безделья, Федя Сухов заглянул в ресторан. Одно из немногих в городке питейное заведение по причине раннего времени пустовало. Плотно зашторенные окна не пропускали дневной свет, создавая приятный полумрак. Под потолком медленно вращались огромные, похожие на пропеллеры самолета, вентиляторы. Сухов занял дальний столик и постучал вилкой по вазе с бумажными цветами. На его сигнал вышла плотно сбитая официантка с кислым лицом, вытащила из кармашка блокнот и встала в выжидательную позу.

Федя обожал женщин подобной конфигурации. Он улыбнулся, заказал шампанское и шоколадку. Работница общепита поправила накрахмаленный кокошник и по-солдатски

развернулась. Вихляя квадратным задом, она направилась к барной стойке.

Сухов проводил ее взглядом голодного романтика. Официантка вскоре вернулась, и Федя предложил составить ему компанию.

– На работе нельзя! – Оттаяв, она сунула в карман протянутую шоколадку. – Моя смена скоро заканчивается, тогда можно будет. Потерпите немного?!

– В таком случае разрешите пригласить вас на прогулку по озеру. Поплаваем, шампанского выпьем. Я зайду за вами! – Федя покинул ресторан в великолепном расположении духа.

Сухов фланировал вдоль заведения общественного питания со скромным названием «Рай». В модном пиджачке и шляпе он букетом ромашек отгонял муху и придиричливо оценивал свое отражение в витражных стеклах. Среднего роста, худощавый, с гордой осанкой и высоко поднятой головой, он напоминал петуха, знающего о своем превосходстве над бестолковыми курами. Сухов не блистал эрудицией, но это нисколько не удручало его. Романы он заводил с барышнями недалекими и с легкостью выдавал себя за интеллигента. Почесывая висок, Сухов пускался в рассуждения о смысле жизни или, в зависимости от обстановки, о ее бессмыслии. С умными женщинами Федя не ладил – он их презирал!

Ироничный, равнодушный к чужим проблемам, он ни

с кем не дружил, но и не враждовал. С женщинами был нежен до тех пор, пока те не начинали намекать на брак. При слове «брак» у Сухова развивалось безразличие к объекту обожания и полное угасание чувств. Он начинал избегать встреч и без сожаления рвал отношения. Сухов не понимал, как можно любить даму, которая чего-то требует. По натуре он был однолюб – любил только себя и никого другого.

Крупногабаритная бабочка выпорхнула из ресторана с такой легкостью, будто в ней не было шести пудов.

– Вы шампанское забыли! – Она протянула Феде «авоську».

На лодочной станции было безлюдно. Федя помог даме сойти с мостка в лодку. Осторожно слез сам, взялся за весла. Ветерок играл с распущенными волосами официантки, набирался наглости и задирал подол платья. Клава конфузливо опускала глаза, Сухов сопел громче обычного и греб к середине водоема. Отплыв от берега подальше, он извлек из кармана пиджака два стакана. Пробка с глухим хлопком вырвалась из бутылки и улетела к облакам, из горлышка хлынул поток пены.

– За знакомство! – брызнул елеем Сухов. – Федор!

– Клава! – Женщина протянула пухленькую ручку и взяла рабоче-крестьянский фужер. – А вы кем работаете?

– Я... Я... – Сухов запнулся, но быстро сориентировался. – Сейчас я в отпуске, а по профессии археолог. Со школы, знаете ли, тянуло к... – Порыв ветра украл последние слова.

Федя лукавил. Хотя он и рылся в земле, но исключительно на городском кладбище.

– Ой, как интересно!

Рыбина предалась сладким грезам: «Наконец подвернулся не тракторист, не пьяный черноморский оборотень, а человек с благородной профессией! По заграницам, небось, разъезжает!» – улыбаясь своему счастью, она предложила выпить еще.

Клава уже не смущалась, когда воздушный проказник на пару с Фединым взглядом ныряли к ней под юбку, бессовестно ощупывали колени и бедра. Вино подарило раскованность в движениях и мыслях. Хотелось взмыть к облакам и порхать, порхать, порхать... В состоянии небывалой эйфории Рыбина вскинула руки.

– Хорошо-то как, Господи! – Клавина душа ликовала.

«Сейчас будет лучше некуда!» – Федя поднялся и перешагнул лавочку, отделяющую его от обольстительницы. Лодка вероломно качнулась. Небо перевернулось в глазах гробокопателя-романтика; пронзительный визг и прохладная вода сбили любовный пыл. Клава вцепилась в Сухова обеими руками и тянула на дно.

Федя выскользнул из пиджака и вынырнул на безопасном расстоянии. Жадно глотая воздух, он смотрел, как голова официантки то появлялась над поверхностью водоема, то исчезала. Ее глаза с подтеками туши перестали вызывать симпатию. Мыльный пузырь любви лопнул! Сухов вразмашку

поплыл к берегу. На месте трагедии осталась шляпа. Одиноким буйком она покачивалась на воде.

III

Скрип уключин отчетливо слышался в утренней дымке. Весла рисовали на зеркале озера расплзающиеся круги и тут же ломали их симметрию. Сторож лодочной станции Васька Щукин подгрел к знакомому месту и стал вытаскивать сети. Они настолько отяжелели, что пришлось поднапрячься. «Уж не корягу ли зацепил?» – мелькнула мысль. Из воды показалась женская голова, увенчанная кувшинками. Васька с испугу упал на дно лодки: «Никак утопленницу выловил!» Он уже собрался удалиться восвояси, но пальцы утопленницы крепко вцепились в борт лодки; смазливая мордашка приветливо улыбнулась. Щукин не ожидал подобного сюрприза и лишился дара речи.

– Растерялся, красавчик?! Часа три тебя дожидаясь! Прояви джентльменские качества, помоги в лодку забраться!

Васька сглотнул застрявший в горле комок и протянул руку.

«Хороша!» – не отрываясь, он смотрел на обнаженное женское тело. Картечины набухших сосков контузили рассудок браконьера.

– Вытаскивай скорее! – скомандовала утопленница. – Чего зенки таращишь, баб голых никогда не видел? Сматывай

удочки, домой поедем! – безапелляционно заявила она. – Клавой меня родители нарекли!

Васька пожал синюшную ладошку. Она была ледяной и вызывала неприятные ощущения. Щукин пребывал в ступоре и не знал, как себя вести. Утопленница повысила голос.

– Шевелись, давай! Скоро рыбнадзор на дежурство выйдет. Поймает, штрафом не отделаешься. Бросай к чертовой матери эти снасти! Я твоя золотая рыбка!

Щукин подчинился и налег на весла. Утлое суденышко помчалось быстрее торпеды. Вскоре оно нырнуло в заросли камыша и скрылось из виду.

Краснея от натуги, браконьер загрузил в автомобиль пойманное счастье. Всю дорогу Клава балагурила и пела, а затем поведала историю, как глухонемой Герасим утопил собачку.

– Теперь эта сучка охраняет подводные владения мужика, захлебнувшегося при странных обстоятельствах.

– Как же это? – засомневался Вася, – ее утопили двести лет назад, если верить Тургеневу. А ты говоришь: охраняет!

– Глупый ты! Мы же бессмертные, не то что вы! Один раз утонул, потом живи – не хочу! Недавно Садко на гастроли приплывал. Такой аншлаги был! А ему о-го-го сколько годов!

За разговорами подъехали к дому. Щукин загнал машину во двор, поднял гостью на руки и занес в избу. Он хотел посадить ее в корыто, но Клава прояснила ситуацию.

– Ты не волнуйся, я, как крокодил, могу и в воде, и на су-

ше жить. Клади меня на диван: утомилась с дороги, – Клава томно вздохнула. – Посейдон озерный на меня не смотрит – у него целый гарем нимфеток. Так что, дорогой мой, будь добр, приголубь, доставь удовольствие!

Василий осторожно погладил ее по плечу.

– Какая-то ты не такая! Тепла в тебе нет.

– Мы же, как рептилии, хладнокровные! Брема читай, неуч!

Делить с утопленницей ложе не хотелось. Надеюсь, что сытая гостья потеряет к любви интерес, Васька спросил, не желает ли она позавтракать.

– Давай консервы и лимонад, если есть. Страсть, как «Дюшес» обожала! У нас на дне одни караси да плотва. Обрыдли до чертиков! Редко кто из купающихся огрызок в воду бросит или еще что-нибудь. Так за них – в драку! Эпоха дефицита, Василий.

Щукин выставил на стол все, что имелось в доме. Клава с удовольствием уплетала рыбные фрикадельки, запивая шипучкой из сифона.

– Красота! Видели бы подружки, на какой банкет я попала, – в ил бы закопались от зависти! – Закончив трапезу, она тщательно облизала пальцы. – Обними меня!

Васю передернуло, но он подчинился.

– Как ерш, сопливая! – не подумав, ляпнул Щукин.

– Сам ты сопливый! Это средство такое, вроде косметической мази. Защищает кожу от негативного влияния воды,

кроме того – теплозащита, – обиделась Клава. – Ладно, вытри и приступай к исполнению прямых обязанностей. Заждалась уже!

– Ты о чем? – Щукин изобразил на лице непонимание.

– О долге супружеском! – заявила она.

Вася в сердцах скомкал испачканное слизью полотенце: «Черт с ней, поласкаю!» От Клавы пахло тинной сыростью. Не в силах перебороть отвращение, Щукин сполз с дивана.

– Вы меня простите великодушно, но я с животными не сплю!

– С кем ты не спишь? – Клава надула губы. – Дай-ка телефон, ботаник!

Она набрала ноль два и плаксивым голосом запричитала:

– Алло, милиция? Попытка изнасилования в поселке «Рыбачий»! Адрес...

Вася вырвал трубку из рук шантажистки.

– Ну что ты сразу – в милицию?! Пошутил я! Сейчас тяпнем для расслабухи и все сделаем! – он скрылся на кухне.

Щукин притащил огромную бутылку, разлил по стопкам.

– Ух! Хороша самогоночка! Сам гнал? – Клава выдохнула и забросила в рот серебристую кильку.

– Сам, родимая! Все сам... Холостой я!

– Ты это брось, холостой! Отныне я твоя супруга. По закону ублажать обязан. А не то... – Взгляд Клавы упал на телефон. – Целуй, давай! Невтерпеж уже!

– Сейчас еще врежем и начнем! – Щукин наполнил стоп-

ки.

Он не ошибся – долго уговаривать не пришлось. Утопленница залпом проглотила самогон. Ее водянистые глаза засверкали.

– Не курила сто лет. Угости папироской!

Под потолком клубились облака табачного дыма. Клава пьянела на глазах. Вася с содроганием поглаживал ее плечо, покрытое пупырышками, и думал, как избежать порочной связи. На его счастье, утопленнице стало не до любви. Заплетающимся языком она пела все, что могла припомнить. Щукин то и дело подливал ей, доводя до коматозного состояния.

– Ты это... – Клава окинула хозяина дуравым взглядом и отключилась.

Вася уложил ее на диван и закрыл, как покойнице, глаза.

– Спи спокойно, любимая!

Булькающий храп заполнил комнату. «Лишь бы не оклемалась раньше срока», – Щукин с трудом поднял сморенную алкоголем Клаву и перетащил в багажник автомобиля.

Прохладная вода мгновенно привела Рыбину в чувство.

– Какой же ты коварный! – Она презрительно скривила лицо и погрозила пальцем.

Окончательно убедившись, что все мужики – сволочи, Рыбина поклялась мстить им. Вскоре ей представился удобный случай.

IV

На заросшем бархатными лопухами берегу сидели два рыбака. Клева не было. От скуки мужики переговаривались, изредка поглядывая на поплавки. Под натиском солнечных лучей туман над озером постепенно растаял. Где-то сзади тревожно крикнула птица. Рыбаки вздрогнули и обернулись.

Тяжело шелестел листвою просыпающийся лес; хулиганистое эхо подпевало лягушачьему хору. Мужики повернулись обратно и увидели молодую женщину с распущенными мокрыми волосами. Она стояла по грудь в воде и сконфуженно улыбалась бескровными губами.

— Ты кто, милая? — взволнованно спросил один из рыбаков.

— Клава я, в «Раю» работаю! С приятелем на лодке катались да перевернулись нечаянно. От платья пришлось избавиться. Иначе утопла бы!

Куда делось нижнее белье, незнакомка объяснять не стала. Она обняла покрытые гусиной кожей плечи.

— Замерзла ужасно. Ноги судорогой сводит, помогите на берег выбраться!

Рыбаки переглянулись и стали скидывать одежду. Наперебой затараторили сороки, с любопытством за происходящим следили лягушки. Оставшись в трусах, мужики вошли в воду. С мольбой в глазах Клава тянула к ним руки. Обна-

женная девичья грудь действовала магически: благодетели с ревностью устремились к девице, она же неприметно удалялась. Дно уходило из-под ног, и мужики пустились вплавь.

V

– Слышала: опять двух утопленников выловили! – Полная женщина бросила в алюминиевый бак очищенную картофелину и тыльной стороной ладони провела по лбу. – Говорят, лоскотуха в наших краях появилась. Только мужиков топит! А еще я слышала, будто ищет она того, кто ее на тот свет отправил. Вот как в могилу его загонит, так и прекратит бадовство!

– Да ну тебя! Какая лоскотуха?! Американцы на Луну мотаются, как на дачу! Кусто все моря-океаны облазил. Ни русалок, ни сирен не видел. – Поджарая, как гончая собака, собеседница отложила в сторону нож. – Помнишь, у нас официанткой работала Клавка Рыбина? Уж год, как пропала. Ни слуху ни духу! Скажи еще, это она безобразничает!

– Чем черт не шутит? Может и она! Заочно-то ее отпевать не стали. Батюшка сказал, пока тело не найдут, обряд он совершать не будет! А коли не отпетая, то всего от нее ожидать можно!

– Мелешь ахинею, а еще в партию вступать собралась! Такое брякнешь, хоть стой, хоть падай!

Женщины замолчали, раздраженные друг другом.

VI

– Сухов, чего филонишь? Куришь одну за другой! Или я за тебя копать должен? Кончай бездельничать. Две могилы надо вырыть. Сегодня рыбаков хоронить будут, что на днях утопи.

Федя выплюнул изжеванный окурочок и взялся за лопату.

– Знаю. Один из них жил по соседству. – Копнув пару раз, он вытер потное лицо. – Труд сделал из обезьяны человека, а из человека – лошадь! Эх и печет! Исккупаться бы!

– В морге искупают! Рой, давай! – огрызнулся напарник.

Когда с могилами было покончено, гробокопатели развалились на заросших травой холмиках. Ближе к обеду послышались звуки похоронного оркестра. Сухов поднялся.

– Несут горемычных! Накинь рубаху – неприлично мертвяков в последний путь голышом провожать.

Вереница людей с венками заползла в кладбищенские ворота. Следом внесли бывших любителей ухи и сушеной воблы. Траурное шествие застыло напротив вырытых ям. Гробы установили на заранее приготовленные козлы. Не обращая внимания на вдовьи вопли, батюшка отслужил панихиду. Родные и близкие стали прощаться с покойниками.

Скулеж похожих на ведьм плакальщиц поплыл над кладбищем. Рыдали неважно – согласно тарифу. Сухов подошел к гробу, коснулся одутловатой руки мертвеца и уже собирал-

ся отойти, как утопший сосед сквозь зубы процедил:

– Клава тебе привет передает!

Федя шарахнулся в сторону. Под сдавленный возглас толпы он подвернул ногу и свалился в могилу. Напарник спрыгнул следом. Народ забыл о своих мертвецах и бросился к месту трагедии: каждому хотелось стать очевидцем чужого горя.

– Все, откувыркался! – крикнул из могилы Федин коллега. – Кажись, шею сломал.

В ту же ночь случилось еще одно необъяснимое событие, взбудоражившее город. Находясь на дежурстве, Васька Щукин сквозь дрему слышал хлюпающие звуки со стороны озера. Он схватил фонарь и побежал к мосткам. Потрясению сторожа не было предела: освещенный луной водоем клоко-тал, исчезая под землей.

Утром толпа зевак с изумлением смотрела на котлован, покрытый толстым слоем донных отложений. Следующей весной талые воды заполнили его и превратили любимое место отдыха горожан в заросшее осокой болото.

Гудвин

I

Вымощенная булыжником площадь неоднократно меняла название. Изначально она именовалась Торговой, затем – площадью Революции. Спустя много лет после кровавых событий стала Театральной. С одной стороны овального плаца жались друг к другу многочисленные кафе и магазинчики; с другой находилось здание драматического театра, построенное в середине девятнадцатого века. Между ними раскинулся сквер. Огороженный ажурной решеткой, разделенной на секции кирпичными столбами, он шумел листвой и пускал облака тополиного пуха. Вдоль ограды вытянулся тротуар с вросшими в него чугунными фонарями каслинского литья. Около одного из этих великанов по утрам появлялся нищий.

Он сидел на асфальте и не проявлял ни к чему интереса. Грязный пиджак с большими заплатами на локтях, войлочные боты и мятые брюки свидетельствовали о том, что человек ведет не вполне нормальный образ жизни. Однако пьяным или с похмелья его никто не видел. Сколько ему лет, определить на глаз было сложно. Внешность побирušки менялась в зависимости от погоды. Иногда он казался стари-

ком, а порой – вполне трудоспособным мужчиной. Прохожие бросали в кепку медяки и шли дальше, совсем не интересуясь, кто этот человек и какая нужда заставила его сидеть с протянутой рукой.

Николай Гудвин ежедневно проходил мимо, но завести разговор не осмеливался. Однажды он пересилил себя, приблизился к попрошайке и присел на корточки. Тот выглядел моложе обычного. Видимо, солнечные лучи разгладили морщины на его лице, или он хорошо выспался.

– Что, мужик, работать неохота? А кланчить не стыдно?

С возрастом все люди становятся философами – сказывается накопленный опыт. Но не многие им делятся. Нищий почесал заросшую щетиной щеку.

– Ты слышал, чтобы я кланчил? Люди сами подают. Если есть лишние деньги, почему бы не поделиться?

– И тебя это устраивает?

– Меня устраивает все, кроме суеты. Посмотри вокруг. Куда все бегут, куда торопятся?

– Странно ты рассуждаешь. По делам! У всех они есть, кроме тебя. Если все усядутся под забором, то некому будет подать милостыню. В результате – сдохнут от голода! Я, например, играю на сцене. Дарю зрителям эмоции, заставляю их думать, сопереживать... – Николай полез в карман за сигаретами.

Пока он прикуривал, собеседник вывернул тему наизнанку:

– Люди, не задумываясь, бегут к смерти. С каждым шагом она все ближе и ближе. Человечество забыло, что находится в гостях; стремится к комфорту и праздности. Настанет момент, когда нить жизни оборвется, и все окажется напрасным: ведь ничего на тот свет не захватишь. Даже эмоции и аплодисменты!

Слова нищего задели самолюбие Николая. Они будто подчеркнули ничтожность его профессии.

– А какая польза от тебя? – завелся он.

Старик не задумываясь, ответил:

– Какая польза? Я не мешаю людям жить. Допустим, я умру, станет ли кому-то легче? Нет! Потому что я не доставляю хлопот! Если же не будет тебя, то твой партнер по сцене начнет потирать от радости руки. Ведь отныне лучшие роли достанутся ему! Вот и думай, кто из нас лишний.

Николай вспомнил, как на него напали год тому назад. Лишь по счастливой случайности прохожие помешали преступникам. Тогда Гудвин посчитал это хулиганством и не придал особого внимания. Теперь же посмотрел на произошедшее иначе.

– Каждому свое: тебе – паясничать на сцене, другому – печь хлеб. На мою долю выпало сидеть и наблюдать за ходом жизни. Иди, занимайся делом – забор двоих не прокормит! – сказал нищий и отогнал назойливую муху.

– Ну, ты и фрукт! – Николай бросил в фуражку монету.

Прокручивая в голове беседу, он не торопясь побрел к те-

атру. Что-то особенное было в рассуждениях старика, они раскрывали другую, до сей поры мало интересующую Николая сторону бытия. Он все больше времени проводил в беседах с философом. Истолкованные им обыденные вещи обретали совершенно иной смысл. В то же время хотелось ущемить самолюбие уверенного в своей правоте бродяги. Посмотреть, как он начнет злиться.

– Понятно, что живешь ты неважно. Семьи нет, ухаживать за тобой некому. Одиночество не угнетает?

Нищий саркастично ухмыльнулся.

– Глянь на своих друзей – наглажены, сыты. Дома жена и дети, все вроде бы хорошо. Но спроси их: при виде прелестной девы не хочется ли им стать холостяками и приударить за ней? А беззаботно гуляющая молодежь, не связанная узами брака, не вызывает у женатиков зависть и сожаление, что на ее месте не они? Одиночество меня не угнетает. Наоборот, оно освободило от многих хлопот и предоставило уйму времени для размышлений.

Крыть было нечем, и Гудвин пошел ва-банк:

– Пробьет час, и ты умрешь. Хоронить тебя будет некому; никто не помянет добрым словом.

Старик перебил речь Гудвина смехом.

– Все так! Но разве ты испытываешь удовлетворение, когда над твоей могилой прольют реки слез? Тебе будет безразлично – покойника проблемы живых не интересуют! Мысли о собственных похоронах беспокоят людей до тех пор, пока

Они живы.

У Гудвина затекли ноги, он поднялся.

– Тебя послушать, так жизнь – бесполезная штука! – иронично заметил он.

– Она не бесполезная, она вредная. Ибо ведет к кончине, заставляя при этом страдать!

– Так и радость она приносит! – возразил Николай.

– Приносит, – старик вздохнул. – Запомни: никакая радость не облегчит предсмертных мук! Люди об этом редко думают, но, корчась в агонии, проклиная день, когда появились на божий свет. Выходит, счастливы те, кто не родились.

II

Дым кремированной листвы витал над городом. Оплакивая похороны лета, шли дожди. Осень согнала философа с насиженного места. Он пропал, как будто его никогда и не было. С исчезновением попрошайки ничего не изменилось. Николаю первое время не хватало странного собеседника, но постепенно он о нем забыл.

Благодаря внешности и артистическим способностям, Николай быстро поднимался по карьерной лестнице. Ведущие роли в театре, съемки в сериалах и рекламе приносили неплохие доходы. Незаметно он перешел в категорию людей, у которых все в жизни получалось. Он достигал поставленной цели любыми путями. Где конвертик сунет, где встанет

на сторону нужного человека, а где просто улыбнется, обнимет по-панибратски, изобразит восторг от встречи. Гудвин легко научился обманывать совесть.

Разговоры о моральных принципах для него стали пустой болтовней. Конечно, возникали проблемы. Но они разрешались как-то сами собой. Можно сказать: фартило! Он оброс связями и смотрел на жизнь снисходительно, философски рассуждая о своем месте в ней. Место это было теплым и комфортным. Гудвин не стал покупать отдельную квартиру, а сразу принялся строить дом.

Осень проделала огромную работу – причудливо разукрасила мир, а затем смыла дождями пеструю акварель. Поблекшая земля, как готовая к смерти старуха, ждала, когда ее завернут в белый саван. Гудвин докурил сигарету и отошел от окна. Шаркая дырявыми тапками, на кухню коммуналки зашла соседка.

– Надымил, лицедей! Не один живешь, в подъезд выходи!

– Не ворчи, Петровна, скоро съеду! Подселят вам алкоголика какого-нибудь – запоете серенады! – Гудвин налил в стакан заварку. – Дом почти что готов. Осталось внутри отделать. Мебель прикуплю и – адыю, господа хорошие, заживу по-барски! Быть может, обженюсь. Теть Клав, говорят, ты гадаешь. Сделай одолжение, загляни в день грядущий.

Соседка будто этого ждала. Она выудила из фартука замусоленную колоду.

– Давай посмотрим, что тебе выпадет, – перетасовав кар-

ты, забубнила: – Идет, через год. Позади, впереди. Печалишься, стараешься, боишься, сомневаешься. Кто любит? Что будет?..

Соседка раскладывала карты на полинявшей клеенке и поясняла, что ждет Николая в ближайшем будущем:

– Дорога тебе выпадает, бумаги и деньги, – взглянув на него, хмыкнула. – Вижу дом, но только казенный!

– Врут твои картишки! – Николай потерял к ней интерес. Какой казенный дом могла разглядеть на потрепанных картах соседка, так и осталось для него загадкой.

III

Гудвин ежедневно заезжал на стройку и лично контролировал ход работ. Благодаря цоколю и архитектурному убранству крыши, особнячок выглядел выше. Сужающиеся кверху вазы, установленные на парапетных столбах, придавали ему стройность. Особенно удался фасад с декоративной лепкой в виде растительного орнамента. Дверной проем, оформленный портиком и литым навесом, опирался на массивные колонны. Удручала лишь маленькая территория вокруг дома, не позволяющая разбить газоны.

Гудвин собирался реализовать еще одну задумку. По пути в театр он созвонился с порекомендованным ему художником.

– Алло! Мне бы Игоря Олеговича Краско... Здравствуй-

те, вас Гудвин беспокоит. – Николай притормозил на светофоре. – Хотелось бы встретиться. Вечером? Хорошо!

С небес спускалась ноябрьская ночь. Свернув с шоссе, автомобиль въехал в арку, ведущую во двор.

– Игорь Олегович, я почти на месте. Ничего, что задержался? Дела, сами понимаете, – Гудвин убрал телефон и припарковался.

Дверь открыл крупный мужчина с гладко выбритым красным лицом. В левой руке он держал заляпанную краской палитру, в правой – кисть и папиросу.

– Добрый вечер! Проходите. Можете не разуваться. В мастерской я не особо утруждаю себя соблюдением чистоты и порядка. Более чем на день их не хватает.

Жестом он пригласил Гудвина в комнату, заставленную подрамниками, гипсовыми бюстами с отколотыми носами и всякой ерундой. В дальнем углу стояла Венера Милосская с обеими руками, у окна – старинные напольные часы.

– Чем могу быть полезен? – обратился Краско к гостю, которого часто видел по телевизору

– Портрет мне нужен. Хочу дом украсить своим живописным ликом; оставить память потомкам, если таковые будут, и удовлетворить тщеславие. – Гудвин театрально засмеялся.

– Ну что ж! Напишем, коли надо. Расценки знаете? Удовольствие не из дешевых. – Художник высморкался. – Извините, простыл слегка.

– Ничего страшного. Деньги – не проблема! Но я не могу

позировать часами.

Услышав, что гость не будет торговаться, Краско посветлел.

– Этого не нужно. Принесите фото, остальное – мое дело.

– Фотография у меня с собой. – Гудвин вытащил из внутреннего кармана конверт. – Только костюм другой надо, а то...

– Не переживайте, костюмчик какой нужно, такой и сделаем.

– Вот и славно! Меня интересуют сроки. Как долго будет выполняться работа? Хотелось бы к новоселью сделать себе подарок.

– У меня много заказов... – Лоб художника сложился гармошкой. – Но за двадцать пять процентов сверху я напишу ваш портрет вне очереди.

«Однако, вы, батенька, вымогатель!» – не выдавая раздражения, подумал Гудвин и согласился на доплату. Дома он прокрутил в голове весь разговор с Краско. «Никогда не забывайте, что театр живет не блеском огней, роскошью декораций и костюмов, эффектными мизансценами, а идеями драматурга», – всплыли в памяти слова Станиславского. «Ничего, Игорь Олегович, ты с лихвой отработаешь накрученные проценты. У меня имеется хороший сценарий!»

Гудвин набрал номер портретиста.

– Игорь Олегович, добрый день! Как продвигаются дела?

Краско с отдышкой ответил:

– Здравствуйте! Все хорошо. Подъезжайте в выходные. Хотелось бы узнать: в каком костюме вы предпочитаете себя видеть?

– Что-нибудь в стиле эпохи возрождения. Это возможно?

– Для настоящего волшебника нет невозможного! – простужено засмеялась телефонная трубка.

В назначенное время Гудвин перешагнул порог мастерской. Пожав руку художника, он проследовал за ним в комнату. Краско снял с мольберта накидку. С холста на Гудвина смотрел мужчина, похожий на него, как зеркальное отражение. Утомленный праздным образом жизни, в колете с высоким стоячим воротником он выглядел потрясающе! Волнистые волосы ниспадали на плечи, подчеркивая тонкие черты лица. Портрет получился замечательным, но Николаю хотелось прижать хвост зажавшемуся, как ему казалось, мастеру.

– Знаете, – он выдержал паузу, – неплохо. Но можете ли вы дополнить портрет головным убором: феской или беретом?

Краско не ожидал, что заказчик начнет вносить коррективы.

– Что ж, как изволите! Феску так феску! – ответил он и, нервно потирая руки, добавил: – Извините, у меня много работы.

Накидка вернулась на место.

Гудвин сидел в глубоком кресле и любовался танцующим в камине огнем. Вот оно, тихое домашнее счастье, – с тика-

ющими ходиками, с котом, свернувшимся на твоих коленях! Радости Николая не было предела: ни соседей, никаких посторонних звуков. Хочешь привести женщину или друзей – приводи. Хоть днем, хоть ночью – никто слова не скажет, не возмутится разброшенной обувью, запахом табачного дыма и громкой музыкой.

По городу блуждала метель. Витрины магазинов пестрели еловыми лапами с разноцветными шарами и дождем из фольги. Народ готовился к встрече Нового года. Гудвин решил пригласить к себе коллег и бывших соседей, насладиться их восторгом от обставленной по-барски холостяцкой берлоги. Дело было за малым – забрать портрет и повесить его на видное место.

– Алло! Игорь Олегович, что там у нас? Вечером заскочу!

По подсчетам Гудвина еще оставалось время на то, чтобы потрепать нервишки художнику и до праздников забрать портрет.

– Черт, я никак не пойму, чего здесь не хватает?! Все вроде на месте и что-то не так! Может быть, волосы сделать чуть короче или руки на груди сложить? А? – предложил он, решив до конца насладиться ролью душевного эскутера.

Как большинство творческих личностей, Краско болезненно реагировал на все, что касалось его работ. Привыкший к похвалам и восхищенным взглядам, он настолько уверовал в свою гениальность, что любые замечания считал за оскорбление и намеренное принижение его способностей.

Слушая капризы Гудвина, он пытался погасить в душе огонек ярости, но тот разгорался сильнее, превращаясь в адский пожар. Задетое самолюбие толкало Краско к самым непредсказуемым действиям. В такие моменты лучше всего выйти на улицу, проветрить мозги, что художник обычно и делал, но сейчас он не сдержался. Негативная энергия кипятком выплеснулась наружу.

– Вы, молодой человек, сами не знаете, чего хотите! Если вам кажется, что я не достаточно профессионален, то закажите портрет другому мастеру! Я удержу причитающееся за выполненную работу, остальное верну! – Он скомкал тряпку с пестрыми разводами.

Глядя на «маляра», Гудвин презрительным тоном подвел черту:

– А что вы так реагируете? В конце концов, я деньги плачу! Постарайтесь завершить к тридцатому декабря!

Не прощаясь, он нарочито громко хлопнул дверью. Краско проводил заказчика озлобленным взглядом.

– Сопляк, понимал бы чего! – Он подошел к холсту. – Что его не устраивает? Волосы покороче, руки на груди... Да как разговаривает, словно барин с холопом! Ты посмотри на него, сроки назначает, того и гляди в морду плюнет!

Художник взял со стола перочинный нож и с ненавистью резанул по холсту. Лицо на портрете с треском расползлось.

«Старый хрен! Заломил цену, как за Тинторетто, еще и кочевряжится!» – остановившись у табачного киоска, Ни-

колай полез за кошельком. Шумная ватага подростков сбила его с ног. При падении Гудвин ненароком разбил витрину. Огромный кусок стекла гильотиной обрушился сверху. Подбежавший старичок всплеснул руками и забил тревогу:

– Скорую! Вызовите скорую!

В палате до Николая дошло, о каком казенном доме говорила соседка по коммуналке. Выписавшись из больницы, он плюнул на портрет и на заплаченные за него деньги. Краско он больше не звонил. Ужасный шрам, располозовавший щеку и бровь, отнял все роли, на которые он рассчитывал. Гудвина приглашали на съемки в бандитские сериалы, но предложения играть второстепенных героев он принимал за оскорбление. В театре для него тоже ничего не находилось. Не зная, чем себя развлечь, Николай стал завсегдатаем игорных заведений. За зеленым сукном казино он забывался и испытывал азарт, присущий авантюристам всех мастей. Ему нравилось наблюдать за скачущим по игровому полю шариком, ощущать легкий холодок между лопаток. Постепенно Гудвин увлекся карточными играми. С упорством добросовестного ученика он постигал хитрую науку.

IV

Свежестью и запахом приближающейся грозы веяло из открытого окна. Застенчиво, боясь потревожить притаившийся в углах сумрак, в комнату вползал рассвет. На кровати, за-

ложив под голову руки, лежал Гудвин. Его обезображенная шрамом физиономия походила на посмертно снятую маску. Изредка Николай обреченно вздыхал, вспоминая минувший вечер: «Почему не остановился? Сорвал банк, встань и уйди! Зачем испытывать судьбу? Такой куш упустил, а еще долги отдавать! Черт, у кого же занять денег, чтобы рассчитаться? Завтра крайний срок – хоть дом продавай!» Суматошный бег мыслей прервало чье-то покашливание. «Боже, кто здесь? Я же один из казино вернулся!» – Гудвин приподнялся на локтях. В углу, скрытый полумраком, на пуфике сидел старик.

– Ты кто такой? – раздраженно спросил Гудвин, припоминая, где мог его видеть.

Гость подошел и сел на краешек кровати.

– Не признал, Коля? Бывает! – Старик обиженно поджал губы. – Что ж, отвечу на вопрос, но ты мои слова сочтешь за вздор, в лучшем случае за глупую шутку. Бог я! Верь не верь, ничего от этого не изменится. Пытался я тебе кое-что у фонаря растолковать, да видно плохо ты меня слушал. Смотрю, как жизнь прожигаешь, и думаю: может, помочь тебе надо? А то пропадешь со своими заскоками! Какого черта вчера не ушел вовремя?! Я же тебе внушал, что пора завязывать! Нет, еще поиграю! Доигрался?! Хочешь, в институт тебя определяю? Образование техническое получишь, на работу устроишься.

Гудвин упрекнул старика в непонимании ситуации.

– Какой институт? Ты, дед, в своем уме? Тут долги гирями висят. Не выплачу, хоть в петлю лезь! Знаешь, каким я людям должен? Шутить не будут!

– А зачем занимал? Второй год фишки мечешь и никак не уяснишь: казино, как лотерея, – не ты его, а оно тебя обует! Если бы давеча ушел с выигрышем, то нынче бы его там и оставил. Да еще с процентами! Дурак ты, Коля, элементарных вещей не понимаешь! Ну, так будешь знаниями овладеть?

– Отстань, не до этого мне! – Гудвин снова лег, но тут же подскочил от озарившей его идеи. – Слушай, дед! Если ты Бог, то почему бы тебе не сделать так, чтобы мне всегда фартило в игре? Я тогда без лишних знаний неплохо проживу!

Старик поднялся. Измерил комнату шагами.

– Нужно ли это тебе? Подумай хорошенько, не торопись!

– Нечего думать. Сделай, о чем прошу. До конца дней своих молиться за тебя буду!

Старик засмеялся, пригладил рукой седые волосы.

– За меня молиться не надо, мне это ни к чему. Просьбу твою выполняю, а там – как знаешь. На меня больше не рассчитывай! – недовольно крикнув, он опустил на пуфик и исчез.

Гудвин открыл глаза: «Приснится же такое! Нервы ни к черту, пора валерьянку пить!» Он поднялся и прошел в кухню. Над столом висел прищипленный кнопкой тетрадный листок со словами: «Играй! Все долги оплачены!»

V

Давным-давно в Москву приехал иностранец. Он привез с собой ларец, завернутый в черную с красными разводами шаль, что соответствовало цвету карточных мастей. В нем лежала игральная колода. Вначале к картам на Руси относились терпимо. Люди проигрывали деньги, скотину, а то и жен с детьми.

Усмотрев в этом происки нечистой силы, игрокам стали отсекал пальцы. Наказание не остудило страсть к игре, и со временем стало менее жестоким. Пойманных игроков сажали в тюрьму, били батогами или штрафовали.

Мало кто задумывался над тем, какой властью обладают карты над человеческой душой. Не думал об этом и Гудвин, ему было не до этого. Старик сдержал слово – фортуна повернулась лицом, осыпая баснословными деньгами. Раздав долги, Николай зажил на широкую ногу. Не было такого желания, в котором бы он себе отказал. Деньги исправно выполняли свою функцию, утоляя самые сумасбродные прихоти.

По натуре Гудвин был веселый и не жадный; редко отказывал в просьбах. Все, кто его знал, относились к нему хорошо. Но у медали две стороны: стоило выпить лишнего, и Николай становился неуправляем. Хамил крупье, швырял в бармена стаканы или цапался с игроками. Ему все

прощали – он был визитной карточкой игорного бизнеса. К тому же, протрезвев, дебошир извинялся, с лихвой покрывая все издержки, а обиженных по пьяной лавочке людей задабривал дорогими безделушками. Будучи пьяным, Гудвин приводил домой девиц легкого поведения. Гульнув неделю-другую, он просыпался в поту, выгонял осточертевших подруг и дней пять отлеживался. О пьяных выходках бывшего актера по городу ходили легенды.

Как-то вечером он подъехал к игорному заведению, где убивал время. На входе его остановили.

– Извините! Вас пускать не велено!

– В чем дело? Вы же меня знаете!

Крепкие парни пожали плечами и перекрыли вход. То же самое произошло и в других казино, куда он в тот вечер пытался попасть. «Сговорились, суки! Боятся, что разорю! – сплюнув на асфальт, Гудвин сел за руль. – Хоть с бандюганами играй!»

Он немного знал авторитетного уголовника Мотю, проводящего подпольные карточные турниры. Поговаривали, там крутятся деньжищи, которые и во сне не снились! Николая терзали сомнения: «Казино – это казино, там же – шулера. У этих ребят все карты крапленые! Сражусь разок, если почувствую непруху, то больше туда ни шагу!» – Гудвин запустил мотор.

Двухэтажный дом из красного кирпича выглядел удручающе. Углы кое-где поросли мхом, а от стен веяло могильным

холодом.

За плотно задернутыми портьерами чудилось что-то коварное. Дверь Гудвину открыл похожий на буфетьера карлик. Схватив гостя за полу пиджака коротенькой, сильной рукой, он потащил его по узкому коридору, застеленному ковровой дорожкой. В передней их приветствовало чучело медведя. На вытянутых лапах косолапый держал начищенное медное блюдо. По бокам от него стояли две вазы с декоративными пальмами, а над головой висели часы с кукушкой. Безвкусный интерьер напоминал дом терпимости или запасник краеведческого музея. Дальше по коридору располагалась комната, стены которой украшали картины безымянных художников. Ее центр занимал овальный стол на массивной ноге. Поджарый шатен с острым кадыком встретил Гудвина изучающим взглядом.

– Что, мил человек, надумал судьбу испытать, или деньжата лишние завелись? – сказал мужчина и поставил на стол чашку с недопитым кофе. – Ладно, не отвечай, земля слухами полнится. Приходи в пятницу, к восьми вечера!

Игра шла с переменным успехом, Николай видел, что его пытаются развести, однако высшие силы действовали безотказно. Все попытки шулеров облапошить новичка закончились ничем.

Не сказать, чтобы Гудвин много выиграл, но и эта сумма вполне устраивала. Так продолжалось месяца два. После очередной игры Мотя по-дружески обнял Николая.

– Серьезные люди посмотреть тебя желают. Приглянешься – не пожалеешь! – прощаясь, он пожал руку. – Спокойной ночи!

Что-то подсказывало Гудвину: «Откажись, найди любой повод. Прикинься больным, в конце концов!» Но не хотелось ронять престиж, с таким трудом завоеванный в кругах картежников.

Дождь разбивался о лобовое стекло и нагнетал тревогу. Вдавив до упора педаль газа, Гудвин мчался на запланированную встречу. Кирпичный дом потемнел от влаги, отчего казался мрачнее обычного. Лилипут вцепился клещом и тащил Николая по знакомому маршруту. Его уже ждали.

Игра ничем не отличалась от предыдущих. Те же ставки, те же еле уловимые жесты и все тот же расклад – Гудвин был на коне! Время пролетело незаметно. У дверей Николай отсчитал хозяину проценты, узнал дату следующей встречи и распрощался. Камень, давивший на душу последние дни, свалился.

Мотя проводил гостя и вернулся в прокуренную комнату.

– Способный малый, карты насквозь видит!

– Так-то оно так, но мышь никогда не станет кошкой, какой бы фартовой она ни была! – Рябой мужчина хрустнул пальцами и достал телефон. – Встречайте красавца цветами и шампанским!

Гудвин поставил автомобиль на сигнализацию и направился к дому. Сырая мгла плотно укрывала безлюдный пе-

реулок. Фонарь под козырьком отвоевывал у темноты пятнышко вокруг крыльца. Не успел Николай войти в зону блеклого света, как под лопатку вонзилось жало. К ногам упала и разбилась «розочка» из бутылочного горлышка. Не совсем понимая, что жизнь вытекает кровавыми ручейками, Гудвин пробовал подняться, но сил не хватало. Зрение заволокло туманом, сквозь пелену которого просматривался старик в застасканном пиджаке с иссеченным морщинами лицом. Стоя у ограды, он наблюдал за жалкими потугами Гудвина.

– Боже, почему ты не предотвратил это? – захрипел Николай, распластавшись в луже.

– Ты меня об этом не просил! – ответил старик и исчез, будто его и не было.

Аптекарь

I

Аптекарь Серафим Аристархович Урусов отложил в сторону «Московские ведомости» и снял пенсне.

– Спина затекла. Выйду на воздух, прогуляюсь.

Оставив чемодан под приглядом Ильи Сергеевича Еремеева, он покинул здание вокзала.

Чуть поодаль от пустого перрона на рельсах сидела и лузгала семечки весьма интересная особа. Желая рассмотреть ее получше, Серафим Аристархович подошел ближе. На бабе была старая солдатская шинель, дырявые рейтузы и стоптанные башмаки. Голову ее украшала копна грязных волос, из-под которых выглядывали багровые мочки ушей. На осунувшемся лице выделялся острый, слегка напоминающий клюв, нос. Потрескавшиеся губы лениво двигались, сплевывая шелуху. Особенно поразили Урусова безразличные, лишенные всякого смысла глаза.

– Кхе-кхе, – дал знать о себе аптекарь. – Что это вы, голубушка, другого места для отдыха не нашли? Скоро поезд курьерский прийти должен. Не задавил бы!

Баба не отреагировала на его слова и продолжала совать в рот семена подсолнечника.

– Душечка, – как можно громче произнес Урусов. – Вы меня слышите?

Он нагнулся и потряс бродяжку за плечо. Неожиданно лицо ее изменилось. Громко замычав, женщина стала что-то объяснять на пальцах. Серафим Аристархович невольно отпрянул. Запнувшись, он надеялся зацепиться за воздух – взмахнул руками и упал. Баба зашлась дребезжащим смехом и бросилась к нему. Навалилась всем телом, придавила к насыпи и полезла целоваться. «Господи, какой позор! Не дай бог, кто увидит!» – Урусов завертел головой, уворачиваясь от омерзительных липких губ. Он пробовал освободиться, но бродяжка оказалась сильна. Тяжелый запах, исходящий от нее, вызывал отвращение.

– Что вы от меня хотите? – просипел аптекарь.

Умалишенная норовила стянуть с него брюки, и только надежные немецкие подтяжки мешали реализовать гнусный замысел. Краснея от напряжения и стыда, Урусов решил позвать на помощь.

Женщина зажала его рот ладонью. Откуда-то издалека донесся тягучий, похожий на вой раненного зверя гудок. Баба встрепелась, сунула под нос Урусова пятерню. Выразительное трение друг об дружку большого и указательного пальца дало понять, чего стоит свобода.

– Денег? Я дам, только слезьте с меня!

Серафим Аристархович ощущал себя растоптанным и обесчещенным. Баба вскочила и помогла ему подняться.

Крепко держа Урусова за рукав, она снова замычала. На перрон стали выходить люди. Не желая быть замеченным в обществе побирушки, Урусов вытащил из портмоне купюры и, не считая, протянул ей. Женщина вырвала деньги, зло засмеялась и плюнула аптекарю в глаза. Приложив палец к губам, цыкнула и опрометью бросилась на другую сторону насыпи.

Перепуганный Урусов вытер лицо рукавом, и, озираясь, почти бегом направился к зданию вокзала. Испарина крупными каплями покрыла его лоб. На ходу снимая легкое пальто, Урусов подошел к пузатому, как баул контрабандиста, Илье Сергеевичу. Тот опустил багаж на землю, слегка присел и по-бабьи хлопнул по ляжкам.

– Ай-ай-ай! Никак упали? Как же вы так?

– Упал, – запинаясь, ответил Урусов. – Неужто не видели?

– Нет, не видел. Давайте-ка я вам, помогу! – Еремеев взял пальто из рук попутчика и расправил его, словно ширму.

Урусов стряхнул мелкий сор и прилипшие комочки грязи.

– Покорнейше благодарю вас, Илья Сергеевич! – выдохнул аптекарь и более спокойно пояснил: – Оступился!..

Поезд медленно подполз к станции, заволок небо клубами черного дыма; остановился и стравил излишки пара. Как по команде, распахнулись двери вагонов, приглашая отъезжающих занять оплаченные места.

Аптекарь устроился в купе и глянул в окно. Разгоняя облачную хмарь, над землей поднималось солнце. Перелесок из оперившихся листвой березок с завистью взирал на сухо-

путный пароход. Тот, в свою очередь, гордо пыхтел и собирался уплыть за горизонт, оставив за стройными красавицами право – жить и умереть, не сходя с места. Темное пятно мелькнуло среди белых, испещренных бороздками стволов. Урусов пригляделся и отпрянул от окна. Из-за кустов шиповника за составом следила вымогательница в солдатской шинели.

– Что вы там увидели? – спросил Илья Сергеевич, заметив тревогу на лице попутчика.

– Померещилось, будто в перелеске кто-то прячется.

– А-а-а, – нараспев произнес Еремеев. – Это, скорее всего, Фрося Гудок – дурочка немая. Разве не слыхали о ней?

Он посмотрел на Серафима Аристарховича и продолжил:

– Так ее в народе прозвали за привязанность к железной дороге. Вечно она вдоль полотна ошивается, поездами любит. Кто копейку подаст, кто – хлеба кусок. Тем и живет. К тому же гулящая! Путается со всеми подряд. Поговаривают, будто раньше она была нормальной, но после того, как...

Состав дернулся, гроыхнул вагонными сцеплениями и начал медленно набирать ход. За окном замелькали деревья. Огненный шар покатился по их верхушкам, постепенно поднимаясь в небо. Урусов закрыл глаза и уже не слушал соседа. «Ничего, впереди целое лето. Крым, море, сбор необходимых трав для нового лекарства» – он пытался забыть о неприятном происшествии.

II

Отец Урусова слыл большим шалуном по части женского полу. Схоронив скончавшуюся во время родов супругу, он переложил воспитание сына на плечи своей сестрицы. Сам же предался охоте, разведению легавых и растлению дворовых девок.

С младых ногтей отпрыск наблюдал, как отец бесстыже щиплет прислугу и устраивает «купальные дни», парясь в обществе обнаженных девиц. На упреки сестрицы он усмехался и подкручивал прокуренный ус.

– Никакое наслаждение само по себе не есть зло! – оправдывался он и советовал сестре больше уделять внимания маленькому Серафиму. На что она назидательно отвечала:

– Тело умирает от страданий, а душа – от наслаждений.

Порой в усадьбе устраивались роскошные застолья, в которых принимали участие отцовские друзья. В такие дни дом напоминал пчелиный улей. Пьяные господа играли с визжащими горничными в жмурки. Они ловили их и волокли в отведенные для утех покои. Тетка старалась оградить племянника от безобразий. На время она увозила его в город.

Серафим рано понял: наслаждение – это лучшее, что может подарить жизнь, и частенько подглядывал за служанками. Когда под носом пробился пушок, он пробовал затащить в чулан одну из горничных. Застигнутый теткой врасплох,

барчук смутился и заперся в своей комнате. Вышел он только под вечер, когда желудок напомнил о себе. Покаявшись и дав клятву не копировать отцовское поведение, Серафим некоторое время вел себя тихо.

Страсть к запретному плоду оказалась велика. Урусов-младший бродил по лесу с ружьем и наткнулся на крестьянскую девчушку. Та обирала куст малины и настолько увлеклась занятием, что не видела и не слышала ничего вокруг. Барчук кошкой подкрался и повалил ее на траву. Распаленный похотью, он желал удовлетворить свои недетские желания. Девчушка растерялась и не оказала сопротивления, она лишь заплакала. Серафим остервенело терзал ее, глядя на скатывающиеся по щекам слезинки. Как назло, ничего не получалось.

Со стороны недавно проложенной железной дороги слышался паровозный гудок. Густой, будоражащий округу звук отрезвил насильника. Серафим вскочил с вздрагивающего тела и скрылся в чаще. Он отошел на приличное расстояние, когда вспомнил о забытом ружье. Девчушка уже не плакала. Сидя на коленях, она безразлично смотрела перед собой. Рядом валялся перевернутый туесок с рассыпанной ягодой. Серафим погрозил пальцем.

– Скажешь кому – собаками затравлю!

Утром он случайно подслушал беседу кухарки и пожилой экономки с вечно красным, будто распаренным лицом.

– Никитична, а Никитична, что на селе-то говорят?

– А чего там скажут, коли Фроська мычит коровой да слезами заливается. А то вдруг, ни с того ни с сего, хохотать начинает. Не иначе, рехнулась девка!

– Кто ж это над ней надругался-то? Поймать бы паршивца, да разорвать на березах!

– Может, каторжане беглые. Кто их знает. Сейчас столько всякого сброду по лесам шатается, что хоть из дому не выходи. Барин сказал, что если мужики выловят проказника, самолично заперет.

– Наш барин сам проказник еще тот!

– Прикуси язык, шаболда! Не дай бог, кто услышит.

Бабы замолкли, а Серафим всерьез задумался о тяжести содеянного: «Вдруг соплячка оклемается и все расскажет?» – напуганный жуткой мыслью, он в тот же день собрал вещи и уехал в город к тетке по материнской линии, где вскоре занялся учебой. «Ничего, пройдет время, все забудется», – успокаивал он себя.

Зимой от неизвестной хвори скончался отец. Многие крестьяне ушли в поисках лучшей доли, кто-то остался на обжитом месте. Но, самое главное – исчезла дуравая девка, подкинувшая столько проблем Серафиму. Особой нужды появляться в усадьбе не было, и барчук прочно обосновался в городе. По великим праздникам он навещал тетку, доставляя ей немалую радость цветущим видом и рассказами о своем житие и учебе.

Все это аптекарь вспомнил в плавно раскачивающемся

железнодорожном вагоне.

– Никак задремали, Серафим Аристархович?

Урусов зевнул, прикрыл рот ладонью.

– Задремал, задремал. – Он потянулся и с равнодушным видом уставился в окошко.

III

Серафим Аристархович гулял по безлюдному пляжу, прислушивался к шипению волн и любовался тяжелыми, громоздкими тучами. «Никак, буря надвигается!» – придерживая соломенную шляпу, он собирался покинуть берег, как его внимание привлекла одинокая женская фигура, над которой суматошно кружились чайки. Хищные птицы подлетали к сидящей на гальке женщине и тут же с криком уносились в штормовое небо. Птицы враждовали между собой, возможно, ими управляла ревность.

Урусов решил узнать, что происходит, и ускорил шаг. Подойдя ближе, он оторопел: женщина кормила пернатую братию грудью! Выдавливая струйку молока, она с грустью смотрела на птиц, атакующих ее. Удивление аптекаря сменилось ужасом.

Он хотел незаметно удалиться, но случайно чихнул. Незнакомка вздрогнула, накинула на тело плед, что валялся рядом. Урусов застыл – перед ним сидела Фрося Гудок. Побирушка не выглядела малахольной, взгляд был осмыслен-

ным, а лицо ухоженным и весьма симпатичным.

– Что вам угодно? – Глаза женщины сверкали от ярости.

– Извините, мне показалось... – оправдываясь, начал Урусов.

– Вот именно, показалось! – раздражение женщины сменила растерянность. – Простите ради бога, так несуразно вышло! Понимаете, я кормлю нерожденных детей. Вернее, убитых мною. Их души превратились в белых птиц!

Порыв ветра сорвал с Урусова шляпу. Кувыркая и подкидывая, он зашвырнул ее далеко в море.

Волосы аптекаря становились торчком и сразу опадали. Он пытался пригладить их, но тщетно. Серафим Аристархович глядел на женщину. Ее сходство с вокзальной дурочкой заставляло аптекаря чувствовать себя неуютно.

– Я не хотела иметь детей. Считала, что надо пожить для себя. Делала аборты. Недавно в моем сознании укоренилось убеждение, будто убитые по моей воле дети превратились в белых птиц. Считаете меня сумасшедшей? – Она так посмотрела на Урусова, что ему стало неуютно.

– Нет, что вы! – соврал он, стыдливо опуская глаза. – Я, пожалуй, пойду. Сейчас дождь начнется!

Аптекарь ежедневно наблюдал за странной женщиной. Что его тянуло к ней, он и сам не знал. Возможно, красивое тело, а может быть, неподдающаяся объяснению мысль о своей причастности к ее грехам.

Погода в последние дни окончательно испортилась. Все

чаще моросил дождь. Отдыхающие разъезжались, покидая Крым. Урусов тоже бы последовал их примеру – необходимые травы были собраны. Более того, он в домашних условиях изготовил новое лекарство от головной боли, но кормящая птиц женщина удерживала его в опустевшем курортном городке. Он ловил себя на мысли, что стал вуайеристом, весьма стыдился этого, но поделаться ничего не мог. Как-то, прячась за прибрежными кустами, Урусов привычно вытащил из кармана театральный бинокль и приготовился наблюдать за необычной кормежкой.

В то утро все было не так – природа замерла, словно в предчувствии беды. Серое море, лениво распластавшись до горизонта, не подавало признаков жизни. Одинокая женщина на берегу напрасно ждала птиц. Сложив ладони, она склонила голову. «Никак молится!» – аптекарь наблюдал, как она поднялась и воздела вверх руки. Внезапно ослепительно-голубая молния вонзилась в миниатюрную фигуру, выгнула ее дугой. Громыкнуло так, что Урусов непроизвольно втянул голову в плечи, на мгновение упустив из виду происходящее на берегу. Когда он снова поднес к глазам бинокль, то вздрогнул от изумления – женщина превратилась в огромную чайку, взмахнула крыльями и полетела вдаль.

Серафим Аристархович присел на кровати. Взял со стола пузырек и высыпал на ладонь собственноручно изготовленные пилюли: «Неужели привиделось? Так отчетливо и ярко, будто наяву!»

Аптекарь ломал голову: кому и от чего рекомендовать оригинальное по влиянию на разум средство. По возвращении домой, ему представился удобный случай.

IV

Поздним вечером в доме промышленника Еремеева собрались гости. Не сказать, что для этого был особый повод. Просто компания успешных предпринимателей решила устроить посиделки. После ничего не значащих фраз о погоде и о бросившейся под паровоз немой дурочке, Петр Филиппович Волокушин – выбритый щеголь, любимец женщин и душа любой компании, как бы невзначай, обронил:

– Готовлю к выпуску новую продукцию, господа! Предвижу покупательский бум.

Заявление Волокушина оживило вялотекущий разговор.

– Что же вы затеяли, любезный? – поинтересовался старичок с клинообразной бородкой морковного цвета.

– Я, Юлий Соломонович, галоши для сна выпущу! Да-да, не удивляйтесь. Именно для сна! Ноги надобно защищать не только от уличной слякоти, но и от грибка, который, возможно, обитает между пальцев на ступнях любимой супруги. – Волокушин свысока посмотрел на собеседника.

– Петр Филиппович, а вы в сапогах и пальто спать не пробовали? Вдруг у супруги помимо грибков еще лишай имеются? – хихикнул старикашка, доставая из кармана чеканный

серебряный портсигар. – Пришел домой, да как был в обуви и одежде, так и брякнулся в койку. Только картуз снять надо – неудобно, знаете ли – козырек в подушку упирается, да и голова прееет. А вообще, прелесть! Какая экономия времени! Утром не надо по полчаса перед зеркалом вертеться. Вылез из-под одеяла, откушал чайку с ватрушками и бегом на фабрику, сумасбродные задумки реализовывать.

Старичок сморщил физиономию и захихикал. Смех напоминал радостную трель канарейки, с чьей клетки сдернули покрывало.

– Завидуете, господин Гауш? Вот в вас желчь и бродит!

Волокушин наполнил рюмку коньяком.

Юлий Соломонович закурил. Не без ехидства ответил:

– Отнюдь. Как можно? Искренне рад за вас! Могу дать дельную рекомендацию: приступайте к выпуску галош для усопших. Представляете, какая выгода? Смертность нынче опережает рождаемость. И вам хорошо, и покойникам благодать – мало ли, куда их занесет после смерти, а в калошах от Волокушина не страшны ни хляби небесные, ни сковородка раскаленная. Подошву толще сделайте, чтоб износу не было.

Хозяин дома Илья Сергеевич Еремеев, не желая обострять обстановку, перевел разговор в другое русло:

– Юлий Соломонович, вы так часто дымите, совершенно не заботясь о здоровье, – сказал он и разогнал руками сизые облака, нависшие над столом.

– Не беспокойтесь! Я пользуюсь исключительно продукцией Катыка. Гильзы снабжены фильтром, препятствующим попаданию никотина в организм. Новорожденным можно курить – никакого вреда. Папиросы фабрикуются без прикосновения рук и абсолютно гигиеничны! Так что, я – за здоровый образ жизни. По утрам приседаю, у меня даже гантели имеются! – Гауш выпятил хилую грудь, желая продемонстрировать отличную спортивную форму.

Еремеев восхищенно оттопырил нижнюю губу и закивал.

– Не знал, простите великодушно! А как обстоят ваши производственные дела?

– Да как они могут обстоять? Выкинул на прилавки последний сорт шоколада – «Черная радость». Не шоколад, а радость Бога! Учащаяся молодежь упаковками скупает для повышения мозговой активности. Мало того, ни в одном приличном доме трапеза не заканчивается без этой самой радости. Прибыль на глазах растет, деньги девать некуда. Скоро сорить ими начну. Куплю мотоциклет, может, и на автомобиль раскошелюсь. – Юлий Соломонович искоса взглянул на расстроенного этой новостью Волокушина. – Позвольте, в свою очередь, поинтересоваться вашими успехами, Илья Сергеевич.

– Что вам сказать? – с еле уловимым чувством превосходства начал Еремеев. – Чехлы для обуви и лакомства, конечно, необходимы человечеству, но и без искусства прожить невозможно! Душа требует улады. Не хлебом еди-

ным, как говорится. Моя фабрика приступила к выпуску потрясающих граммофонов. Изумительное качество звучания! А внешний вид?! Красное дерево, позолоченный раструб! Не выходя из дома, наслаждаться пением лучших исполнителей – это, я вам замечу, не в блестящих галошах шоколад упаковками жрать, – покачиваясь с пятки на носок, Еремеев, довольный произведенным эффектом, крикнул: – Семья императора заинтересовалась, так-то!

Мужчина в костюме английского покроя, до этого безмолвно сидевший на диване, присоединился к беседе.

– Оглянитесь на дела свои, все суета и томление духа. Только прибыль в голове.

Он достал из-за пазухи пузырек и высыпал на столешницу пилюли. Волокушин взял одну, поднес к глазам и ради любопытства попытался раздавить ее пальцами.

– Что есть сие, Серафим Аристархович? Средство Макропулуса? Ваша фармацевтическая компания добилась фантастических результатов? – Волокушин игриво подмигнул приятелям.

– Что вы, сударь?! Я не всемогущ! Но поверьте на слово, принимая эти пилюли, вам станут не нужны ни шоколад, ни галоши, ни задушевные песнопения известных шансонье. Даже непристойные ласки куртизанок отойдут на второй план, а возможно, и вовсе потеряют привлекательность. В этих маленьких шариках прячется сказочное блаженство, несравнимое ни с чем. Небесная эйфория! Попробуйте при-

нять их на ночь – и все ваши тайные грезы померкнут перед яркостью и реальностью видений. Если же принять пилюлю днем, то окружающий мир преобразится, став более живописным. Вы услышите виртуозные птичьи трели, перестанете замечать погрешности, коими изобилует бытие. Сознание выйдет за границы, очерченные разумом, да что там... Ответьте. Я думаю, нареканий не будет. За этими пилюлями будущее. Миллионы людей воспользуются ими, дабы убежать от кошмарной реальности. Берите, не гнушайтесь!

– Шутить изволите, Серафим Аристархович? Нечто подобное мне священник обещал после смерти, когда я на его приход кругленькую сумму пожаловал. Надеюсь, не отравить нас решили. – Саркастическая улыбка сползла с лица Волокушина.

– Разве я похож на душегуба? – обиделся Урусов; когда пилюли утонули в карманах фабрикантов, он извинился: – Мне надо идти, не обессудьте. Обязательно примите на сон грядущий эликсир счастья – и вы проснетесь другими людьми!

V

Прошло чуть больше года. Перед Урусовым топтался скверно выбритый Еремеев. Он теребил побитую молю шляпу и моргал.

– Серафим Аристархович, будьте милосердны, дайте

в долг «Эликсир счастья». Обязуюсь рассчитаться на следующей неделе, с процентами! Слово дворянина!

– Чем, Илья Сергеевич? Чем? Вы же пустили с молотка производство и находитесь на иждивении родственников.

Еремеев вытер о штаны вспотевшие ладони, затем торопливо поднялся со стула. Оглянувшись на дверь, еле слышно сообщил:

– Вот-вот отойдет в мир иной моя матушка. Наследство, сами понимаете...

– Это другое дело! – Урусов положил на стол упаковку с изображением розовощекого ангела, глотающего пилюли. – А как поживают Юлий Соломонович и Петр Филиппович?

Обанкротившийся фабрикант спрятал в карман сюртука лекарство и язвительно усмехнулся:

– Они в коридоре ждут аудиенции, но им уже закладывать нечего – голытьба! Я их за людей не считаю!

Гаушу и Волокушину стремительно разбогатевший аптекарь отказал. Он заперся в кабинете, расположенном на третьем этаже недавно приобретенного особняка, и распахнул окна.

«Странное дело, как быстро некогда уважаемые люди довели себя до скотского состояния. Неужели настолько слаба воля, что ради наслаждения человек готов на все?» – Урусов прохаживался взад-вперед, потирая виски. Голова раскалывалась. «Видно, к перемене погоды!» – фармацевт бросил под язык пару пилюль и опустился на диван.

Ветер за окном усилился. Закручивая в спираль пыль на дороге, он трепал деревья, заставлял их раскачиваться и шипеть подобно змеям. Боль не отступала. Проглотив еще пилюлю, Урусов успокоил себя тем, что уж его-то не постигнет участь бывших приятелей. Он не такой слабовольный и способен себя контролировать.

Приближалась гроза. Шелковые портьеры то надувались парусами, то беспомощно обвисали. Дождевые капли поодиночке бились о подоконник, рассыпаясь на мелкие брызги. Вскоре они объединили усилия и зашлись барабанной дробью. Урусов поднялся, желая прикрыть окно, но не успел. Хлопая крыльями, в кабинет влетела огромная чайка.

От неожиданности Серафим Аристархович отпрянул, прижался спиной к стене. Обезумевшая птица металась по комнате. Задевая крыльями лицо фармацевта, она отвешивала хлесткие, унижительные пощечины. Урусову стало не по себе; ноги подкосились. Присев на корточки, он прикрыл голову руками. Пернатая гостья успокоилась, опустилась рядом и приняла образ женщины.

Мысли Урусова путались. Перед ним возникала то кормившая птиц незнакомка, то спятившая Фрося в затасканной шинели. Меняющая образ женщина не сводила с него глаз.

– Скольких людей ты еще намерен превратить в животных?

Во рту Серафима Аристарховича пересохло. Он хотел от-

ветить, но язык прилип к небу. Вместо слов вырывалось что-то невнятное. Фармацевта лихорадило, тело обмякло и сделалось непослушным. Женщина сдавила его виски горячими ладонями. Урусову стало легче. Разум затянуло густым туманом. Такое бывает, когда борешься со сном, но он оказывается сильнее, и никакие усилия не способны ему противостоять. Озноб прекратился. Пот ручейками стекал по спине фармацевта. Бездна овладела Урусовым.

– Следуй за мной! – повелительным тоном сказала женщина, взмахнула оперившимися руками и вылетела в окно.

Серафим Аристархович послушно вскарабкался на подоконник и шагнул вперед.

Вечный жид

Пролог

Дождь зарядил с самого утра. Промозглый ветер водил по горлу бритвой, вынуждая прижимать подбородок к груди. Поскрипывая башмаками, я шлепал по лужам в направлении деревенской баньки. Городской массив незаметно сменился задворками, асфальт – глинистой тропинкой. Ноги разъезжались, и приходилось контролировать каждый шаг. С грехом пополам я добрался до нужной калитки и переложил портфель в другую руку. Привернутый над ржавым почтовым ящиком звонок паялся выпуклым красным зрачком. Я вдавил его до упора, через секунду на крыльце дома появился Коля. Он поеживался, потирая выпирающие через майку ребра.

– Здорово! Промок? Ничего, сейчас согреешься! – ободрил меня приятель; лязгнула щеколда, пропуская во двор. – Дуй сразу туда, банька давно протопилась.

Когда я раздевался, было слышно, как в парилке кто-то кряхтел. Внезапно охи-ахи кончились и дверь распахнулась. В облаках пара нарисовался бородатый старик. Он отодрал березовый лист, прилипший к груди, и опустил на лавку.

– Знакомьтесь! Это Агафон Петрович, – представил мне

Коля, сбежавшего из преисподней деда. – Отстранен от церковной службы за ересь. А это Саня – друг со школьной скамьи!

Мы пожали друг другу руки.

– Ну что, Саша, лекарство принес? – по-свойски спросил расстрига, будто знал меня с прошлой жизни.

Я вытащил из портфеля и протянул бутылку. Агафон Петрович внушительным глотком ополовинил ее и вытер губы.

– Хороший портвешок! Ну, иди, смывай грехи свои тяжкие.

Не прекословя, я последовал совету. Раскаленный пар заставил опуститься на корточки. Почти тут же компанию мне составил религиозный деятель.

– Чего на карачки встал, или совесть потерянную ищешь? – спросил он и беззлобно хихикнул. – Заползай на полок!

Веник беспощадно хлестал мою спину, доставляя удовольствие

от банного садомазохизма. Старикан быстро выдохся и окатил меня водой.

– Для начала хватит. Айда, разоведемся чуток!

Обезвоженные организмы с жадностью впитывали портвейн.

– Петрович, а чем ты братьям во Христе не угодил? – Коля впился зубами в пластмассовую пробку.

– Как тебе сказать? Приобщал юных прихожан к библей-

ской мудрости доступным языком, чтобы доходчивей было. Разве уразумеет молодежь текст, изобилующий притчами и иносказаниями? Им же комиксы подавай! Так с комиксами в башке на тот свет и уходят. Вот я и воспользовался современным сленгом да сюжеты библейские слегка перекроил, чтобы понимали, о чем речь идет.

– Что же ты им проповедовал? Может, и нас просветишь, Петрович? – Коля провокационно подмигнул мне.

– С радостью! Знаниями надобно делиться. Грех – в себе их держать, – Петрович приложился к бутылке. – Имел я, ребята, неосторожность библейские тексты дополнить, – пошел он по второму кругу. – Дернул меня бес, а уж когда осознал, то поздно было. Истории вышли занятные, но с душком постмодернизма.

Расстрига закурил и пустил из ноздрей упругие струи дыма.

– Расскажи, Петрович! Интересно послушать!

– Как скажешь, сын мой, – расстрига начал рассказ.

Язык у бывшего служителя культа был подвешен ладно, и речь его текла напевно, как колокольный звон. Слушая байку, я совершенно забыл о цели визита. На другой день мне в голову пришла идея записать все, что сохранилось в памяти. Не могу гарантировать дословный пересказ, но сюжет выглядел приблизительно так, как я изложил здесь.

I

Среди гор хрусталя, загромоздивших сервант, скучал фарфоровый Пьеро. Пьеро как Пьеро – крестьянская рубашка с жабо и большущими черными пуговицами, широкие панталоны, на голове остроконечная шапочка. Вот только выражение лица плохо соответствовало образу несчастного влюбленного: злобная ухмылка искривляла его. Казалось, что некогда отвергнутый дамой сердца персонаж нашел способ избавиться от полученных обид. В углу комнаты стоял журнальный столик с вазой. Из посуды торчали увядшие розы. Бутоны почти осыпались и выглядели убого. Среди лепестков, усеявших столешницу, валялась дохлая муха. В гамме из табачного дыма качалась тоска.

Атакованный апатией разум вынуждал курить одну за другой папиросы, ронять на пол пепел и ждать неизвестно чего. Желания отсутствовали; сознание того, что жизнь бессмысленна – угнетало. Молодой человек бросил окуроч в стакан и отвернулся к стене.

Типичный неврастеник Гриша Жгутов недавно расстался с девушкой. Разлука выбила его из колеи относительно спокойствия, и он пребывал в депрессии. В народе говорят: «От чего заболел, тем и лечись», но кто может заметить женщину, застрявшую занозой в истерзанном сердце? Прежде, чем ринуться на новые бастионы любви, надо вы-

травить из себя воспоминания, заглушить душевную боль. Для этого требуется не день и не два. Встречаются такие личности, которых отчаяние загоняет в могилу.

Валяться надоело, и Жгутков решил проветрить мозги. Бесцельно шатаясь по городу, он увидел согнутую старуху, опирающуюся на клюку. Бабка стояла у бордюра и провожала взглядом машины, проносившиеся мимо нее непрерывным потоком. Она никак не решалась перейти на другую сторону дороги. Гришка сжалился и взял старуху под локоток.

– Давайте я вам помогу!

Ничто не вызывает у человека столько благодарности, как отзывчивое отношение к его проблемам. Старуха повернула голову, повязанную выцветшим платком. На ее сморщенном лице с крючковатым носом светились на удивление молодые, выразительные глаза. Бабка зашамкала губами.

– Помоги, сынок! – Она крепко вцепилась в Гришкину руку.

Проезжая часть давно осталась позади. Словно в забытии Жгутков шел со старухой до тех пор, пока не оказался у дверей своей квартиры.

– Надеюсь, ключи у тебя есть? – поинтересовалась странная бабка. – Не волнуйся, я ненадолго!

Гришка, как заговоренный, пропустил старуху. Не разуваясь, она прошла на кухню, поставила на плиту чайник. Платок сполз с ее головы, высвободив густые, без седины волосы.

– Ну, чего растерялся? Ты же дома!

Старуха присела на табурет и оперлась на клюку. Она не дала Гришке опомниться и завела разговор.

– Я тебе кое-что расскажу. Не сомневайся в подлинности истории. Ты читал Библию или хотя бы просматривал ее? – старуха взглянула на Гришку и продолжила: – Давно это было – в ту пору Иудеей правил Ирод Антипа. На день его рождения собрались почетные гости – старейшины израильского народа. Желая угодить им, Ирод уговорил свою падчерицу Саломею сплясать. Танец семи покрывал очень понравился гостям. В благодарность царь поклялся исполнить любое желание падчерицы. Та не знала, что просить, и посоветовалась с матерью: «Чего требовать у него, я же ни в чем не нуждаюсь!» Мать с ухмылкой подсказала: «Голову Иоанна Крестителя!» Неожиданная просьба вынудила Ирода смутиться. Дело в том, что пророк пользовался в Иудее уважением, и его казнь могла вызвать смуту. Но отречься от данного слова Ирод счел непозволительным. – Старуха устало закрыла глаза. – А теперь догадайся, кто я?

Гришка относился к категории людей, не способных без заминки ответить на внезапный вопрос. Требовалось время – взвесить все за и против. Он пожал плечами.

– Преподавателем, наверное, работали?!

Бабка засмеялась. Жгутову показалось, что морщины на ее лице разгладились, и она не такая уж древняя, какой выглядела при встрече. Старуха резко поднялась со стула.

От ее беспомощности, что была у дороги, не осталось и тени.

– Имя мое Саломея! Хочешь – верь, хочешь – нет, но это я ублажала гостей во дворце! Я, подобно Агасферу, перехожу из века в век. Разница лишь в том, что он умрет, дождавшись второго пришествия Христа, я же избегу этой участи!

«Сумасшедшая!» – Жгутов решил вызвать скорую помощь и избавиться от непрошенной гостьи.

– Не торопи события, Гриша. Врачи скорее сочтут за безумца тебя, чем благообразную бабульку. Я же могу одарить тем, чему позавидуют многие жители земли! – Загадочная улыбка озарила ее лицо. – Вечностью! Да-да, ты не ослышался. Взамен я потребую немного – всего лишь ночь любви!

Легкость, с которой старуха прочла Гришкин замысел, вызвала у него потрясение. День за окнами незаметно угасал. Чем темнее становилось в комнате, тем моложе и обольстительнее выглядела старуха. Она подошла вплотную, Жгутова окатило жаром.

– Колеблешься, не веришь?.. – Саломея обняла парня.

Губы старухи коснулись Гришкиной щеки. Небывалое доселе возбуждение лишило парня рассудка.

– Все так неожиданно!.. – Он обнял и стал целовать бабку.

– В жизни все непредсказуемо: и рождение, и смерть! В этом ее тайна и прелесть!

Балахон старухи сполз к ее ногам, обнажив красивое, стройное тело. Сильно изменившаяся внешне, она прижа-

лась к Гришке, чем довела его до головокружения. Все сомнения в дальнейших действиях отпали сами по себе. Жгутов подхватил Саломею на руки и окончательно забыл о душевных муках, связанных с потерей любимой. Впереди ждала бесконечная ночь.

Изнуренный Жгутов мечтал о передышке, веки его слипались. Ночь тем временем таяла. Восход ничем не отличался от заката и пророчил кому-то начало дня, а кому-то его конец.

– Мне пора! – Саломея поцеловала Гришку в лоб.

– Ты еще придешь? – сквозь дрему спросил он.

– Я прихожу единожды!

Гостья оделась и вышла из комнаты.

Жгутов с трудом открыл глаза. Из прихожей долетели брошенные старухой слова:

– Мы сделали выгодный обмен: я получила молодость, ты – вечность! Прощай! – Хлопнула входная дверь.

Жгутова с тех пор никто не видел. Запах тления, сочившийся из его квартиры, вынудил соседей обратиться в органы. Милиционеры вскрыли замок и обнаружили на диване труп старика. Никому в голову не могло прийти, что гниющие останки принадлежат Гришке; единственный свидетель драмы – фарфоровый Пьеро – лукаво улыбался, храня жуткую тайну.

II

Волхвы сверились по звездному небу и огляделись. Невдалеке стояла лачуга, окруженная кустами жимолости. Старцы выбились из сил и затеяли спор. Позубоскалив, они подошли к распахнутой настежь двери. Их встретила непроглядная тьма.

– Есть тут кто живой, или мы адресом ошиблись?

В углу послышался шорох, зашипела и вспыхнула спичка. Озарив изможденные лица путников, она тут же погасла.

– Не здесь ли тот младенец, в честь которого загорелась звезда

над священным градом Вифлеемом?

– Компас купите, туристы! Нет здесь таких, – недовольный мужской голос заставил волхвов разочарованно вздохнуть и повернуться к выходу. – Не утруждайтесь. Пока вы топали, его уже распяли и вознесли!

– Вот те на! А какой год нынче, не подскажешь?

– Ну, скороходы, даете стране угля! Радио не слушаете, что ли? Коммунизм на дворе, а вы все вчерашний день ищите.

Наступила тишина, прерванная покашливанием.

– Коммунизм? Что за вера такая?

– Очередная сказка в светлое будущее. Ничего нового, только вечной жизни не обещают. Сами прекрасно знаете:

любая глупость привлекательна, если ее хорошо оформить!

Старцы потирали ноющие поясицы.

– Позволь отдохнуть с дороги – ноги отваливаются, – обратились они к исчезнувшему во мраке человеку.

Не дожидаясь ответа, опустились на грязный пол и вытянулись, подобно мертвецам.

– Иудей? – поинтересовался один из них.

– Беспартийный. – Мужик зажег керосиновую лампу.

Красное с желтыми переливами пламя застыло под куполообразным стеклянным колпаком. Оно выхватило из сумрака скудный интерьер жилища. Над столом висели распятые кнопками портреты Гагарина в скафандре, Хрущева с бородавкой на носу и картина с голой бабой из несметных собраний Третьяковской галереи, бережно вырезанная из «Огонька». Сбоку от них красовался вымпел «Ударнику коммунистического труда». На приколоченной к стене полке хранились необходимые в быту вещи: штопор, пара алюминиевых ложек и нескольких граненых стаканов. Пахло мышами, прелым сеном и какой-то гадостью. После беглого изучения «иконостаса» гости продолжили допрос:

– А чем хлеб насущный зарабатываешь?

– Вообще-то я путешественник. Но истаскался малость, деньги нужны. Сейчас счастливых караулю. Заработаю немного – и в путь, – ответил хозяин.

Неопределенного возраста, он отличался от subtilных, согнутых годами волхвов крепко сбитой, ладной фигурой.

На скуластом лице красовались пышные усы и борода цвета выгоревшего на солнце песцового воротника. Такого же серебристого, отдающего желтизной цвета, были и волосы. Глубоко посаженные глаза, нос с горбинкой и тонкие губы выдавали в нем человека жесткого, не склонного к сентиментальности и прочей романтической лабуде. Ирония в голосе и сарказм говорили о принадлежности к отряду циничных скептиков или скептически настроенных циников, что по сути – одно и то же.

– Интересный ты человек. Разве счастливцам необходим надзор? – вопрошал старец в прожженной чалме.

– Как ни странно – да! Живые так и норовят что-нибудь стырить с могил или надругаться над ними.

– Так ты покойных называешь счастливцами? Чудно!

– Счастлив тот, кто ни в чем не нуждается. Много ли надо умершему? Ответьте мне, если знаете. – Хозяин хибары опустил перед гостями на корточки. – Закурить есть?

– Кроме ладана нет ничего. Угостить?

Неопрятный старик стал шарить в заплечном мешке.

– Нет, спасибо. Я только «Беломор» курю, – хмыкнул кладбищенский сторож и отошел.

Он поправил на скамье тощий матрас и извлек из консервной банки окурки. Старики больше не привлекали его внимание. Мужчина закурил, пустил из ноздрей дым и с головой погрузился в воспоминания.

Перед самой Пасхой главная улица Иерусалима кишела

от народа. Солдаты Рима гнали приговоренных к смерти преступников. Подстегивая их плетьюми, они позволяли горожанам плевать злодеям в лица и наносить удары. Знойный воздух сотрясали злорадный смех, крики и чей-то плач. Все это походило на кошмарный аттракцион, поставленный душевнобольным режиссером. Особенно доставалось человеку, посмевавшему объявить себя Божьим сыном.

Его лицо превратили в кровавое месиво. Огромные гематомы скрывали глаза, и мужчине приходилось высоко задирать голову, чтобы сквозь щели опухших век смотреть перед собой. Он изнемог от тяжести креста, который тащил на спине, и хотел передохнуть в тени дома. Но Агасфер, хозяин хижины, прогнал его.

– Иди, иди! – Он пнул утомленного человека. – Нашел, где привалы устраивать! На Голгофе отдохнешь.

– Хорошо, – сквозь почерневшие от спекшейся крови губы прошептал изгой. – Запомни слова мои: обреченный на вечные скитания станешь искать встречи со мной, дабы молить о смерти!

Картинки из прошлого прогнали сон. Мужик поставил на «буржуйку» закопченный чайник.

– Чайком вас побалую. Утомились, поди, с дороги!

Волхвы как по команде зашевелились, давая понять, что выпили бы чего-нибудь покрепче. Хозяин хибары догадался о желании гостей.

– На работе спиртное не употребляю. Есть одеколон. Если

хотите, то – пожалуйста! – Он протянул плоский пузырьек.

Старики поочередно понюхали и отказались.

– Слишком резкий запах, да и зеленый цвет настораживает. Нам бы красненького, виноградного. Скажи, человече, а тот, кого мы ищем, успел посеять семя истины?

– Посеял, посеял. Только каждый норовит это семя по-своему разжевать. Один так, другой этак! Многое исказили, да и то, что осталось нетронутым, не все на веру принимают. Брожение умов, мать его! – «человече» снял закипевший чайник и бросил в него горсть заварки.

– А сам-то ты верующий? – не унимались гости.

– Познавший истину в вере не нуждается! – равнодушно ответил мужик и посмотрел в окно на светлеющий небосвод.

– мудро сказал! А как имя твое?

Сторож отвернулся, будто не расслышал вопроса. Поковырялся у печи и, выдержав паузу, буркнул:

– Агасфер.

Подтверждая его слова, в углу заверещал сверчок.

III

Еще никому не удавалось путешествовать во времени, перескакивать из одного тысячелетия в другое, кроме того, кто находился вне его рамок или писателей фантастов. Апрельским вечером, накануне Пасхи, в междомовую арку, поддерживаемую атлантами, похожими на грузчиков с овощной ба-

зы, на выдавшем виды тарахтящем «козле» въехал мужчина. Расхристанный вид мотоциклиста вызвал неодобрение у старух, облепивших лавочку.

– Что за молодежь пошла?! Не стригутся, не бреются, как черти из преисподней! Гоняют на драндулетах с утра до ночи!

– Хиппарями себя называют, – проямлила беззубая бабка и сама себя спросила: – Что за хиппари? Сектанты что ли?!

Мотоциклист сделал по двору круг почета и остановился напротив ворчливых старух.

– Здравсте, родненькие! Я здесь проездом. Не скажете, как до кладбища добраться?

Бабки переглянулись. Та, что сидела с краю, поднялась.

– Кто же, на ночь глядя, покойников навещает? Креста на тебе нет! Совсем приличие потеряли!

– Истину глаголешь. На мне его нет, а я на нем есть!

Ничего не поняв, старуха принялась объяснять:

– Выезжай со двора и сразу сворачивай налево. Мимо гастронома проедешь и опять налево.

– Спасибо, добрая душа! Желаю тебе еще сто лет протянуть!

Драндулет затарахтел и скрылся из виду.

Мотоциклист подъехал к погосту, заглушил двигатель и направился к сторожке. На стеганных ковриках сидели древние старики с пиалами в руках. Громко причмокивая,

они равнодушно встретили вошедшего.

– Шалом Алейхем, аксакалы!

Старцы качнули серебряными бородами.

– Вэалейхем шалом!

– Чаи гоняете?

– Чифирым понемногу. Угощайся и ты! – предложил сидевший у «буржуйки» дедок и потянулся за чайником.

– Спасибо, не хочу – давление скачет. А где хозяин?

– Сейчас вернется. С дозором обходит владения свои, – ответил по-некрасовски лысый чифирист с куцей бородашкой.

Будто услышав его слова, жалобно скрипнуло крыльцо, и на пороге появился сторож. Он взглянул на гостя и суетливо обтер о штаны взмокшие ладони.

– Христос воскресе! – своеобразно поздоровался Агасфер и неуверенно протянул руку.

– Узнал, презренный! – Гость ответил на рукопожатие.

– Когда освободишь от суеты житейской? Ведь обещал!

Молодой человек внимательно рассмотрел генсека коммунистической партии с початком кукурузы и повернулся к сторожу.

– Не торопись, всему свое время. Прежде всего хочу погулять на твоей свадьбе.

Агасфер закусил губу и около минуты пребывал в недоумении.

– Да кто ж за меня пойдет? – Он всплеснул руками.

– Есть одна фифа, ведет кружок бальных танцев в Доме Культуры. Редкой красоты девица, Саломеей кличут. Слышал небось?

– Как не слышать? У всех сынов Израиля ее имя на слуху. Старцы переглянулись. Затем поднялись и в пояс поклонились позднему гостю.

– Прости, что не признали тебя, Господи! От чифиря башню сносит!

– Нет вины на вас, отдыхайте с миром! – Мотоциклист снова обратился к Агасферу: – А ты готовься к своему счастью!

Не прощаясь, он покинул сторожку.

IV

Преподаватель хореографии контролировала каждое движение учеников и вносила коррективы:

– Спинку держите ровно, и ножку, ножку... Вот так! – Она внимательно следила за техникой исполнения.

Мальчик вращал партнершу, отпускал ее в свободное плавание и снова привлекал к себе. Девочка то крутилась юлой, то грациозно изгибала свое пластилиновое тело.

– Все, ребята, молодцы! На сегодня хватит!

В огромное, на всю стену зеркало женщина увидала, как в зал вошел длинноволосый, небритый мужчина в потертых джинсах и клетчатой ковбойке. Не обращая внимания

на юных танцоров, он напрямик направился к ней.

– Здравствуй, Саломея!

Женщина сникла. Ее красивое лицо с выщипанными бровями потухло, с щек исчез румянец, в огромных глазах поселилась тревога. Не зная, как успокоиться, хореограф с хрустом мяла тонкие длинные пальцы.

– До свидания, Марья Харитоновна! – попрощались дети.

Женщина кивнула им и встала возле замолчавшей радиолы.

– Вы из «Моссада?»

– Почти, Марья Харитоновна. Надо же, как ты законспирировалась! Должок за тобой, помнишь? Или запаматовала, как Ваню, родственника моего, по твоей прихоти обезглавили? Да, и откуда такая самоуверенность? Кто сказал, что ты будешь жить вечно? Знакомиться со смертью неприятно, но это неизбежно. Годы летят быстро. Вчера еще на горшке сидел, а нынче тебя из шланга обмывают да в гроб укладывают. Мemento мори, короче говоря.

– Я сейчас милицию вызову! – пошла ва-банк женщина.

Незнакомец схватил ее за плечо. Желание бунтовать пропало.

– Не смейся! У меня не будет к тебе претензий при условии – если выйдешь замуж за Агасфера! Представляешь, он не настолько плохой мужик, каким показался мне при первой встрече. Будет замечательная пара! Невеста, отплевывая голову предтечи, и лишивший Христа последней

в жизни передышки жених соединятся узами Гименея! Саломея, не вздумай ломать комедию – окажешься в жестком цейтноте. Надеюсь, ты это понимаешь. Агасфер обосновался на кладбище, ты будешь там же. Свадьбу сыграем по месту прописки жениха. – Мужчина засмеялся и начал перебирать пластинки.

Выбрав нужную, он включил радиолу. Под сводами танцевального зала грянул марш Мендельсона.

– Все люди – рабы времени и обстоятельств! Тяжелый хомут из проблем и случайных происшествий гнет к земле, позванивая бубенцами из грехов, – поэтично сказал он и добавил: – Ждем тебя сегодня в гости. Не опаздывай!

Безмятежность париля над могилами, давая понять, что суeta жизни – временное явление – и обязательно прекратит свой бег, сменив его на вечный покой. Но это будет потом, когда иссякнут силы и собственная жизнь станет обузой.

В сторожке отмечали помолвку. Между волхвами сидела растерянная невеста. Взгляд ее упирался в стол, она не решалась его поднять и по достоинству оценить жениха. Жених же, наоборот, пожирал ее глазами и пытался под столом дотронуться до коленки. Мотоциклист взял на себя роль тамады, произнес короткую речь и привычно превратил воду в вино. Агасфер налегал на спиртное. Вскоре он потерял контроль и без стеснения тискал невесту.

Пожар в мозгах кладбищенского сторожа разгорался и рисовал в воображении брачную ночь в мельчайших деталях.

Агасферу мерещились обнаженная Саломея и любовные наслаждения, о которых он давно забыл. Похоть щекотала душу недавно мечтавшего о смерти человека. Старцы смущенно кряхтели. Невеста уворачивалась и не представляла, как можно делить ложе с женщиной, вид которого вызывает отвращение.

– Братья и сестры, – продолжал сводник. – У нас мало времени. Отложенные дела лишают возможности насладиться вашим изысканным обществом. Ввиду этого, свадьбу сыграем завтра!

От хорошей новости зрачки Агасфера расширились и превратились во всепоглощающие черные дыры. Саломея же побледнела, будто ее осыпали мукой. Движения женщины стали вялыми, как у приговоренной к казни.

– Но это будет завтра, а нынче надо хорошенько отдохнуть. Посему праздничный банкет объявляю завершенным! Жениха и свидетелей прошу убрать со стола, а я невесту до дому подброшу.

Тамада увел сникшую пленницу обстоятельств.

V

Саломее не спалось, скомканные мысли рисовали ужасающие перспективы. Ближе к рассвету ей стало дурно. Дрема сменялась очевидным бредом. Мерещилось, что она идет по краю пропасти, взирая на выступы скал, о которые сужде-

но разбиться. В какой-то момент сердце отчаянно заколотилось и выскочило из груди. Подпрыгивая на камнях, оно покатилося в бездну. Саломея схватилась за опустевшую грудь и вытянулась на кровати.

Украшенный цветами и куклой в подвенечном платье ка-тафалк подъехал к дому. Агасфер в компании старцев вылез из автомобиля и направился в подъезд. Стучать не стали, дверной замок жених ловко вскрыл булавкой. Ему хотелось сделать сюрприз – осыпать спящую невесту собранными с могил цветами. Каково же было его изумление, когда он нашел Саломею не подающей признаков жизни. Смерть усилила ее красоту, вернув лицу потерянное накануне спокойствие.

– Сердечко не выдержало! – констатировали мудрецы. – Это ж надо так безобразно себя вести перед бракосочетанием!

Они стали попрекать растерянного Агасфера.

– Довел барышню до инфаркта! Будешь теперь бобылем век коротать да в носу ковыряться!

Все походило на страшный сон. Гости собирались веселиться и орать: «Горько!» – а пришлось выражать соболезнования жениху. Противоестественно выглядел Агасфер. Глупая улыбка не сползала с его губ – рассудок Агасфера покалечили осколки грез, умело разбросанные мотоциклистом. До самых похорон он не отходил от Саломеи, гладил по волосам, целовал ее прозрачные кисти. Старцы пошушукались

и оставили наедине с невестой.

Карканьем ворон погост выразил свое почтение траурной процессии. Гроб установили на табуретки и дали небу последний раз взглянуть на ту, чью душу оно забирает. Вразнобой застучали молотки и намертво пришили крышку гвоздями. Заросшие щетиной мужики опустили гроб в могилу. Замелькали лопаты. Свежий могильный холмик украсили цветами и портретом усопшей. Волхвы символически подравнили насыпь, подхватили под руки молчаливого жениха и направились к автобусу.

Агасфер не помнил, как прошли поминки, куда делись старцы и сын Божий. Уткнувшись в подушку, он в полной мере ощутил несправедливость бытия. Безрассудные мысли одолевали его, вызывая лихорадку. Еще позавчера, впервые за две тысячи лет, жизнь показалась удивительной сказкой. Все было замечательно: планы, надежды, ожидание счастья. А что в результате? Разочарование, как закономерный финал любых иллюзий. Поднявшись с топчана, Агасфер покинул сторожку.

Луна без всякого интереса смотрела на спящую землю. Кутаясь в одеяло из облаков, она начинала дремать, но тут же просыпалась. Агасфер опустил на колени, на ощупь отыскал брошенную землекопами лопату. Раскидал венки и начал копать. Земля с легким шуршанием падала на пластмассовые цветы, пока полностью не похоронила их под собой. Время остановилось. Наконец, лопата уперлась в крыш-

ку гроба. Агасфер подцепил ее штыком и надавил. Крышка поддалась, оглашая кладбище пронзительным визгом гвоздей. Несостоявшийся жених протиснул пальцы в зазор и рывком отворил дверь в покои невесты.

Саломея будто спала. Ее лицо не выражало ни малейшего смятения. Агасфер осторожно извлек труп из гроба. Неведомая сила помогла ему без особого труда поднять окаменевшее тело и вытолкать на поверхность. Шорох на земле привлек внимание луны. Она перестала дремать и со страстью наблюдала за происходящим. Ночная птица когтями вцепилась в покосившийся крест. Ее хохот подбадривал молодоженов. «Уха-ха!» – исступленно кричала она, пугая в могилах мертвецов.

– Вот мы и вместе!

Агасфер поцеловал невесту в холодные уста и стал готовить к торжеству брачной ночи. Его пальцы тряслись и плохо слушались. Агасфер никак не мог справиться с застежками. Терпение его иссякло. Он бессовестно задрал подол свадебного платья.

Эпилог

– Куда же он запропастился? Как бы ни натворил чего!

Седобородый старец отправился на поиски. Он обходил один кладбищенский сектор за другим и увидел такое, что обмер от потрясения. На свежей куче земли сидел Агасфер,

перед ним лежала обнаженная Саломея.

Прикрыв ладонью беззубый рот, старик бросился в storожку.

– Полный кирдык, ребята! Агасфер над трупом надругался, – поделился он страшной новостью с приятелями и заменил к автобусной остановке, рядом с которой ржавела телефонная будка.

– Милиция?! Тут такое дело... – мудрец сбивчиво доложил о происшествии и вернулся к своим.

– Когти рвать надо, – загребут, как подельников! – Он чиркнул по горлу большим пальцем. – Век воли не видать!

Старцы сочли свою миссию выполненной и покинули хибару.

Наряд милиции осторожно окружил влюбленную пару.

– Встать, руки за голову! Шаг влево, шаг вправо расценивается как попытка к бегству! – крикнул сержант.

Агасфер не реагировал на команды. Его мысли были далеко – поймать их не представлялось возможным. Милиционер подкрался к любителю «клубнички» и подмял под себя. Тот не сопротивлялся, только повторял, как заезженная пластинка:

– Она родит мне наследника! Она обещала!

Наручники сковали запястья будущего отца. Милиционер поднялся, отряхнул форму.

– Рехнулся фраерок, можно в психушку оформлять!

Страж порядка подвел извращенца к машине, но тот вы-

рвался и с воем бросился к покойнице. У самой могилы он споткнулся. Копьевидные прутья оградки с хрустом прошили грудную клетку, помогая Агасферу догнать сбежавшую на тот свет невесту.

За происходящим из-за надгробья наблюдал небритый мужчина. Когда Агасфер испустил дух, он закрыл ладонями мертвенно-бледное лицо.

– Мир праху твоему! Ты получил то, о чем мечтал. А кто из нас вечен, еще вопрос вопросов!

Дорога в Пустоту

I

История эта произошла давно. Так давно, что трудно припомнить, когда именно. Возможно, ее вообще не было, и члену Географического Общества Вениамину Шокурову все пригрезилось. После таких снов долго ковыряешься в сознании, выуживая из него ошметки чудных видений. Складываешь их, как мозаику, но цельной картины не получается – что-то обязательно выпадает, оставляя пробелы. На душе от этого становится неуютно, будто потерял ценную вещь и не можешь ее найти. А может, это было в прошлой жизни, и какие-то осколки остались в памяти?

Любовь к культуре Китая занесла Шокурова на берега Хуанхэ или, как называют ее местные жители, «реки тысячи огорчений». Большое количество ила окрашивало воду в грязно-желтый цвет. Даже в самую жаркую погоду испить из нее не возникало ни малейшего желания. Необузданным и строптивым нравом обладала Хуанхэ. На протяжении многих столетий разрушительные разливы несли голод, эпидемии, смерть. Сколько ни пытались люди усмирить реку, она шутя сносила преграды, возводимые на ее пути.

Шокуров добрался до пыльного, запущенного Ланьчжоу,

остановился в недорогой гостинице с двускатной крышей. Кроме железной кровати с набалдашниками в виде львиных голов, в номере имелись зеркало в деревянной раме да колченогая тумбочка. По стенам и застеленному циновкой полу бесконечными шеренгами сновали отряды красных муравьев. Стоило уронить кусочек сахара или хлеба, как его тут же облепляла армия насекомых. Шторы в номере отсутствовали, и Вениамину приходилось просыпаться с первыми лучами солнца.

Целыми днями он бродил по городу, выискивая следы канувших в лету эпох. Особых достопримечательностей в Ланчжоу не было, если не считать многочисленных рикш и многоярусных пагод. Шокуров особо не расстраивался, перед ним стояла определенная цель – в сотне километров на юго-запад, в стене горного ущелья размещался храмовый комплекс Бинлин Сы – пещеры с буддийскими скульптурами. Именно этот памятник истории манил Вениамина к себе. Именно его жаждал изучить и запечатлеть на рисунках путешественник из России.

Худосочная проститутка, чьей услугой Вениамин воспользовался в первый же день пребывания, свела его с китайцем Лю Фа, сносно говорящим по-русски.

Китаец, узнав, как зовут Шокурова, пришел в восторг и за десяток серебряных лянов согласился проводить до нужного места. Он нараспев произносил имя с ударением на гласные буквы, отчего оно звучало не иначе как Вень

Нья Мин.

Низкорослый сухощавый Лю Фа постоянно улыбался, показывая черные гнилые зубы. Он торопился исполнить все, о чем Вениамин еще не успел подумать. Не теряя времени, Шокуров купил на рынке ишака и в сопровождении услужливого китайца отправился в путь. Можно было совершить путешествие по Хуанхэ, но Вениамин плохо плавал. Большая вода внушала ему страх.

То поднимаясь, то спускаясь по горному серпантину, Шокуров быстро выдохся. Чтобы облегчить свою участь, он держался за веревку, привязанную к жилистой шее ишака. Бедному животному приходилось тащить не только тюки с провиантом, запасами воды и спальными мешками, но и буксировать неподготовленного к длительным переходам европейца. Китаец был слеплен из другого вещества. Постоянно сплевывая, он шел легко, опережая запыхавшегося Вень Нья Мина. Изредка останавливаясь, дожидался его и снова продолжал путь. К вечеру ноги Шокурова отекали и гудели, как телеграфные столбы.

Солнце почти скатилось за горные вершины, когда впереди показалось небольшое селение. На ночлег остановились в фанзе с соломенной крышей и земляным полом. Сбросив с плеч кожаный ранец, набитый средствами для личной гигиены и необходимыми в путешествии принадлежностями, Шокуров мечтал вытянуть уставшее тело и заснуть.

Хозяин жилища – скуластый китаец с куцей бородкой –

приветствовал гостей поклоном. О чем-то болтая с Лю Фа, он провел их на отгороженную бамбуком кухню, где предложил по чашке риса. После ужина Шокуров отвели в комнату с широкими теплыми нарами, отапливаемыми специальной печкой снаружи дома.

Не успел Вениамин лечь, как хозяин фанзы снова предстал перед глазами и протянул деревянную трубку, набитую табаком. Шокуров отказался, но китаец проявил настойчивость. На ломаном английском он объяснил, что табак, пропитанный маковой росой, подарит яркие сновидения, снимет усталость и восстановит силы. Шокуров не предполагал, какие приключения ждут его впереди. Лежа на циновке, он раскурил трубку. Едкий дым ободрал глотку и выдавил слезы. После третьей затяжки Шокуров почувствовал легкое помутнение рассудка. Такое бывает, когда не упот-ребляющий алкоголя человек выпивает граммов сто чистого спирта. Шокуров откинулся на спину и провалился в бездну. Снилось ли ему что-нибудь или нет, он не помнил. Ночь закончилась – не начавшись.

– Венъ Нья Мин, фстафай! Венъ Нья Мин! – по-лакейски улыбаясь, Лю Фа осторожно тряс его за плечо. – Пора в дорогу!

От былой усталости не осталось и следа. Расплатившись, путники покинули фанзу. Хозяин проводил их до дороги и протянул Шокурову табакерку, за которую попросил незначительную сумму. Вениамин полез за кошельком. При-

няв деньги, китаец сложил ладони лодочкой и согнулся в поклоне. Он стоял так до тех пор, пока ночные гости не скрылись за поворотом.

Новый день в точности повторил предыдущий. Все та же бесконечная дорога, утесы из песчаника и облака, заблудившиеся среди горных вершин. Куда ни глянь, всюду скалы. Они возвышались кривыми пирамидами, тянулись отвесными волнообразными стенами, срывались в пропасть и вырастали сказочными исполинами. Склоны одних скал были совершенно голые, склоны других поросли чахлыми деревьями. Зелень радовала утомленные однотипным пейзажем глаза. Все чаще навстречу попадались такие же авантюристы, как и Шокуров. Любители путешествий приветствовали друг друга кивком, иногда заводили короткие разговоры и расходились в разные стороны. Сумерки застали паломников вдали от селений. Лю Фа развел костер.

– Вень Нья Мин, оцень скоро. Оцень! – скаясь, он объяснил, что до Бинлин Сы остался день пути.

Швыряя вверх искры, весело трещали охваченные огнем сучья. Отблески пламени плясали на лице свернувшегося калачиком китайца. Шокуров хоть и вымотался, но заснуть не мог. Посторонние мысли навязчиво лезли в голову. Вспоминалась Россия с густыми перелесками и степями; плотно сбитые деревенские бабы с коромыслами и обязательно в сарафанах и кокошниках. Почему в сарафанах и кокошниках, понять он не мог. Видимо, ностальгия рисовала в моз-

гах устоявшийся образ русской женщины.

Шокуров выбрался из спальника, порылся в ранце и достал табакерку. Сомневаясь в правильности выбранного решения, все же скрутил козью ножку. Дым с примесью тлеющей бумаги вызвал кашель. Млечный путь стал отчетливее и ближе. Шокурову чудилось, будто тысячи светлячков зависли над ним, и стоит протянуть руку, как они облепят ее своими мерцающими телами. Насладившись необычным зрелищем, Вениамин забрался в «кокон» и сомкнул глаза.

Проснулся он от причитаний. Около мешка с провиантом сидел Лю Фа и корчил страдальческие мины. Как оказалось, ночью грызуны уничтожили сыр и галеты, оставив только консервы да чай в жестяной банке. Вскипятив в котелке воду, Шокуров с китайцем взбодрились крутой заваркой, после чего продолжили путь.

Поднимаемая башмаками пыль тут же оседала на них бежевой пудрой. Мелкие камушки скрипели под ногами и норовили впиться в подошвы. Очерчивая в небе невидимые границы, парили орлы. Раскинув крылья, гордые птицы наблюдали за людьми, плетущимися по извилистой дороге. Куда они идут и зачем, хозяевам небес было безразлично. Все чаще встречались возвращающиеся из Бинлин Сы туристы, все явственнее чувствовался дух ушедшей эпохи. Под вечер, обогнув каменистый выступ, Шокуров увидел утес с огромной расщелиной. Доселе неизведанное чувство вызвало в душе волнение и осознание собственной ничтожности. Лю Фа

упал на колени. Вытянув вперед руки, он забормотал то ли молитвы, то ли заклинания. Даже ишак замер, превратившись на время в чучело.

За многовековую историю Бинлин Сы не единожды менял название. Нынешнее он получил в период правления династии Мин. Наверное, поэтому Лю Фа с таким трепетом обращался к Вень Нья Мину, подразумевая его родство с великими правителями. Шокуров об этом не догадывался. Он вел себя, как простой смертный, давая повод Лю Фа чувствовать себя на равных с императорским отпрыском.

Темнело быстро. Выбрав место для ночлега, Шокуров привычно свернул сигарку, покурил и забрался в спальник. Размышления о дне грядущем лишали покоя, в воображении возникали и таяли фантастические картинки. Вениамин долго ворочался, выбирая удобное положение, но заснул только под утро, когда над горами показалось марево рассвета.

Бинлин Сы включал в себя около двухсот пещер и ниш, приютивших почти тысячу статуй. Чтобы тщательно осмотреть все, Шокурову понадобилось бы не менее месяца. Таким временем он не располагал и очень переживал по этому поводу. Взяв альбом для рисования, он с Лю Фа отправился в самую старую часть храмового комплекса.

По преданиям, первые буддистские монахи добирались туда с помощью веревок. Потом к пещерам проложили лестницы и мосты. Любуясь росписями на стенах, Шокуров де-

лал карандашные наброски. Он так увлекся, что Лю Фа начал поторапливать его, обещая показать нечто более интересное. За одной нишей следовала другая. Почти во всех находились статуи Будды Шакьямуни с учениками. Кое-где компанию им составляли бодхисатвы – существа, готовые отказаться от достижения Нирваны с целью спасения всех живых, и небесные цари, перекрывающие в храм путь агрессии и склокам. Потолки ниш украшали изображения апсар – духов облаков или воды в виде восхитительных женщин. От всей этой красоты у Вениамина захватывало дух. Хотелось задержаться возле скульптур, прикоснуться к ним и даже поцеловать. Но Лю Фа тащил Шокурова все дальше и дальше. Он привел его к гигантской статуе сидящего Будды. Божество с плотно сжатыми губами не обращало внимания на Вениамина, букашкой ползающего возле его ног.

Застывший взгляд изваяния вызывал трепет. Шокуров с трудом сдерживался, чтобы не пасть на колени. Все, что имело ценность в прежней жизни, рядом с Буддой казалось недостойным внимания. Полученный в университете багаж знаний не давал полного представления о законах жизни. Не находя объяснения посетившим его мыслям, Шокуров был уверен, что тайное знание есть – и он его непременно получит.

Незаметно наступил вечер. Влюбленный или увлеченный чем-то человек не замечает бег времени, он словно пребывает в другом измерении. Не испытывает ни голода, ни жажды,

проявляет небывалую выдержку, не присущую ему. То же самое происходило и с Вениамином. Потребовалось усилие воли, чтобы покинуть общество статуи и вернуться к месту ночлега.

«Завтра непременно сделаю наброски и пояснительные записи. А сейчас спать, спать, спать», – Шокуров выкурил больше обычного и погрузился в дрему. Зуд вынудил его проснуться. «Чертовы муравьи!» – Вениамин с неохотой открыл глаза. На фоне черного неба возвышалось божество и пристально смотрело на Шокурова. Заметив, что тот проснулся, Будда, как чревоушатель, не размыкая губ, повел разговор.

– Не смотри на меня как на Бога. Нет ничего могущественнее Великой Пустоты, другими словами – мирового разума. В Пустоте человеческая мысль создает все, в чем нуждается цивилизация. Создает, а потом перешагивает, как через изжившее себя, и двигается вперед.

– А как же совесть? Ведь она постоянна и является гласом Божиим! – робко возразил Шокуров.

– Совесть, как мораль и другие принципы, прививается человеку обществом, в котором он живет. А значит, исходит от нравов и обычаев, царящих в данной среде. Представь себе ребенка, воспитанного дикими зверями. Будет ли он знать, что ценно в человеческом мире? Будет ли он почтителен к возрасту и положению людей, в чье окружение попадет по воле случая? Воспитанный животными и не имеющий

понятия о нравственности, он будет вести себя как животное. Хотя создан по образу и подобию Божьему, как уверяют некоторые религии. Что тогда ты скажешь относительно совести? Есть ли она, или Бог забыл вложить ее в душу?

Шокуров не знал, что ответить. Его потряхивало, к тому же беспокоили муравьи. Он старался не чесаться, но зуд донимал настолько сильно, что терпеть его не было возможности. Будда являл собой образец спокойствия и снисходительно относился к телодвижениям собеседника, будто и не замечал их. В какой-то момент Вениамин подумал, уж не кажется ли ему все? Он протер глаза, но ничего не изменилось: Будда висел в воздухе, презирая законы тяготения.

– То, что я тебе говорю – выводы, сделанные мной в процессе созерцания жизни. Ты можешь с ними соглашаться или нет. Можешь оспаривать и выдвигать свои версии относительно того или иного вопроса. Но все останется так, как есть. Жизнь слишком коротка, чтобы прозреть и достигнуть истины. Не верь тому, кто уверяет, что он знает все. Такое может сказать глупец. Не верь тому, кто говорит, что он познал истинного Бога, ибо невозможно постигнуть то, о чем не имеешь ни малейшего представления. Всю жизнь человек учится. Опираясь на полученные знания, стремится сделать шаг в развитии, опередить время и заглянуть в будущее. Он не понимает, что для этого достаточно умереть! – Будда замолчал, превратился в облако пыли и опал на землю.

Шокуров проснулся поздно. Возле костра суеился Лю

Фа. Дым разъедал глаза китайца, и тот смешно корчился. Вениамин подошел к тому месту, где находился ночной собеседник, присел, сжал в пригоршне пыль и мысленно прокрутил состоявшийся накануне разговор.

Отпустив Лю Фа, Шокуров весь день провел возле статуи; высчитывал ее высоту, записывал в блокнот наблюдения. Не было ничего, что до сей поры заставляло его с таким усердием относиться к работе. Подобного рвения он не проявлял сроду, если не считать детства, когда любопытство толкало его на необдуманные поступки. Однажды маленький Веня лизнул чугунный утюг. Лизнул, потому что нянька запретила ему приближаться к предмету, похожему на корабль, который бороздил моря белоснежных простыней. Последствия оказались плачевными – рев подрастающего естествоиспытателя оглушил дом. Мало того, что Веню не стали жалеть, отец за непослушание еще и всыпал ему по первое число.

Получив урок, Шокуров хорошо усвоил: излишняя тяга к знаниям способна привести к неожиданным результатам. Но Будда требовал к себе именно такого отношения. Чиркая карандашом в альбоме, Шокуров с нетерпением ждал ночи. Он был уверен, что Просветленный явится снова.

Лю Фа дни напролет отирался в компании других проводников, не забывая, однако, об обязанностях. Приготовив еду, он с неизменной улыбкой желал приятного аппетита. Раскатав свернутый в рулон спальник Вень Нья Мина, проверял:

не заползла ли в него змея, и после этого готовился к ночлегу сам.

Вечерний воздух пропах запеченным на углях мясом. Повсюду слышались разговоры на разных языках. Шокуров отказался от ужина и свернул самокрутку. Чтобы заснуть, ему требовалось все больше табака. Он понимал, что привык и без него уже не уснет. Но это не особо беспокоило. Важнее было встретиться с Буддой. Ради этого он готов был на все. Шокуров напрасно вглядывался в темноту – вчерашнего гостя не было. Вениамин ощущал себя так, словно пришел на долгожданную встречу, а его обманули, украв время и заставив нервничать.

Он выкурил «козью ножку», удобно лег и закрыл глаза. Шорох травы стал сильнее и напоминал знакомый голос.

– Не пытайся увидеть то, чего не можешь – в силу своей ограниченности! Запомни: жизнь – это порог, за которым находится другое измерение. Переступив его, ты освободишься от страданий, вожделений и суеты. Твой разум сольется с Великой Пустотой. Покой и способность созерцания будут наградой за жизнь.

Шокуров напряг слух, в надежде услышать что-нибудь еще. Но напрасно: храп Лю Фа заглушил посторонние звуки.

Утром китаец растолкал Шокурова.

– Вень Нья Мин, домой пора!

Он вытряхнул из мешка остатки провианта, показывая, что их едва ли хватит на обратный путь.

Прощавшись с Бинлин Сы, Шокуров и Лю Фа направились в Ланьчжоу. Дорога назад изматывала сильнее. Казалось, что все силы остались там, в нишах и пещерах храмового комплекса.

Из головы Вениамина не выходил образ Будды, его слова о великой пустоте и покое. Каждую ночь он курил табак, пропитанный опиумом, и ожидал встречи с Учителем. Но вместо него появлялись мужики с топорами, православные священники, говорящие о заблуждениях буддизма, или китайская проститутка с неразвитой детской грудью и грязными лодыжками. Шокуров думал, что дорога к Ланьчжоу никогда не кончится, и он умрет на пыльной обочине, в тени высоких скал.

Добравшись до знакомой фанзы, Вениамин вытащил портмоне, отсчитал хозяину деньги и попросил табака; вялой походкой направился в комнату. Китаец проводил его взглядом, недовольно покачал головой. Что было дальше, Шокуров не помнил. Его знобило, он кутался в дерюгу, курил и забывался.

Вениамин открыл глаза. Перед ним на циновке сидела знакомая проститутка. Заметив, что он пришел в себя, китаянка подскочила. Потрогала лоб Шокурова, улыбнулась и ласково погладила его по заросшей щеке.

– Лихоратка! Фсе хорошо! – Девушка заставила Вениамина выпить горькую настойку и стала возиться с примусом.

Болезнь сделала движения Шокурова неуверенными. Он

облизал сухие губы и попросил принести ранец. Положив на кровать походную сумку, китаянка с любопытством наблюдала за Вениамином. Тот вытащил альбом, раскрыл его и – ничего не понял.

– Где мои рисунки?

Девушка испуганно втянула голову в плечи.

– Я не знаю! Я ничего не брала! Лю Фа сказал, что по дороге в

Бинлин Сы твоя заболел. Немножко твоя лежал в фан-зе у знакомый. Потом Лю Фа привез твоя обратно. Я нашла доктора. Твоя много бредила. Доктор говорил, что нужны покой и лекарства. Думала, умрешь! – Она потрогала лоб Шокурова. – Спать. Твоя надо спать!

Не совсем оклемавшись, Шокуров покинул Ланьчжоу. Всю дорогу он так и не мог поверить в то, что путешествие в Бинлин Сы оборвалось на полпути. И не было никаких ниш с бодхисатвами и небесными царями, ни самого Будды, приходящего по ночам и ведущего беседы. Возвращение на Родину было изнурительным. Шокурова лихорадило, пришлось месяц проваляться на больничной койке в Самарканде, слушать завывания муэдзина, любоваться красавицами-медсестрами, спящими не в белых халатах, а в шароварах и куйнаках.

II

Ближе к вечеру уличные звуки сменили тональность. На смену визжащим тормозами автомобилям пришли тихие обрывки бесед, сонные свистки регулировщика и плач ребенка, загоняемого домой крикливой мамашей. Шокуров отложил в сторону отчет о поездке и смотрел на оседающее за крыши домов солнце. Облака из перламутра окрасились в пурпур, глыбами свалились у горизонта.

Вениамин немного постоял у растворенного окна, задернул занавеску и достал из секретера табакерку. Ветерок еле-еле колыхал прозрачный тюль, сквозь который в комнату заползала белая ночь. Вениамин присел на диван, набил трубку и раскурил ее.

Эйфория не заставила себя ждать. Приятный сквозняк обласкал лицо и заполз под расстегнутый ворот рубахи. Кажется, что это не ветер, а женская рука гладит его. Вениамин открыл глаза. Над ним висело светящееся марево. Оно медленно поплыло в центр комнаты и приняло облик восточной красавицы. Облаченная в шаровары и бюстгальтер из шелковой паутины дева поклонилась. Длинные ресницы ее дрогнули и застенчиво опустились. Девушка подошла ближе. Звон невидимых колокольчиков стал громче и незаметно превратился в волшебный мотив. Гостья загадочно улыбнулась и стала исполнять танец живота. Желая лучше

рассмотреть ее, Вениамин приподнялся на локтях, изумление усилилось. Девушка, грациозно двигаясь, раздвоилась. Теперь дуэт очаровательных созданий извивался в полумраке и обольщал его. Танцовщицы парили в воздухе, едва касаясь пола. Шокуров поднялся с дивана и хотел присоединиться, но девушки жестами показали, что не стоит спешить – всему свое время. Они избавлялись от невесомых одежд, поражали откровенными, доходящими до непристойности движениями. В предвкушении любовных игр Шокуров разомлел. Его ожидания нарушил резкий порыв ветра. Он расшвырял по комнате исписанные листы, в беспорядке лежащие на столе, и превратил сказочных женщин в дым.

Вениамин ловил молочные струи, но они просачивались сквозь пальцы. Тщетность усилий заставила Шокурова обреченно взмахнуть руками. К вящему удивлению он взмыл подобно птице и вылетел в проем окна. Под ним, в россыпях огней, спал город. Вениамин полетел к озеру. Огромная луна отражалась в амальгаме водоема. Восхищаясь ее приглушенным светом, покачивали метелками соцветий камыши. Белоснежные кувшинки с сомкнутыми лепестками дополняли красоту летней ночи. Шокуров парил над озером и искал пропавших соблазнительниц. Тихий всплеск привлек внимание Вениамина. Абсолютно не стесняясь своей наготы, девушки манили его к себе. Их мокрые тела переливались, словно выточенные из горного хрусталя. Груды выглядели до того соблазнительно, что Шокуров захотел при-

пасть к ним губами. Смутное предчувствие беды подсказывало, что это лишнее. Начинало светать. Вениамин сделал прощальный круг и полетел обратно.

Расположенный лентами дорог город встречал утро. Фонари погасли, по улицам ползли похожие на огромных жуков поливальные машины. Вениамин без труда отыскал свой дом, влетел в распахнутое окно и рухнул на диван. На какое-то мгновение он провалился в небытие, но быстро пришел в себя. Глядя в потолок, воскресил в памяти яркие образы и ощущения, испытанные ночью. «В мире нет ничего, кроме Великой Пустоты. В ней человеческое воображение рисует все, в чем нуждается» – вспомнил он слова Будды. Хотелось валяться и фантазировать, рисовать в воображении сцены продолжения изумительной ночи, но дела приуждали к другому – банальному и утомительному.

Шокуров принял душ и решил закончить отчет. Собрав с пола разбросанные ветром листы, он сел за стол к печатной машинке.

Дело не клеилось. Мысли о ночных красавицах мешали сосредоточиться. Вениамин открыл коробочку, взял щепоть табака; не раздумывая, набил трубку и чиркнул спичкой.

III

За окнами, пугая пешеходов криканьем клаксонов, мчались машины. Дуя в свисток, их движением руководил по-

стовой.

С каждым глотком дыма Вениамин погружался в мир иллюзий. Опьяненный мозг балансировал на грани реальности и галлюцинаций. Потолок комнаты принял форму расписанного причудливыми арабесками купола. «Началось!» – Шокуров ждал продолжения ночи. Настойчивый стук в дверь развеял видения. Подниматься не хотелось, и Вениамин продолжал лежать. Скрипнули дверные петли, и по квартире пробежался сквозняк. «Вроде на ключ запираю. Как же так?» – мелькнула мысль. Из прихожей в комнату вошел мужик в полосатом халате и тибетейке.

– Кто вы? – Шокуров еле ворочал пересохшим языком.

– Хозяин грез, – пошутил незнакомец.

Подвинув ноги Вениамина, он присел на краешек дивана.

– Не утруждайте себя, лежите. Я ненадолго.

– Чем обязан? – вяло поинтересовался Шокуров.

– Я, собственно, вот по какому вопросу: Вы ночью воспользовались услугами моих наложниц. Рассчитаться бы надо!

– О чем вы? – Шокуров скорчил гримасу непонимания.

– Не стоит делать удивленное лицо и корчить из себя праведника! Танцы смотрели? Смотрели! Вас ласкали? Ласкали! Ну чего вы выкаблучиваетесь?

Шокуров присел, голова тут же налилась свинцом.

– Какие ласки? Подумаешь, погладила по руке!

Мужчина снял тибетейку и скомкал ее в кулаке.

– Я вам верю, верю. Но Зара уверяет, что было не только это! Ее слова подтверждает Фатима!

– Врут обе! Они сбежали, как только я хотел...

– Так все-таки хотели! Драгоценные мои, идите сюда! – позвал незнакомец.

В ту же секунду появились излишне раскрепощенные накануне красавицы и встали возле секретера.

– Скажи, Зара, что происходило здесь накануне?

– Мы танцевали для этого господина. Он нас ловил, хватал за все, за что можно ухватить. Завалил на диван и... – девушка осеклась и прикрыла руками пунцовое лицо.

– Статьей пахнет! Вам не кажется? – Не мигая, мужчина посмотрел на растерянного члена Географического Общества.

– Как не стыдно оговаривать уважаемого человека? – Шокуров ринулся в атаку. – Я жаловаться буду!

Зара скинула бретельки. На ее груди сияли два засоса.

– Это я сама поставила? – нахально спросила она. – Может, пройти медицинское освидетельствование и поставить вас перед фактом изнасилования?

Резкий поворот событий вызвал у Вениамина мандраж. «Вдруг, действительно, переборщил? – в душе Шокурова заворочалось сомнение. – Не дай бог общественность узнает, начнут сплетничать. Очень некрасиво получится!»

– Назовите сумму, я заплачу! – произнес он, желая покончить с нелепой историей раз и навсегда.

– Что вы, сударь! Какие деньги? Зачем они обитателям грез? Мы питаемся чужими эмоциями, – мужчина очистил трубку от пепла, набил ее заново и протянул Вениамину. – Курите!

Пока Шокуров давился дымом, гость осмотрелся. Недовольно покачав головой, он щелкнул пальцами. Комната вновь приобрела форму шатра. Вениамин сидел на ковре в красных шароварах и атласном архалыге. Его голову украшала расшитая золотом феска. Трубку заменил кальян. Изумившись перевоплощению, Шокуров взглянул на гостя. Тот совершенно не отреагировал на волшебство и жестом руки успокоил его.

– Теперь, уважаемый Вениамин-ага, ты у нас в гостях! Проси, чего душа желает. Восток щедр и сказочно богат на изысканные наслаждения!

Не понятно где зазвенели колокольчики, подкрепленные боем дарбука и плачем зурны. Полуобнаженная Зара поставила перед Шокуровым поднос с фруктами и начала извиваться змеей. Дотрагиваясь до Вениамина, она кокетливо стреляла глазами. Шокуров испытывал непреодолимое желание обладать ею и готов был отдать жизнь за ночь любви.

Густой патокой тьма стекала с небес. Мужик в халате исчез, оставив Вениамина наедине с наложницами. Танцы прекратились, одалиски зажгли благовония и прилегли рядом. Их ловкие пальцы умело раздевали нового повелителя. Млея

от наслаждения, Шокуров перестал контролировать ситуацию.

Председатель Географического Общества нервно постукивал по столу огрызком карандаша.

– Черт побери, куда запропастился Шокуров?! – Он повернулся к секретарше. – Возьми служебное авто. Слетай к этому землепроходцу. Может, в запой ушел?! Если так, то забери отчет.

К полудню небо выплакалось. Посветлев, оно смотрелось в зеркало из собственных слез. Пропитанная влагой листва отяжелела и вяло реагировала на дыхание улицы. Бездомная собака с лишаем на боку торопливо лакала из лужи. Внезапно она подняла морду, прислушалась к приближающимся голосам. Как-то нелепо, боком, дворняга побежала прочь.

– В домоуправлении запасные ключи должны быть! – на ходу говорила участковому женщина в строгой блузке.

Милиционер постучал в дверь носком сапога и прислушался.

– Тихо, как в могиле. Открывай! – распорядился он и пропустил вперед дворника с запасными ключами.

Секретарша и приглашенные в качестве понятых соседки с нетерпением ждали развязки. Дворник отпер дверь. Отстранив его, участковый первым вошел в квартиру. Шокуров лежал на диване, возле него на полу валялась курительная трубка.

– Ай-ай-ай! Дрыхнет и плюет на весь коллектив! – съяз-

вила секретарша, грубо тряхнула его за плечо и отдернула руку. – Он это, кажется, того...

Милиционер убедился в отсутствии пульса, повернулся к дворнику. Тот все понял без слов и убежал вызывать труповозку.

IV

«Господи! Почему так холодно и жестко?» – Вениамин свесил с каталки ноги. Вокруг стояли передвижные лежанки со спящими людьми. «Где это я? Неужели опять лихорадка?» – он спустился на кафельный пол и на цыпочках подошел к соседу. Осторожно приподнял край простыни. Из-под нее выглянуло заостренное лицо мертвеца. Шокуров в ужасе отпрянул. Стуча зубами, выскочил в коридор. Как он оказался в морге, было непонятно. Все, что отложилось в памяти, так это оргия в богато украшенном шатре.

Вениамин закоулками добрался до дома. Его встретила опечатанная бумажной лентой дверь. За притолокой был запасной ключ. Оторвав проштампованную бумажку, Шокуров проник в квартиру,

сложил в папку недописанный отчет и задумался: «Боже мой, что же председателю сказать?» – хмуря лоб, он спустился во двор.

Фойе Географического Общества встретило скорбной тишиной и до боли знакомым портретом в траурной рамке. Под

ним лежали свежие цветы. Шокурову стало тоскливо, будто собрались хоронить не его, а более близкого и дорогого ему человека. Уборщица не замечала усопшего, явившегося попрощаться с коллективом, и продолжала болтать с какой-то женщиной.

– Царствие ему небесное! – прошептала она.

– Да уж! Заснул и не проснулся. Легкая смерть! А председатель как отреагировал? Столько денег вбухали в командировку, а он даже не отчитался.

Уборщица оперлась на швабру, как на посох.

– А что председатель? Уволили его давеча! Плохо справлялся с обязанностями, приписками занимался. Посадят, наверное! Вместо него другого прислали. Строгий, взгляд холодный, рыбий! – Ее невольно передернуло. – На нерусского похож.

Шокуров перестал слушать бабий треп и поднялся по лестнице. У кабинета он причесался и с опаской толкнул дверь. Новенькая секретарша поливала цветы. Вениамин хотел обратиться к ней, но раздумал. «Будь что будет!» – он собрал силу воли в кулак и шагнул навстречу судьбе.

В кабинете за столом председателя сидел мужчина восточного типа. Он грыз карандаш и просматривал прессу. Шокуров поднес к губам кулак и кхекнул. Мужчина оторвался от чтения, окинул вошедшего взглядом.

У Вениамина создалось впечатление, что они уже встречались.

– Простите, мы с вами не знакомы? – спросил он, изучая лицо нового председателя.

– Ну что вы?! Я только заступил на должность. А вас, как я понимаю, готовят к встрече с вечностью?! – Он засмеялся.

Вениамин протянул руку и представился:

– Шокуров! Я определенно где-то вас встречал!

– Ах, оставьте домыслы!

Вместо ответа на рукопожатие мужчина позвонил в колокольчик и крикнул в пустоту:

– Зара, сделай кофе!

Ангелы из «Гильдии добра»

I

Вот уж пару недель, как, следуя настоятельному совету врача, Силантий Николаевич Коровин бросил курить и употреблять алкоголь, отчего возненавидел весь белый свет, особенно по утрам. Жизнь его, и без того не выдающаяся, совсем потеряла краски и вкус. То есть вкус-то остался, но только во рту, и какой-то затхлый, будто от просроченных, заплесневевших продуктов. Манера крутить сигарки из тонкой рисовой бумаги, набивая ее душистым табаком с перемолотыми в старинной кофемолке косточками бергамотовой груши, осталась, но ее нынешняя бесполезность еще больше раздражала Коровина, а то и вовсе ввергала в кручину и мизантропию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.